ЛЕНИН
ОГОНЁК
ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА», МОСКВА
№ 7 ФЕВРАЛЬ 1984

1984 4 1984
ВОСКРЕСЕНЬЕ
ВЫБОРЫ
в Верховный
Совет
СССР
Все на выборы!
АГИТПУНКТ
Избирательный
участок
№ 111/1205
по выборам
в Верховный Совет
СССР
Добро пожаловать!

**НАВСТРЕЧУ ВЫБОРАМ
В ВЕРХОВНЫЙ СОВЕТ СССР**

Товарищи избиратели! Граждане Советского Союза! Центральный Комитет КПСС призывает вас отдать свои голоса за кандидатов блока коммунистов и беспартийных. Единодушным голосованием вы вновь продемонстрируете верность курсу партии на коммунистическое созидание и мир.

Из Обращения Центрального Комитета Коммунистической партии Советского Союза ко всем избирателям, гражданам Союза Советских Социалистических Республик.

АВТОРИТЕТ

**Николай БЫКОВ,
фото Бориса КУЗЬМИНА,
специальные корреспонденты «Огонька»**

Закубанская степь. Избирательный округ Невинномысский. В селах, станицах, рабочих поселках, райцентрах и в самом Невинномысске что ни день идут собрания, избирательная кампания в разгаре.

В кабинет председателя колхоза «Казьминский» — а час уже был поздний — вдруг вплывает корзина цветов, незнакомые хозяину мужчина и женщина улыбаются, радостно объясняют свое вторжение:

— Мы, Александр Алексеевич, только что с собрания, наш коллектив выдвинул кандидатом в депутаты Верховного Совета СССР одиннадцатого созыва вас, Александр Алексеевич! Так что примите поздравления.

Шумский, конечно, знал о выдвижении его кандидатуры, но цветов и гостей явно не ожидал, поднялся из-за стола, на котором был разложен проект отчета на близком общеколхозном собрании: «Спасибо, спасибо...»

— Я ваше доверенное лицо,— представился Николай Иванович Колесников, заместитель директора Невинномысского шерстяного комбината имени Ленина,— а Светлана Павловна Передрий — секретарь нашего партийного комитета. Еще раз поздравляем и просим дать согласие!

Александр Алексеевич, по всему было видно, глубоко переживает происходящее, можно только догадываться, какие чувства обуревают его. «Согласие...» Не раз от него требовалось дать согласие...

Кончал школу, когда молодежь с нетерпением уезжала на целину. Вот когда он был согласен мчаться хоть куда, но... Опоздал на большое дело. Старшие брат и сестра уже работали, и родители — те всегда работали не покладая рук. А через пять лет, накануне вручения диплома инженера, члены комиссии по распределению спросили у Александра Шумского, согласен ли он работать в колхозе. Нелегкие для села были годы, колхозы и совхозы нуждались в специалистах. И он дал согласие без колебания и тени смущения — дерзать так дерзать, да, кроме всего прочего, голова и руки жаждали конкретного дела. Но была и еще одна причина — семья, его семья, поскольку одна необыкновенная дивчина еще на четвертом курсе согласилась выйти за самого застенчивого однокурсника замуж...

Одиннадцать лет, одиннадцать сложных и долгих лет работал Александр Алексеевич в колхозе имени Чапаева Кочубеевского района, что через межу от теперешнего его хозяйства. Ни одно высшее учебное заведение не сравнить с той школой жизни, какую прошел, взрослея и мужая, молодой колхозный инженер. И вдруг в один нежданный день пригласили его, Шумского, в райком партии, поговорили: вырос, мол, как руководитель, и поехал он с секретарем на собрание в Казьминское. А там после бурных речей, сдобренных критикой и самокритикой, перечислением взаимных болей, бед и обид, секретарь райкома рекомендовал колхозникам нового председателя правления... Люди, давно почуявшие, к чему шло их собрание, потребовали от соседа из колхоза имени Чапаева немедля дать свое согласие! Потому как человеку со стороны иногда способнее разобраться, где и почему еще недавно славный на всю округу колхоз стал буксовать.

И снова поступком отвечая на крутой поворот, казалось бы, такой простой во всей жизни, Александр Алексеевич дал согласие. То было в августе 1974 года. Скоро десять лет, как председательствует Шумский в колхозе «Казьминском». Что пережил за это десятилетие, вот так с ходу и не перескажешь... Очевиден итог его усилий, усилий всех казьминцев: колхоз лучший в Кочубеевском районе. А может быть, и во всем Ставропольском крае. И уж наверняка один из лучших, можно сказать, образцово-показательный, колхозов в стране.

Александр Алексеевич всегда отвечает согласием на доверие. И поэтому всюду, где он работает, возникает атмосфера высокого профессионализма и принципиальности. Воздухом согласия дышит вот уже без малого десять лет и Казьминское, в общем-то обыкновенное ставропольское село. И, конечно же, необыкновенное, из привычного ряда вон выходящее.

Казьминское славится колхозом, а за этим фактом — жизнь во всех ее проявлениях, жизнь тысячи семисот колхозников, обладате-

См. стр 4.

◀ **Молодые избиратели села Казьминского — они будут голосовать впервые.**

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫЙ ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ И ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЖУРНАЛ

Основан 1 апреля 1923 года

№ 7 (2952)
11 ФЕВРАЛЯ 1984

В НОМЕРЕ:

«СИДЯЧИЕ УТКИ», ИЛИ «ЗУБЫ ДРАКОНА»

Евгений КОРШУНОВ

С недавних пор, всего несколько недель назад, в Бейруте появилась новая газета. Впрочем, «Дейли стар», как называется это издание на английском языке, в общем-то газета не совсем и новая. Она выходила в Бейруте много лет и закрылась в дни гражданской войны 1975—1976 годов. Как в прошлом, так и ныне назвать прогрессивной эту газету никак нельзя. Западные журналисты, бывающие на позициях американских морских пехотинцев из так называемых МНС — «многонациональных сил», находящихся вблизи бейрутского аэропорта, отмечают, что «Дейли стар» входит в ежедневный интеллектуальный рацион американской военщины.

И все же в последнее время, как отражение настроений, все шире охватывающих американцев, находящихся и в Ливане и за много тысяч километров от него, в «Дейли стар» все чаще и чаще появляются карикатуры, хотя и поставляемые западными агентствами, но, с точки зрения бригадного генерала Джеймса Джоя, командующего американским контингентом МНС, вряд ли имеющие мобилизующее воздействие на его подчиненных. Вот, например, одна из них. На фоне развалин с надписью «Бейрут» морские пехотинцы единогласно и поспешно тянут вверх левые руки (правые у них заняты оружием!), офицер, стоящий перед ними с развернутой газетой, орет:

— Я не просил вас голосовать «за»... Я только сказал, что наш вывод отсюда возможен!

Ливанские газеты ведут тщательный подсчет потерь, которые несут сегодня многонациональные силы в Бейруте и его окрестностях. Ко дню, когда я писал эти строки, американцы потеряли здесь убитыми 259 и ранеными 131 человека. Французы — 84 убитыми и 107 ранеными. Итальянцы — 1 убитым и 50 ранеными. У англичан — один раненый.

Сегодня, как отмечают газеты, американских вояк на ливанской земле насчитывается до 1800 человек, причем 300—400 из них недавно были переведены с суши на корабли шестого флота, а на ночь туда же отправляется еще около 600 человек. Французы сократили свое присутствие в Бейруте на 625 человек, отправив их в южный Ливан, в состав находящихся там с 1978 года специальных сил ООН. На треть сократили количество своих солдат итальянцы. Сменены командующие американским и французским контингентами. Позиции, занимаемые этими контингентами, превращены в мощные укрепленные районы. Приняты все меры, чтобы к ним нельзя было прорваться, как это случилось в октябре прошлого года, когда неизвестные водители — «камикадзе» направили на американский и французский штабы свои набитые динамитом грузовики и, взорвав их, уничтожили большое количество американцев и французов.

Сегодня американские и французские войска в Ливане буквально терроризированы угрозой повторения подобных нападений. Вашингтон заявляет, что, по его сведениям, в ливанскую долину Бекаа поставлены в разобранном виде легкие самолеты и вертолеты, с помощью которых «террористы» намерены совершить самоубийственные нападения на корабли шестого флота. Самолеты и вертолеты, разумеется, должны быть набиты взрывчаткой и пилотироваться все теми же «камикадзе». Американцы и французы объявили о создании вокруг своих боевых кораблей, стоящих на рейде Бейрута, «зон безопасности», где запретны воздушные и морские сообщения. На американские корабли доставлены ракеты «Стингер», предназначенные специально для уничтожения «низко и медленно летящих целей», способных «обмануть» радарную систему защиты. «Заморские гости» опасаются и атак быстроходных и юрких глиссеров, тоже, разумеется, набитых взрывчаткой и управляемых «камикадзе».

Как только не называют себя американские морские пехотинцы, зарывшиеся в ливанскую землю, ощетинившиеся артиллерийскими и пулеметными стволами, прикрываемые танками, самолетами и кораблями шестого флота, среди которых и линкор «Нью Джерси», чьи 16-дюймовые орудия бьют на расстояние до ста сорока километров. Чаще всего американцы именуют себя «сидячими утками», то есть неподвижной легкой целью для тех ливанцев, которые не желают терпеть присутствия МНС на своей земле.

Об отношении этих ливанцев к МНС, и в особенности к американцам, чьи снаряды, ракеты и бомбы пролили уже немало крови на многострадальной земле Ливана, говорят листовки, недавно распространенные в Бейруте. Одна из них называется «Во имя чего!». Она была выпущена на английском языке и обращена к американским морским пехотинцам. «Во имя чего вы ведете войну в Ливане за тысячи миль от берегов Америки!— начиналась эта листовка.— Во имя чего вы рискуете своими жизнями! Рейган послал

Американский морской пехотинец близ бейрутского международного аэропорта.

Солдаты США обыскивают жителя ливанской столицы.

Фото ЮПИ — ТАСС

вас сюда под предлогом разъединения воюющих сторон. Но палестинские подразделения давно уже покинули Бейрут... Вас втягивают в войну против ливанцев, палестинцев и сирийцев... Рейган знает достаточно хорошо, что на предстоящих выборах миллионы американцев, которых он лишил работы и надежд на будущее, будут голосовать против него. Чтобы удержаться на своем посту еще на очередные четыре года, ему нужны деньги и поддержка американских сионистов. Но никто не дает деньги просто так, и Рейган расплачивается с кредиторами вашими жизнями».

В другой листовке, подписанной «Родственники убитых. Ливанский комитет», американцам грозят отомстить за ливанцев, погибших под американскими бомбами и снарядами. Характерно, что гнев ливанского народа направлен в первую очередь против американцев и французов, осуществляющих прямые военные акции против районов, контролируемых оппозиционными силами — Фронтом национального спасения и его союзниками. Итальянцы и англичане всячески заигрывают с местным населением, подчеркивая, что не намерены вмешиваться во внутриливанский конфликт. Однако ФНС и его союзники решительно требуют вывода из Ливана всех многонациональных сил, заявляя, что роль этих сил с момента их прибытия в Бейрут в дни израильского вторжения в Ливан летом 1982 года ныне коренным образом изменилась и они участвуют в гражданской войне, фактически возобновившейся в Ливане в 1983 году. «Лоялисты», то есть представители сил, поддерживающих правительство, призывают МНС сделать все, чтобы «выполнить свою задачу и помочь законному правительству восстановить его власть на всей ливанской территории». В случае ухода МНС из Ливана, говорят «лоялисты», США и страны НАТО «потеряют лицо и доверие», а в самом Ливане начнется хаос и установится режим, контролируемый... Советским Союзом! «Лоялисты» заявляют также, что без поддержки МНС позиции Запада в Ливане будут потеряны.

Прямо противоположную оценку многонациональным силам дают лидеры оппозиции. Бывший президент Ливана Сулейман Франжье, например, заявил следующее: «Президент Рейган признал, что вмешательство США в дела Ливана необходимо для американской политики в регионе. Американцы находятся в Ливане не ради защиты интересов Ливана, а чтобы служить интересам США». Франжье решительно требует вывода МНС. Этого же требует бывший премьер-министр Ливана Рашид Караме, так как считает, что «их присутствие используется в войне, которая ведется против всего Ливана». Такие высказывания звучат сегодня каждый день.

Слово «мир»
Он склоняет по всем падежам,
Но к большому разбою
Склоняется сам.

Рисунок Бор. ЕФИМОВА
Стихи Ник. ЭНТЕЛИСА

В то же время Рейган твердит, что США «не оставят своих друзей в Ливане и морские пехотинцы не уйдут из него, пока не выполнят свой долг». Этот «долг» трактуется им так же, как и уже вышеназванными «лоялистами». Однако почти 60 процентов американцев высказались в ходе недавнего опроса общественного мнения за уход США из Ливана. Вопрос о пребывании американцев в Ливане, по выражению газет, стал «ахиллесовой пятой» предвыборной кампании Рейгана.

В одной из зарубежных газет мне довелось недавно видеть фотографию: молодой художник рисует на асфальте портрет Рейгана — с клыками, с которых стекает кровь ливанских стариков, женщин и детей. И при виде «клыков» Рейгана мне вспомнилось древнее выражение: «Тот, кто посеет зубы дракона, пожнет ненависть».

Американцы, окопавшиеся сегодня на ливанской земле,— это отнюдь не безобидные и не беззащитные «сидячие утки». Это «зубы дракона», «посеянные» американским империализмом, администрацией Рейгана. И эта администрация пожинает сегодня гнев и ненависть ливанского народа.

Бейрут (по телефону).

АВТОРИТЕТ

Начало см. на стр. 1.

Механизатор Лидия Ивановна Денисюк — доверенное лицо кандидата в депутаты Верховного Совета СССР.

лей Красного знамени ЦК КПСС, Совета Министров СССР, ВЦСПС, ЦК ВЛКСМ. Не проходит недели, чтобы сюда не приехали дальние и ближние специалисты всех отраслей сельского хозяйства с одним вопросом на устах: «Как вы всего этого добились?» Председатель колхоза, специалисты, колхозники отвечают охотно и, как им кажется, подробно, безбожно повторяя друг друга: «Работаем. А что же еще? Работаем, и чтобы все по науке и чтобы обязательно с прибылью». И все? И все: по науке, напряженно, с выгодой для себя, колхоза и государства.

Заслуга Александра Алексеевича Шумского, сменившего в колхозе человека старательного, опытного, в том и заключается, что он сумел придать новое ускорение развитию колхозной экономики. Причем на принципах, естественных более для конца семидесятых годов, чем для периода двадцатилетней давности.

Первый секретарь Кочубеевского райкома партии Николай Тимофеевич Вильгоцкий так охарактеризовал казьминского председателя, ныне кандидата в депутаты высшего органа государственной власти:

— Шумский — человек с широким общественно-политическим кругозором. У него инженерное мышление как бы окрылено даром мыслить стратегически, даром предвидения. Таких руководителей село давно ждало и ждет... К тому же Александр Алексеевич, будучи человеком скромным, негромким, в поступках смел. Его смелость помогает ему жить бескомпромиссно, добиваться намеченного. Много ездит, читает, присматривается к опыту авторитетных руководителей, ищет. Ищет сам. И все лучшее, передовое на сегодняшний день берет, не тратя лет на разговоры... А для такого стиля жить и руководить нужна смелость. Уверен, что кандидатуру Шумского избиратели поддержат, его далеко в округе знают!..

Колхоз «Казьминский» председатель называет агропромышленным предприятием. Это он, Шумский, сделал его таким. Судите сами, среди обширных угодий, занимающих семнадцать тысяч гектаров, двенадцать тысяч гектаров — пашня. Молочный комплекс да к нему еще две молочнотоварные фермы. Около десяти тысяч голов молодняка крупного рогатого скота на откорме. Да еще семнадцать тысяч овец. И кормов хватает, и государству продают продукции все больше и больше. Ну, как тут обойтись без цифр, подтверждающих умную работу колхозников, правления, специалистов и председателя! Продажа зерна по сравнению с девятой пятилеткой увеличилась почти вдвое, мяса — более чем вдвое, молока — в полтора раза. Лет восемь назад прибыль составила девятьсот тысяч рублей, а ныне — вот он, отчет за 1983 год, на столе у Шумского — прибыль составила пять миллионов сто тысяч рублей! Приезжие по многу раз переспрашивают: «Сколько, сколько?..»

— Гектар у нас поумнел!—объясняют обычно казьминцы.— Он и прежде силен был, чернозем, и к лодырю ласков, но наш гектар еще и поумнел. Хорошо на науку реагирует.

Колхоз пошел на ряд экспериментов в растениеводстве, организации труда и оплате. Купил межхозяйственную откормочную площадку, покрыв ее убытки. Все ходы председателя и его единомышленников, прежде всего главного агронома Ивана Степановича Коробкина, главного экономиста Александра Ивановича Яковлева, секретаря парткома Николая Григорьевича Фоменко, главного инженера Бориса Федоровича Кузнецова, все ходы их были дальновидными, эффективными. Что сделали? Укрупнили севообороты; перестроились организационно, приняв цеховую систему, при которой главные специалисты возглавили свои отрасли хозяйства; ввели аккордно-премиальную оплату за конечную продукцию... Тут главное в том, что Шумский и его штаб не хватались за что-либо одно, пусть даже самое распередовое, а решали одновременно, как модно говорить, комплекс проблем. Проблем неотложных в связи с наступившей эрой хозрасчета и научно-технического прогресса, достигшего села. Ставка на проверенные рекомендации ученых. И на интерес работающих в поле, на ферме и в мастерских. Именно это и дало те плоды, которые с новой силой приумножили славу Казьминского. Они сделали привычную и повседневную работу колхозников не облегченной, но осмысленной и стабильно прибыльной, а имя председателя — авторитетным настолько, что именно его на собраниях, проходящих в Невинномысском избирательном округе, назвали кандидатом в народные депутаты.

Александр Алексеевич Шумский.

И Александр Алексеевич дал согласие баллотироваться по этому избирательному округу. Здесь он родился, здесь нашел себя, свое призвание. Добился выдающихся успехов на своем поприще. Ему присвоено звание Героя Социалистического Труда. Ему в марте исполнится сорок шесть лет. Сильный, образованный, много и глубоко думающий человек. Человек знаний и дела. Вожак по натуре, справедливый и принципиальный. Плоть от плоти сын народа, потомственный ставропольский селянин, живущий в полном согласии с потребностями души, с законами всего живого на земле.

УСПЕХАМИ В ТРУДЕ
ОТВЕЧАЮТ СОВЕТСКИЕ ЛЮДИ НА ОБРАЩЕНИЕ ЦК КПСС КО ВСЕМ ИЗБИРАТЕЛЯМ, ГРАЖДАНАМ СССР.

ВЫПОЛНИМ СВОЙ ДОЛГ

Самое дорогое на земле — это мир. Отстоять его, предотвратить ядерную катастрофу, как подчеркивается в Обращении ЦК КПСС,— главная задача современности.

Мы, ленинградцы, только что отметившие 40-летний юбилей полного снятия блокады, знаем цену мирной жизни. И хорошо понимаем, что в борьбе за нее нет более надежного оружия, чем наш созидательный труд во имя укрепления экономического и оборонного могущества Отчизны.

Труженики нашего предприятия по праву гордятся своим вкладом в строительство крупнейшего на планете газопровода Уренгой — Помары — Ужгород. В прошлом году, освоив серийное производство уникальных газоперекачивающих агрегатов мощностью 25 тысяч киловатт, мы, как и предусматривалось обязательствами, досрочно отправили их на трансконтинентальную магистраль, способствуя тем самым значительному сокращению сроков ее строительства.

В текущем году машиностроители «Невского завода» намечают не только закрепить, но и развить достигнутые успехи. Приняв напряженные социалистические обязательства, коллектив решил перевыполнить задание по росту производительности труда на один процент и на полпроцента снизить себестоимость товарной продукции. Досрочно — в честь 67-й годовщины Великого Октября будет завершен план четырех лет по объему производства, а по темпам роста производительности труда к той же дате мы выйдем на контрольные цифры, предусмотренные на конец 11-й пятилетки. Это обеспечит возможность за четыре года реализовать дополнительно к плану продукции на 15 миллионов рублей.

В. НИКИТИН,
начальник стендово-сборочного цеха объединения «Невский завод» имени В. И. Ленина

НАДЕЖДА ЧЕЛОВЕЧЕСТВА

Ленинской Правдой, уважительной откровенностью веет от каждой строки документа, с которым ЦК КПСС обратился ко всем избирателям, гражданам СССР. Политика нашего государства всегда была откровенной и открытой, рассчитанной на широкое и активное участие всего народа в решении как внутренних, так и внешнеполитических задач. В этом основа ее стабильности и последовательности.

4 марта мы проголосуем прежде всего за политику мира и созидания, проводимую Коммунистической партией и Советским правительством, проголосуем за лучших из лучших представителей народа, которым развивать и отстаивать взятый нашей страной политический курс.

В последние годы, когда по вине безответственных политиков некоторых западных государств опасно расшатывается международная стабильность, все миролюбивые люди земли с надеждой смотрят на Советский Союз и страны социалистического содружества. Авантюристической политике международного разбоя, взятой на вооружение нынешними хозяевами Белого дома, советские люди должны противопоставить свою сплоченность с партией, организованность, сознание высокой ответственности за укрепление экономической и оборонной мощи нашего государства—надежного оплота мира.

О. УСТИМЕНКО,
инженер-геолог

Киев.

Каждый коллектив призван принять конкретные меры, направленные на снижение затрат труда, расхода сырья, материалов, топливно-энергетических ресурсов.

Из Обращения Центрального Комитета Коммунистической партии Советского Союза ко всем избирателям, гражданам Союза Советских Социалистических Республик.

Миллион красных шапочек

Куда направить журналисту стопы, получив задание редакции: как в Грузии претворяются в жизнь решения декабрьского Пленума ЦК КПСС по сверхплановому росту производительности труда и снижению себестоимости продукции? Пойти к электровозостроителям? Громадный заводище в Тбилиси. Крупногабаритная продукция. Или на авиационное предприятие имени Димитрова? Известно, что димитровцы мобильно откликаются на партийные призывы. Или к металлургам Рустави поехать? А может быть, в Кутаиси, на автомобильный, где вот-вот станет на конвейер долгожданный грузовик для села? Однако журналист в данном случае — женщина, мысленно тяготеющая к легкой промышленности. Мы, женщины, еще не остыли от предновогодней беготни по магазинам в поисках красивой одежды, всяких свитеров, кофт и блузок, платьев и рейтуз. И хотя, может быть, все дело лишь в местном патриотизме, но как-то приятно, что на этикетках удачных покупок все чаще и чаще встречается название грузинской фирмы «Бахтриони».

Электровозы, конечно, нужны, кто этого не понимает! И сталь нужна. И автомобили еще как нужны! Но есть нужда и в теплых, красивых шапочках, кашне для наших детей и внуков.

Согласна со мной и рабочая вязального цеха «Бахтриони» Антонина Ивановна Мозговая, которая выпускает все эти необходимые людям вещи. Антонина Ивановна обслуживает за смену не две, как положено, а четыре вязальные машины. Иначе говоря, оделяет бахтрионскими шапочками и кашне не одного малыша, а двух.

Антонина Ивановна Мозговая — бывшая ленинградка, но уже давно живет в Грузии, она депутат Верховного Совета республики и делегат многих тбилисских городских партийных конференций. Она напоминает: одна из недавних конференций прошла под лозунгом «Все лучшее — детям!».

— Все мы,— говорит Антонина Ивановна,— стараемся выпустить такую продукцию, в которую хотели бы одеть и своего собственного ребенка.

И, наверное, это стремление чувствуется далеко от Тбилиси. Сужу по тому, как много писем получает «Бахтриони» из разных городов страны. Мол, купили ваши шапочки, понравились, вышлите такие же. А один товарищ из города Сумы, дабы не получить отказа в спортивных брюках, сообщает в письме директору как интимное: он-де не простой смертный, а судья первой категории по футболу! И должны быть на нем именно бахтрионские брюки... Лестно? Конечно. Но ведь с подобной просьбой надо обращаться не на предприятие, а на базы Кооппосылторга. Это к слову.

Итак, нахожусь на «Бахтриони». Начало четвертого года пятилетки. Начало четвертого года существования этого трикотажного производственного объединения Минлегпрома Грузинской ССР. «Бахтриони» — ровесник пятилетки. «Бахтриони» — один из отлично удавшихся экспериментов рационального использования трудовых ресурсов в высокогорных районах республики. Что это такое? То, что, кроме головного тбилисского предприятия, насчитывающего менее тысячи рабочих, три швейно-трикотажные фабрики расположены в отдаленном Богдановском районе, как говорится, «за кудыкиными горами», где женщины были заняты в основном картошкой. Да картошки-то немного в горах... И теперь они трикотажницы. В самой Богдановке — шестьсот человек, в горном селе Кондура — четыреста человек, в горном селе Эштиа — триста человек. Тысяча триста горянок объединены теперь трудовыми узами со столичными подругами.

Мне повезло. У генерального директора объединения Тамаза Арчиловича Патаридзе на головном предприятии как раз собрались директора трех отдаленных фабрик: Георгий Бицкинашвили, Геворг Гомцян, Александр Ераносян. Подводили итоги прошедшей декады с учетом нового года. Пора освоения новой продукции, уточнения планов. Согласовывались важные хозяйственные мелочи. Не вникаю, не мешаю. Только вижу, что партийный призыв по росту производительности труда проник и в далекие горы. Директор богдановской фабрики высказывает вполне выношенное предложение.

— Поскольку мы уже перешли на бригадный метод,— говорит он,— хотим высвободить часть контролеров и занять их более конкретным делом, непосредственно производством.

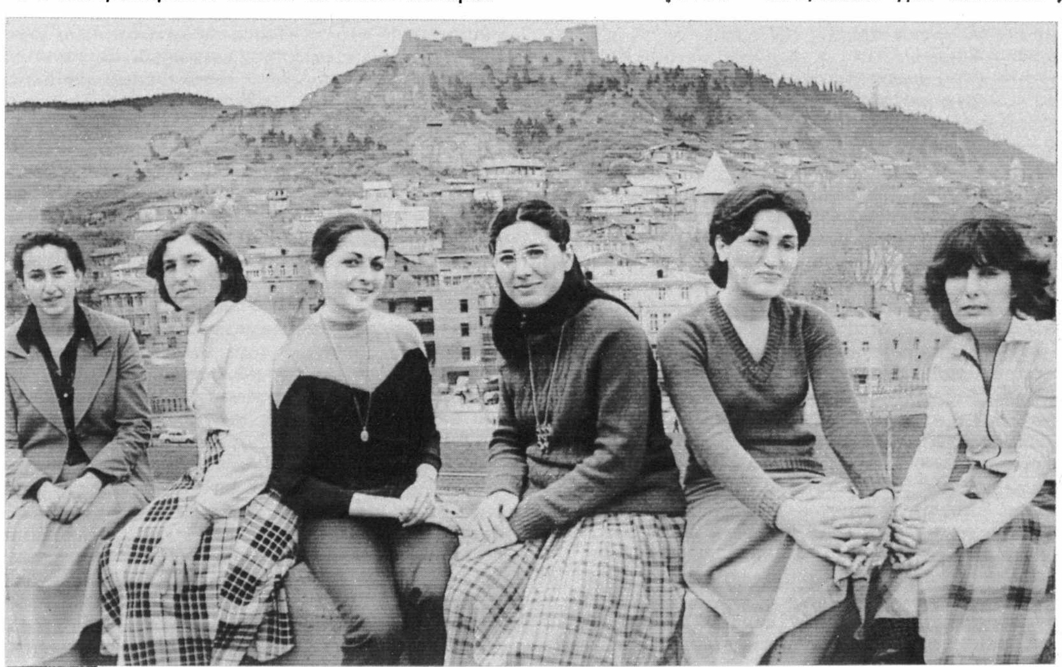
И пусть это будет маленьким, но приложением к тому искомому проценту роста! Его уже нашли здесь, на головном предприятии. Нашли во внедрении малой механизации в закройном цехе. «Вот здесь у нас будет подвесной тельфер, и полотно пойдет прямо в красильное хозяйство,— показывают мне женщины.— А вот с помощью этого пошивочного конвейера будет поступать крой...»

— Конечно, это облегчит и ускорит ручную работу трикотажниц,— говорит главный инженер «Бахтриони» Леила Александровна Костава.— И снизит себестоимость продукции. Знаете ли, какая годовая экономия от полпроцентного снижения? Сто пятьдесят тысяч рублей! Умноженные на сэкономленные рубли других трикотажниц страны, наши полпроцента превратятся в миллионы рублей, миллион красных шапочек!..

Записано в блокнот еще немало цифр, которые пусть там и останутся, ибо к чему они вам, читатель? Важно, что некая не очень большая «Бахтриони» тоже озабочена тем, чтобы вам было что купить, тоже участвует в больших государственных делах, которые складываются из тысяч маленьких. Бахтриони — название известной в Грузии древней крепости в Алазанской долине. Только в VII веке в Бахтриони лилась кровь защитников родины, сверкали мечи и свистели стрелы. Из теперешнего «Бахтриони» поставки нацелены на прилавки магазинов, чтобы доставить радость человеку большому и маленькому.

И. МЕСХИ,
собкор «Огонька»

На снимке: передовые швеи «Бахтриони».
Телефото Г. Кикнадзе
(ТАСС — специально для «Огонька»)



Хочется мальчишкам во всем походить на своего наставника Юрия Николаевича Буянова.

ЭТА ОБЫЧНАЯ НЕОБЫЧНАЯ

— Мальчик, ты из 796-й школы?
— Да.
— А уроки труда у вас есть?
— Есть.
— И чем вы там занимаетесь?
— Для завода работаем...

Из разговора

Сегодня об этой школе с гордостью говорят в Перовском районе Москвы, о ее работе рассказывают на педагогических совещаниях. Гости, которые здесь бывают, видят прекрасно оборудованный учебно-производственный корпус, теоретические кабинеты, где ребята изучают азы токарного и слесарного дела, совсем неказенные мастерские. Все здесь окрашено в розовое, бежевое, светло-зеленое. На окнах такие красивые занавеси, что не грех и позавидовать. Гостям покажут столярную мастерскую, где можно произвести все операции, от распиловки досок до чистовой обработки. Проведут в электромонтажный цех, где девятиклассники собирают блок защиты для стиральной машины «Эврика». Учит их мастер Любовь Ивановна Мерзлякова.

Случается, гости попадают на чей-нибудь день рождения — такие праздники в школе не редкость. Отмечают их в своей столовой, которую скорее можно назвать уютным кафе. Деревянные столы, резные стулья и керамику подарили детям сотрудники базового предприятия — Московского прожекторного завода. А вот сервировка и именинный пирог — дело рук самих учащихся, несколько необычный экзамен по уроку труда. И хотя учительница Надежда Васильевна Любавина по профессии модельер, в кулинарии она разбирается на славу и тому же учит своих подопечных.

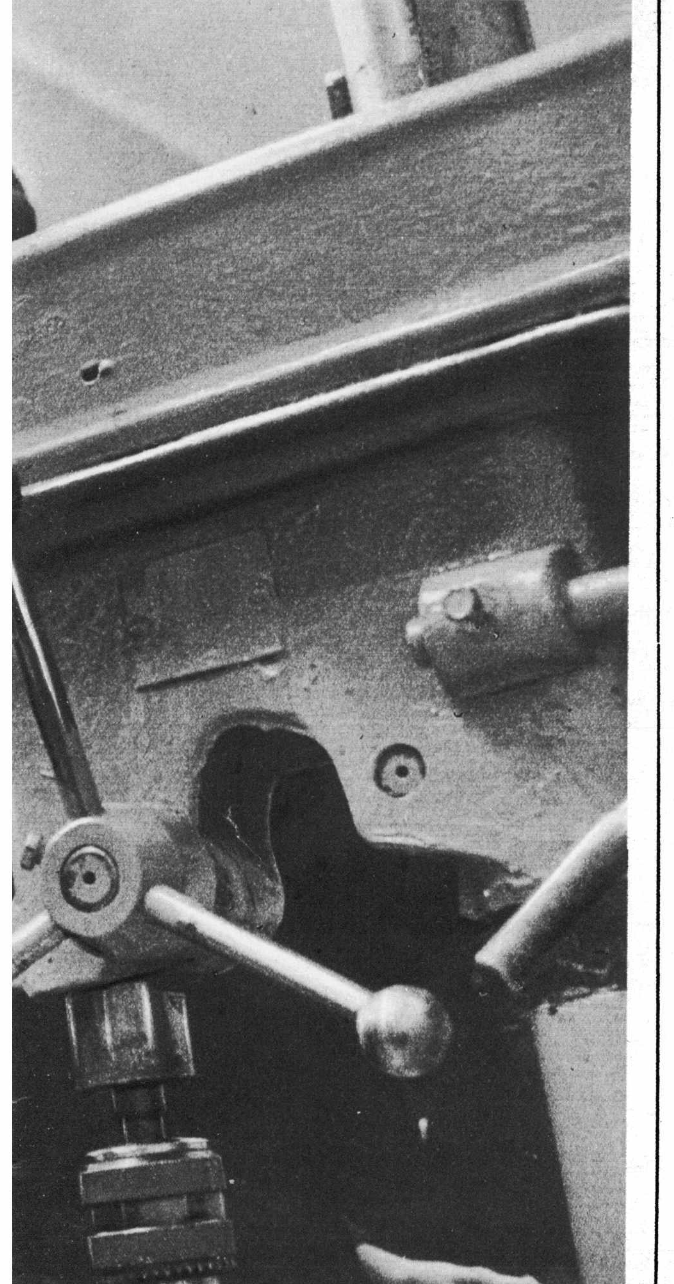
Ну, а если гости придутся ребятам по душе, их пригласят на экскурсию на «свой» Прожекторный завод. И обязательно познакомят со своими наставниками, мастерами и в разговоре непременно упомянут, что только за первую четверть они заработали на заводе 862 рубля и сделали триста тысяч нужных деталей...

Что же это за школа, где каждый школьник не только ученик, но и труженик?

— Наша школа с углубленным трудовым обучением,— говорит директор Антонина Ивановна Быстрова.— Она себя оправдывает. Ребята с успехом участвуют в производительном труде. Это подтверждает опыт работы с базовым предприятием. Прожекторный завод создал для нас материально-техническую базу, выделил мастеров производственного обучения, наставников. Ребята, в свою очередь, согласно школьной программе на уроках труда выполняют ряд несложных операций, нужных предприятию. Те, что постарше, успешно осваивают профессии электромонтажниц, токарей, деревообработчиков и слесарей. Причем выполняют работу с удовольствием. Объясняется это не только тем, что обучают ребят мастера с большим стажем и добрым сердцем. Я убеждена: детям необходимо сознание, что их труд не игра, не пустое времяпрепровождение, что в деталях, сделанных ими, заинтересованы взрослые, у них, если хотите, общие дела и заботы.

Авторитет старших товарищей по труду для ребят непререкаем. Юрий Николаевич Буянов — высококвалифицированный слесарь. В школе преподает недавно, считает, что учить ребятишек — милое дело: столько в них хорошего, умного, столько желания побыстрее освоить станок, да так, чтоб не просто детали делать, а непременно для завода.

В начальных классах у ребятишек интереса к профессиям еще нет, но и они тянутся к делу, ремеслу, хотят что-то мастерить. В цехе для таких классов малыши осваивают конструирование. За рабочими столами от окна до дверей группками сидят мальчишки и девчонки и что-то рисуют, чертят, монтируют, клеят. На языке учительницы это означает: все вместе работают над проектом. Каждая группка делает свое: одни — гараж, другие — машину, третьи озеленяют территорию... ма-



ШКОЛА

стерят, разговаривают, кажется, нет никакой сосредоточенности. А с точки зрения директора и преподавателя, такая атмосфера и есть «обучающая среда».

А как к такой школе относятся родители?

— По-разному,— говорит Антонина Ивановна.— Вначале было непонимание. Удивлялись: какой еще производительный труд? У вас школа или ПТУ? Что это еще за эксперимент? Письменное разрешение у вас есть? — поначалу спрашивали иные папы и мамы. И категоричность бывала: «Мой ребенок не пойдет на завод»...

Потом познакомились ближе. Побывали на уроках, посмотрели, как трудятся дети, и когда подвели на общешкольном собрании итоги, то родители долго не расходились. Теперь желающих забрать ребят из школы нет.

...Поздний вечер. Одно за другим погасли окна в ребячьих мастерских. Устали за день, угомонились и самые энергичные сорванцы. Антонина Ивановна обошла свои «владения». Довольная, улыбнулась: идет шестой месяц, как сюда впервые пришли ребята, а чистота кругом такая, будто только что ремонт закончили. Следят за всем сами ученики.

З. ДМИТРИЕВА

Фото А. Гостева

ОБСУЖДАЕМ ПРОЕКТ ЦК КПСС О ШКОЛЬНОЙ РЕФОРМЕ

За годы, которые отделяют нас от предыдущих выборов, многое сделано для развития ОБРАЗОВАНИЯ, НАУКИ И КУЛЬТУРЫ. Завершен переход ко всеобщему среднему образованию. Коренному улучшению трудового обучения и профориентации молодежи, повышению качества учебы и воспитания будет способствовать реформа общеобразовательной и профессиональной школы.

Из Обращения Центрального Комитета Коммунистической партии Советского Союза ко всем избирателям, гражданам Союза Советских Социалистических Республик.

КЕМ БЫТЬ?

Вопрос, который мы вынесли в заголовок, не так прост и очевиден, как может показаться на первый взгляд. Есть все основания предполагать, что задают его не только в детском саду, там он весьма популярен, не только в школе, хотя там этот вопрос уже обретает практическое значение, его задают себе и в институте и после его окончания, имея в кармане диплом, когда уже, казалось бы, этот вопрос должен быть решен самой жизнью.

В Запорожском машиностроительном институте учатся около десяти тысяч студентов. Нам не раз приходилось сталкиваться с положением, когда студент, пройдя конкурс, поступив в институт, лишь к концу третьего курса начинает понимать, чем ему придется заниматься в жизни, какая будет у него профессия и что она означает. И выясняется, что молодой человек поступал в институт, увлеченный не столько содержанием профессии, сколько благозвучием ее названия.

Каждая группа студентов оканчивает институт, не досчитываясь нескольких своих сокурсников. Они, как говорится, сходят с дистанции по разным причинам, нередко из-за того, что постепенно теряют интерес к своей будущей профессии. Нам могут возразить, что это неизбежно, что отсев всегда был и будет. Но мы хотим обратить внимание на те случаи, когда после нескольких лет обучения студент начинает понимать, что будущая работа его совершенно не интересует.

Что же делать?

Думается, что еще в школе необходимо должным образом готовить выпускников к выбору профессии. Может быть, есть смысл подумать о специальном курсе по ознакомлению с различными профессиями, их характером, своеобразием. Перед выходом в большую жизнь выпускники школ должны побывать на предприятиях, в конструкторских бюро, учреждениях.

О профориентации четко говорится в 21-м пункте «Основных направлений реформы». Думается, что его следует дополнить предложением: **«Наряду с созданием центра профориентации следует целеустремленно и глубоко вести эту работу в школах».**

Существует практика, когда специалисты рассказывают о своей работе. Это хорошо, это полезно, но этого мало. Ученики видят перед собой не труд, а человека в парадном костюме, который более или менее складно пытается им рассказать то, что они нередко знают и без него. Может быть, есть смысл организовать телевизионные передачи, в которых ученики знакомились бы с различными профессиями. Пусть это будут пятнадцатиминутные передачи о самых различных специальностях, нужных народному хозяйству. И тогда мы реже будем сталкиваться с таким положением, когда уже взрослые люди с дипломами, высшим образованием работают совершенно в других областях, более или менее удачно приспосабливая свои знания к незнакомой сфере производства.

Подробное ознакомление с производством еще на школьной скамье позволит привлекать молодежь к той деятельности, которая в данный момент является особо важной в данном регионе. Например, сейчас сложилась весьма напряженная обстановка в области переработки грузов. Несколько миллионов человек так или иначе связаны с этим делом. Погрузочно-разгрузочные работы, складские операции, перегрузки, связанные с железнодорожным, автомобильным, промышленным и внутризаводским транспортом, отнимают у народного хозяйства на эти операции большое количество средств и энергии. Решить эту проблему необходимо уже сейчас, потому что общее развитие техники погрузочно-разгрузочных работ отстает от технического прогресса на производстве в целом. Здесь нужны изобретатели, конструкторы, организаторы производства, нужны просто, как говорится, светлые головы, вооруженные самыми современными знаниями. Этот пример мы привели еще и потому, что часто рядом с ведущими профессиями вроде шахтера, машиностроителя, металлурга остаются как бы в тени профессии не менее важные, не менее интересные, не менее нужные народному хозяйству.

И. ЗАВГОРОДНИЙ,
лауреат Государственной премии УССР, доцент кафедры промышленного транспорта,
В. ПОДГОРНЫЙ,
заслуженный рационализатор УССР, доцент кафедры промышленного транспорта

Запорожье.

ИЗ ПОЧТЫ ЭТИХ ДНЕЙ

ШЕФСТВО НЕ ДОЛЖНО БЫТЬ ОБУЗОЙ

Школа работает на завтрашний день. Думаю, что эту истину никому доказывать не надо. Школа — это зеркало будущего. Давайте вглядимся в него, окинув мысленным взором миллионы учебных классов, лабораторий, мастерских, в которых наши дети постигают основы наук и профессий. Почти тридцать пять лет я вглядываюсь в него, стараясь, чтобы мои ученики не просто механически впитывали знания, но и учились самостоятельно мыслить, были готовы к сознательному и творческому труду, чтобы сердцем и умом восприняли светлые идеалы нашего социалистического общества и продолжали дело отцов. У советской школы много заслуг, но она не должна останавливаться в своем развитии. Это одна из главных мыслей проекта ЦК КПСС «Основные направления реформы общеобразовательной и профессиональной школы». Вот почему к этому документу приковано внимание не только учителей. Его идеи отражают интересы всего народа, волнуют каждую семью. Мы внимательно и горячо обсуждали проект и на педсовете школы и на открытом партийном собрании, куда пригласили представителей нашего базового предприятия, наших шефов. Пригласили не случайно. Ведь не секрет, что руководители многих предприятий-шефов считают свои подшефные школы лишней обузой, относятся к ним как к назойливым просителям. Шефство не должно быть обузой. Поэтому, на мой взгляд, следует внести в проект такое дополнение: **«При подведении итогов деятельности предприятий наряду с производственными показателями учитывать его вклад в шефскую работу»**. Не надо забывать, что именно из школ идет пополнение на фабрики и заводы. Уверена: там, где жалуются на нехватку молодых рабочих, шефская работа запущена, существует лишь на бумаге, в отчетах... Навыки труда в раннем детстве — это надежная нравственная основа на всю жизнь. И кем бы ни стал потом человек — ученым или рабочим, артистом или земледельцем, чабаном или инженером,— везде он будет честным тружеником. Мне бы хотелось, чтобы уже в начальных классах основы труда преподавали знающие специалисты, а не тот единственный учитель, который и так ведет семь-восемь предметов. Это подняло бы преподавание труда на новый качественный уровень. И еще. Наши школьные мастерские вторую половину дня пустуют. Может быть, в это время стоило бы привлекать лучших рабочих, ушедших на пенсию, для кружковой работы? Желающих среди учеников найдется много. Разовые экскурсии школьников на предприятия ничего не дают ни тем, ни другим, пустая формальность. А связь предприятий со школой должна быть живой. Не будем забывать: школа — наше будущее.

Р. НУРТАЗИНА,
директор школы № 12,
Герой Социалистического Труда
Алма-Ата.

ПРОЧЕРК В АТТЕСТАТЕ

Я работаю учителем математики в сельской школе 31-й год. Прочитав статью З. Байрамовой «Насущные вопросы», напечатанную в № 3 журнала «Огонек», я должна сказать, что вполне согласна с ее автором: есть ли смысл в аттестате ставить тройки по тем предметам, которые ученик явно не усвоил. Действительно, мы вводим в заблуждение самого ученика, выставляя ему незаслуженные оценки. Формализм и процентомания в оценке знаний так укоренились на местах, что нельзя стало в четверти, а тем более в году поставить двойку — лишь бы меньше было шумихи. И вот получается, ученики поняли, что их все равно выпустят из школы, и не стараются трудом заработать эту тройку.

Прочерк в аттестате, я считаю, самый правильный путь усиления ответственности самих учащихся за качество знаний.

Е. ПЕРЕГУДОВА,
учитель математики Полянской восьмилетней школы

Грибановский район,
Воронежской области.

ОТВЕТСТВЕННОСТЬ ЗА ОЦЕНКУ ЗНАНИЙ

Сейчас широко развернулось обсуждение проекта школьной реформы. Думается, что каждый советский человек заинтересованно следит за ним. Особенно отрадно то, что реформа призвана исправить те недостатки, которые имели место ранее.

Сегодня ознакомился с опубликованной в «Огоньке» статьей З. Байрамовой «Насущные вопросы». Меня заинтересовала в особенности концовка, где она пишет: «...Придется ставить тройку. А может быть, не ставить? Возможно, есть смысл в аттестате просто не выставлять отметок по тем предметам, которые ученик явно не усвоил?» Полностью согласен с предложением З. Байрамовой указывать, что ученик просто прослушал курс по тому или иному предмету, без обязательного указания, на какую отметку он его усвоил. Да, когда в обязательном порядке ставят удовлетворительные отметки, мы обманываем самих себя, вводим в заблуждение выпускника и в конце концов общество.

Я горячо присоединяюсь к мнению автора. В самом деле, если реформа ставит своей задачей усилить ответственность учащихся за качество учебы, то необходимо очень серьезно и вдумчиво отнестись к этому. Аттестат должен соответствовать действительной оценке знаний выпускника.

В. БЕЛОВ,
пенсионер, участник Великой Отечественной войны

Чехов,
Московской области.

---

2 000 000 КОМБАЙНОВ

В Ростове-на-Дону — юбилей. На главном конвейере трижды орденоносного завода сельскохозяйственного машиностроения «Ростсельмаш» все готово к тому, чтобы дать стране двухмиллионный комбайн — прекрасный подарок ко Дню выборов в Верховный Совет СССР. Событие, достойное быть отмеченным не только в цехах прославленного предприятия, не только в городе комбайностроителей — Ростове-на-Дону, но и в стране, где поля зерновых занимают многие и многие десятки миллионов гектаров! Комбайн — машина из крестьянских снов. Веками землепашцы мечтали о чудесной помощнице, которая бы и косила хлебные растения и обмолачивала бы их, которая бы и веяла и собирала зерно... Слово «комбайн» стремительно ворвалось в лексикон рабочих и крестьян почти пятьдесят пять лет назад, когда родился завод «Ростсельмаш». Начали с производства крестьянских ходов, потом из года в год наращивали свою мощь, шли от конструкции к конструкции, и вот сегодня, когда с конвейера сбегают «Нива» за «Нивой», коллектив готовит зерновой комбайн «Дон-1500». Разные имена у детей «Ростсельмаша», но есть постоянство в том, что коллектив конструкторов, инженеров, техников, рабочих всегда был в числе активных соучастников индустриализации нашего сельского хозяйства. Государство ни на день не оставляло первенца отечественного комбайностроения без внимания. Биография этого завода связана с деятельностью Ф. Э. Дзержинского, М. И. Калинина, А. М. Горького... И наступил день, когда потеснил заокеанскую уборочную машину комбайн наш, ростовский, «с большевистским словом Сельмаш»!

День рождения юбилейного комбайна был запрограммирован самой жизнью, волей и мастерством его создателей. Конвейер — это значит ритм, четкость производства и ожидаемый результат. Это творчество. Только что, казалось бы, новинкой была «Нива» марки СК-5, но вот сегодня сходят новые «Нивы», модернизированные СК-5А. Завтра в широкие степи выплывут гиганты «Дон-1500»!.. Жизнь и поиск продолжаются.

Н. ШАТОВ

Фото И. Гаврилова

Они собирали юбилейную «Ниву».

Главный конвейер.

Н. Крымов. 1884—1958. К ВЕСНЕ. 1907.

Государственная Третьяковская галерея

Н. Крымов. УТРО В ЦЕНТРАЛЬНОМ ПАРКЕ КУЛЬТУРЫ И ОТДЫХА им. М. ГОРЬКОГО В МОСКВЕ. 1937.

Государственная Третьяковская галерея

ЗИМА. 1933.

НИКОЛАЙ КРЫМОВ

Кто любит русскую природу, не может не задержаться в Третьяковской галерее или в Русском музее у тончайших, одухотворенных пейзажей Николая Петровича Крымова. Неброские, чуждые эффекта картины подолгу не отпускают от себя восхищенного зрителя, будь то много видевший ценитель или впервые пришедший на экскурсию школьник. В них — воплощенная красота, свежесть и искренность. А когда три таких слагаемых сходятся вместе, мало кто сможет остаться безучастным к столь редкому союзу.

Николай Петрович Крымов родился в Москве сто лет назад в семье живописца. Его старший брат Василий тоже был художником. Но жизненный путь будущего мастера не был предопределен. Мать оказалась против появления в семье еще одного художника. Однако отец учил его рисунку, развивал вкус.

В 1904 году Крымов поступил в Училище живописи, ваяния и зодчества. Два года он проучился на архитектурном отделении, пока не осознал твердо свое истинное призвание и не перешел на отделение живописи.

Попав в мастерскую А. Васнецова, юный художник вместе со всеми рисовал пейзажи-макеты, посыпанные вместо снега бертолетовой солью. Но это занятие не очень увлекало его. Вместо унылых фанерных пейзажей он стал писать с натуры виды из окна. Так появились первые самостоятельные работы «Пейзаж с луной», «Летняя ночь», «Лунная ночь», небольшие камерные полотна, полные поэзии и покоя. Тема лунных сумерек с загадочным блеклым светом луны и таинственными силуэтами деревьев привлекала мечтательную душу молодого живописца. Учителями его были К. Коровин, В. Серов, Л. Пастернак, Н. Касаткин.

Художник отдал дань разным поискам в русском искусстве начала XX века, участвовал в выставках «Голубой розы», экспозициях, организованных журналом «Золотое руно», «Венок». В 1910 году он вступил в «Союз русских художников», объединивший в себе лучших художников того времени: в него входили, например, К. Коровин, К. Юон, А. Архипов.

Начиная с 1914 года Крымов каждое лето живет в милом подмосковном местечке Краскове, пишет много этюдов. Наблюдения природы делаются у него все более разнообразными и ощутимыми. Художник быстро становится признанным, его пейзажи приобретает Третьяковская галерея.

В 1922 году в этих залах состоялась его персональная выставка, которая как бы подытожила начальный период деятельности, дала возможность проследить становление живописца, подчеркнула зарождение нового в творчестве. В эти годы он много пишет в Звенигороде, в Саввинской слободе. Многочисленные этюды, созданные здесь, лаконичны и строги. Эти пейзажи не повод к выражению личных эмоций; художник с уважением созерцает природу, благоговея перед ее гармонией.

С 1928 года и до последних дней жизни любимым местом работы и отдыха мастера становится Таруса. Эти места на Оке еще с конца XIX века были нашим отечественным Барбизоном. Здесь жили В. Поленов и В. Борисов-Мусатов, В. Ватагин, К. Паустовский и многие другие знаменитые живописцы, скульпторы, писатели. Художник приезжает сюда каждое лето, без устали бродит по окрестностям с этюдником, стараясь запечатлеть мгновенные и неповторимые состояния природы. Его работы приобретают черты, характерные для «позднего» Крымова,— обязательную верность натуре, безусловную правдивость, решительный отказ от нарочитой оригинальности и внешних эффектов.

К тому времени он уже разработал основные принципы своей знаменитой тональной системы живописи. Свои новые взгляды он формулирует в статьях «О живописи», «О Левитане». «При настоящей живописи,— пишет, например, Н. П. Крымов,— отпадает забота о внешности картины, о нарочитой «красоте» и оригинальности письма, фактуре, индивидуальной манере и разных пустяках, но остается взамен много забот о содержании, об идее и поэтическом изображении природы».

Много лет отдал он педагогической деятельности: был профессором Высших художественно-технических мастерских (ВХУТЕМАС), преподавал в полиграфическом институте, затем в художественном училище памяти 1905 года.

Главной его заботой было научить студентов смотреть на природу, «поставить глаза». Мастер сравнивал живопись с пением. Если певцу необходимо ставить голос, говорил он, то живописцу — глаза. До прихода Н. П. Крымова в училище студенты писали сложные, многофигурные композиции, обнаженную натуру; он же заставлял их сначала работать с простыми на первый взгляд объектами: кубиком, фанерным домиком, клочком смятой бумаги. И ученики с удивлением понимали, что, мня себя готовыми художниками, они на самом деле не могут пока справляться с простейшими постановками.

К Николаю Петровичу запросто заходили молодые художники спросить совета, показать новые работы да и просто пообщаться. И Крымов охотно принимал их. Его советы касались не только сложных живописных проблем, но и простых, совершенно необходимых вещей: как загрунтовать холст или лучше натянуть его на подрамник.

Не щадя своего времени, мастер помогал начинающим, и те платили ему стойкой, многолетней любовью. Иногда общение перерастало в теплую дружбу. Так случилось с Андреем Петровичем Полюшенко, ныне народным художником РСФСР, лауреатом Государственной премии имени И. Е. Репина. Вот что он вспоминает:

«Познакомился я с Николаем Петровичем так: в сороковом году в Москве, на Кузнецком мосту, проходила выставка «Молодые художники РСФСР». Крымов обратил внимание на мои пейзажи и пригласил к себе в мастерскую, чтобы я показал ему свои натурные этюды...

Вот и Полуэктов переулок. Здесь живут Крымовы. В небольшой комнате, завешанной этюдами, на мольберте пейзаж, Николай Петрович в теплой пижаме стоит у заиндевевшего окна, дышит на него, расчищая пальцем иней.

— Вру,— говорит он,— никак не попаду в тон.— В это время он писал с натуры крышу соседнего дома, постоянно оттаивая подмерзающее окошко.

Я принес небольшие этюды. Неторопливо, одну за другой, разбирает он мои работы. Говорит резко, нелицеприятно. Его советы незабываемы. У него был свой особый язык и своя шкала оценки. Для внушения какой-либо важной мысли он всегда находил зримый, запоминающийся образ. Когда он однажды хотел отговорить одного начинающего художника от писания большого полотна, то сказал так: «Если у вас мало мастерства, то берите небольшие полотна, если у вас в запасе всего одна ложка сахарного песка, то положите ее в полстакана воды, а не в целую бочку».

Мастер не уставал повторять: «Будьте искренни, пишите, как видите, и если вы художник, то ваша живопись не оставит зрителя равнодушным. Он почувствует красоту, увиденную вами в природе, и разделит ваше восхищение ею. Таланту нельзя научить, его можно только развить. Я не зову вас назад, ибо верю и знаю, что Репин, Серов, Левитан все еще впереди, а не позади нас, современников».

У него была такая манера — в каждой жизненной ситуации находить пример для подтверждения своих любимых мыслей о живописи. Он, впрочем, всегда говорил только о живописи. Помню, мы играли на бильярде в Центральном Доме работников искусств. Я бил эффектно, сильно, с шумом раскатывал шары. Николай Петрович долго прицеливался и неброским, точным ударом посылал шар в лузу.

Выиграв несколько партий, он заметил, усмехаясь: «Вот и в живописи так: манера эффектная, а толку мало».

Однажды я пришел из Третьяковки к Крымову. Он спросил: «Левитановский мостик видел?»

— Видел,— говорю.— Ну и что?

— А слыхал, как под мостиком лягушки квакают? Каково!

Действительно, в любом пейзаже Левитана слышно пение птиц, шелест листвы, дыхание самой земли.

Крымов очень любил Левитана. Он говорил про него так: «Меня всегда поражает в Левитане его необычайное, тонкое зрение. Его пейзажи тем и замечательны, что при широком письме они материальны, воздушны и правдивы. Молодым пейзажистам нужно учиться у Левитана исключительной простоте и свободе живописи, правдивости и точности в передаче общего тона в природе. Без этих знаний художник не может двигаться вперед».

О Врубеле говорил: «Это изумительный живописец. В его произведениях всегда угадан верный тон. Однажды вечером, в сумерках, он увидел старое дерево. В это время из-за леса вышла луна, и в самой природе он ощутил и увидел своего «Пана». Вот почему так жизненно и верно написана эта замечательная картина. Врубель хорошо знал законы освещения в природе. Но иногда он сознательно нарушает их. Наши глаза в сумерках не воспринимают красный цвет: в это время он желтый. Но Врубель в другой работе «зажигает» цветы чертополоха, встревоженных коней — отблесками заката. От этого картина становится волшебной, сказочной! Вот какое чудо создает художник, когда верно берет общий тон картины, верно определяет ее световой строй».

В последние два десятилетия художник уже не мог ходить из-за тяжелой болезни ног. Он даже не смог присутствовать на своей юбилейной персональной выставке в залах Академии художеств в 1954 году. После вернисажа его друзья и почитатели приехали в Полуэктов переулок, к нему домой. Он был очень растроган. Друзья Николая Петровича подняли бокалы с шампанским за здоровье «певца русской природы».

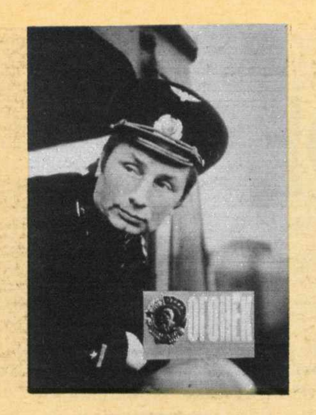
...В бывшем Полуэктовом (ныне Сеченова) переулке торжественно открывалась мемориальная доска замечательному мастеру.

В своем выступлении один из учеников сказал:

— Здесь собрались многие известные деятели культуры, и почти каждый может сказать про себя: «В свое время Николай Петрович помог мне». Да, Крымов умел помочь. И советом и делом. Он открывал каждому нечто новое в его творчестве, умел направить на правильный путь в дальнейшей работе.

Время безошибочно определяет значимость человеческой личности. Такие люди, как Крымов, со временем становятся еще дороже нам, живут в нашей памяти и поддерживают нас на жизненном пути.

Людмила **МАКАРОВА**



В государстве столь обширном, как наше, совершенно особую роль играет транспорт. Роль и экономическую, и политическую, и, если хотите, психологическую.

Ю. В. АНДРОПОВ

Интервью это было записано отчасти в Москве, но в основном на перегоне Ленинград—Москва в салон-вагоне министра путей сообщения СССР Николая Семеновича КОНАРЕВА. При расшифровке магнитной записи меня отвлекал постоянный стук колес, гудки встречных поездов и другие шумы, вполне привычные в купе, но не в квартире. Отсюда и название:

ИНТЕРВЬЮ ПОД ПЕРЕСТУК КОЛЕС

Алексей МАСЛОВ,
специальный корреспондент «Огонька».
Фото автора

Несколько слов о собеседнике.

Объемы работ подведомственной ему отрасли исчисляются миллиардами рублей. Время, и его личное тоже,— секундами. Он возглавляет армию в несколько миллионов человек. Это железнодорожники. От слаженности их работы зависит не только наше, рядовых пассажиров, настроение, хотя, если принять во внимание, что со всех вокзалов Советского Союза в дорогу ежедневно нас отправляется более одиннадцати миллионов,— и это фактор немаловажный, но главное — от слаженности работы железнодорожников зависит хозяйственный ритм страны: уголь, нефть, руды, черный металл, лес, цемент, удобрения, хлеб, металлоконструкции, доставленные на предприятия и стройки своевременно. От этого зависит развитие экономики страны. В конечном счете нельзя забывать, что железнодорожный транспорт всегда был родным братом нашей армии.

Н. С. Конарев родился в Донбассе в семье рабочего. Трудовая биография его началась на станции Основа Южной железной дороги. Прошел путь от рядового инженера-эксплуатационника до министра. Сейчас ему 56 лет. Последние тридцать четыре года работает практически без выходных. В людях ценит целеустремленность, честность, принципиальность. Презирает краснобаев, стяжателей, подхалимов. Держится просто, и разговаривать с ним — удовольствие. Поражает удивительной памятью. На вопрос, сколько он спит, ответил: «Четыре, пять часов ежедневно». У него несколько заместителей и помощников, но все ключевые проблемы курирует лично. Говорит не торопясь. Прежде чем произнести слово — взвешивает.

* * *

Первая наша встреча состоялась в Москве, в его кабинете на Ново-Басманной, но разговор был недолгим: в приемной ожидало аудиенции несколько генералов, если так можно выразиться по отношению к железнодорожникам. У них особая форма: знаки различия на обшлагах кителя. Форма невоенная, но дисциплина, с точки зрения министра, не должна уступать армейской. Вообще «честь мундира», точнее, честь железнодорожника — его кредо.

— Какое значение вы, как член правительства, придаете своим выступлениям в печати и по телевидению? — спросил я.

— Самое серьезное. Мы, руководители различных отраслей народного хозяйства, лично обязаны как можно чаще делиться нашими планами, просто информацией о своей деятельности с массовой аудиторией, миллионами читателей и телезрителей, рассказывать об успехах и недостатках. Как иначе? У нас цель одна, и мы работаем по доверию людей на общее благо.

— Николай Семенович, ваш помощник сказал мне, что сегодня вы едете в Киев. В понедельник будете в Москве, а в среду едете уже в Ленинград. Нельзя ли присоединиться к вам, чтобы поговорить не спеша?

— А что вас интересует?

— Состояние и развитие транспорта в нашей стране.

— В таком случае вам надо ехать со мной не до Ленинграда, а во Владивосток,— шутит министр.— Ну что ж, я не против.

На том и порешили. Неожиданный поворот ситуации был мне на руку. Как бы я ни был подготовлен к предстоящему разговору, чувствовал: чего-то не хватает.

Профессия железнодорожника во все годы Советской власти считалась героической. Машинист паровоза — это звучало гордо. Вспомним литературу: «Бронепоезд 14-69» Вс. Иванова, рассказы А. Платонова... Вспомним «Великий почин» рабочих депо Москва-Сортировочная. Вспомним Петра Кривоноса, машиниста, имя которого, подобно Стаханову, гремело по всей стране; вспомним подвиги железнодорожников в годы Великой Отечественной войны... А что мы знаем о них сейчас? Мало кто представляет себе условия и характер работы машиниста локомотива, диспетчера, начальника станции или дороги, составителя поездов и путевого обходчика, в конце концов того же кассира. А знаете ли вы, что современный пассажирский поезд, состоящий из 18 вагонов, по количеству обслуживаемых пассажиров равен средней гостинице или морскому лайнеру? Наверное, нет.

Мы, рядовые пассажиры, порой забываем, что в 1919 году в распоряжении Советской власти имелось всего лишь 20 тысяч верст железнодорожного полотна и 5 тысяч паровозов, половина которых была неисправна. Редко кто из нас задумывается о том, что любые наши проблемы, в том числе железнодорожного транспорта, не только социальные, связанные с экономическим потенциалом страны, но и общеполитические, во многом зависящие от международной обстановки.

Сейчас, наверное, мало кто, даже из ветеранов-железнодорожников, помнит плакат времен гражданской войны. Сам я увидел его случайно. Экспрессивный рисунок в манере того времени и текст, брошенный через весь лист:

Победа начинается
в мастерских,
катится по
рельсам
и кончается
на фронте
ударом штыка

* * *

В ожидании поездки и встречи с министром я не стал терять времени. Каждый день — новая встреча. И каждая — как сюрприз. С удовольствием заглянул бы еще раз к Ивану Васильевичу Белову, летчику-фронтовику, доктору экономических наук, ректору МИИТа. Слушаешь его и забываешь о времени, это — редкое удовольствие. Чувствую еще тепло рукопожатия Юрия Чумаченко, моего ровесника, Героя Социалистического Труда, машиниста электровоза депо Москва-Сортировочная. «По мне работа»,— сказал он на прощание, осаживая свой сверхтяжелый товарняк на станции Ждановская. Кажется, только вчера я прощался на перроне Ярославского вокзала с Валерием Дмитриевичем Аникиным. Что значат для нас две недели? А для него это двадцать тысяч километров под стук колес, через всю страну, и за все, что происходит в каждом из шестнадцати вагонов, он, начальник поезда «Россия», в ответе.

Приступая к теме, я думал, что хватит места и возможностей в объеме очерка предоставить место каждому из тех, с кем наметил встречу. Но, увы, у жанра свои законы, а у журнала вполне ограниченные возможности. Жаль, потому как те, с которыми мне довелось встретиться, люди удивительные,

скромные и самоотверженные. И совсем неожиданно после встречи с ними, будто из мглы забвения, озаренной светом, я отчетливо увидел Владимира Петровича Глухова.

Сухонький, в форменной замасленной фуражке и шинельке не по сезону, он сидит за обшарпанным, совсем казенным столом у чугунной буржуйки и, безмолвно шевеля губами, закрывает наряды на мою зарплату.

Каждый из нас что-нибудь любит. Глухов любил паровозы. Любил как-то болезненно, оставляя только за собой это право. Во время войны он был машинистом-наставником. После того, как его взрывом ударило о тормозной кран и здорово контузило, он долго болел, но не выдержал: чтобы слышать дыхание жизни и гудки паровозов, устроился на материальный склад Московско-Киевской железной дороги начальником; чугунные печки-буржуйки, брус и доски для нар — все его хозяйство. Я, шестнадцатилетний юноша, был приписан к нему грузчиком.

На раскаленной плите сифонит чайник. Наряды закрыты. Мы пьем чай с вареньем, выданным нам по случаю предстоящей зарплаты моей матерью.

— Вчера заглянул в депо,— мирным голосом рассказывает наставник,— это же не слесаря! Там, где на ниточку надо подвернуть, он, скотина, кувалдой саданет. А потом что? Паровоз — это машина, которая деликатность любит. Подлей-ка мне кипяточку. Хорошая, видно, женщина твоя матушка, неплохое вареньице. А знаешь ты, что такое, когда на уклоне полсотни вагонов с танками тебе в тендер прут? Ого, инерция какая!

За стеной пакгауза в морозной тишине раннего утра раздается гудок паровоза, окрик сцепщика, глухой лязг и скрежет вагонов. Это маневровый пришел взять разукомплектованные вагоны.

— А, ты слышал? — с полдороги возвращая ложку с вареньем в банку, бормочет Глухов.— Да разве можно такому... Он же, подлец, всю сцепку размолотит! Ну и народ!..— И торопливо, на ходу застегивая свою шинелишку, выскакивает на мороз.

Было это много лет назад...

* * *

Звонок из МПС заставил меня срочно выехать в Ленинград. Министр, возвращаясь из Финляндии, вспомнил обо мне и просил передать о возможности встречи на маршруте Ленинград — Москва.

В дорогу я захватил некоторые материалы, где дан анализ развития советского транспорта в сравнении с зарубежным. Приведу несколько цифр, хотя сам не люблю их монотонности. Что поделаешь? У железнодорожников все в цифре, в процентах.

Оказывается, на долю советских железных дорог приходится 53 процента грузооборота всех железных дорог мира. Это ни много ни мало — 3,6 триллиона тонно-километров. Сколько эта цифра представляет в зримом образе? Я не научный популяризатор, и сказать, можно ли протянуть состав с этим грузом до Луны, или, насыпав его грузом, воздвигнуть искусственный Эверест, не могу. Пассажирские перевозки в СССР составляют также большую цифру — 25 процентов от количества перевозок во всем мире. Эти объемы тем более убедительны, если принять во внимание, что общая протяженность дорог в нашей стране составляет лишь 11 процентов стальных магистралей планеты. Так что же стоит за этой феноменальной интенсивностью использования железнодорожного полигона в нашей стране? Оказывается, в СССР производительность грузового вагона, его среднесуточный пробег в несколько раз выше, чем в США. Примерно втрое более высокими темпами обеспечивается переработка вагонов сортировочными станциями СССР. По уровню электрификации железнодорожной сети мы также на первом месте в мире. Локомотивами на электрической и тепловозной тяге у нас сейчас выполняется практически сто процентов всех перевозок. Только в десятой пятилетке железным дорогам страны было поставлено более 2200 электровозов и 5600 секций тепловозов, 250 тысяч грузовых и 15 тысяч пассажирских вагонов. Производственные фонды возросли на 13,5 миллиарда рублей.

Но... При всей убедительности этих цифр чем объяснить, что за первые два года одиннадцатой пятилетки грузооборот железных дорог вырос менее чем на один процент в соотношении с 1980 годом при задании на пятилетку 14—15 процентов?

* * *

...Когда поезд миновал пригородные опушки Ленинграда, часы показывали полночь. Николай Семенович после возвращения из Финляндии выглядел немного уставшим и без кителя как-то по-домашнему.

— Нам бы,— неожиданно прерывая себя, сказал он,— по этой дороге надо было ехать весной.

— Почему? — спросил я.

— Потому что с апреля 1984 года на этот маршрут мы ставим скоростной экспресс. За пять часов были бы в Москве.

— Что ж хорошего? Опять мы не успели бы побеседовать,— пошутил я, хотя было не до шуток: времени и без экспресса оставалось маловато.— Николай Семенович, вы остановились на том, что «необходима мобилизация резервов». Что под этим следует понимать? — спросил я.

— Во-первых, реализацию возможностей, которыми располагает сеть железных дорог. Мы имеем мощный технический и технологический потенциал, но он по нашим меркам используется недостаточно.

Серьезным резервом движения перевозок является совершенствование управления перевозочным процессом, ремонтной службой — всем нашим хозяйством. Комплексная механизация и автоматизация транспортного производства. Повышение веса, длины, скорости поездов. Техническое совершенствование существующих железнодорожных линий, их электрификация. У нас пока электрифицировано 32,6 процента от общей протяженности сети, а ведь электрифицированные магистрали значительно производительнее тех, где работают тепловозы.

Во-вторых, необходимо укреплять дисциплину, повышать производительность труда, общий уровень организации производства, улучшать кадровую политику. «...Люди политически зрелые, компетентные, инициативные, обладающие организаторскими способностями и чувством нового» — эти слова Юрия Владимировича Андропова — ключ к решению многих проблем, и не только на транспорте.

Экономика с каждым годом предъявляет все более высокие требования к работе транспорта. Обеспечить необходимые перевозки — долг железнодорожников, и мы его выполним. Об этом говорят наши показатели за минувший год.

В общем, программа есть, она реализуется. Работаем над планом реальных возможностей, над объединением наших усилий с усилиями министерств, республик, краев, областей, городов в решении транспортных проблем.

— Николай Семенович, расскажите о проблемах, связанных с пассажирскими перевозками.

— Основная — их колоссальное увеличение. Если весь «Аэрофлот» перевозит в год 115 миллионов пассажиров, то столько же прибывает и отправляется в путь только лишь с одного из крупных московских вокзалов. Для пассажира представление о железной дороге создается на вокзале. В Москве их девять. Белорусский, Павелецкий, Казанский находятся в стадии реконструкции. Возьмем, например, Курский. Что он собой представляет? Построен был в 1896 году в расчете на 200 человек. В 1936-м реконструирован на 1200. Последняя реконструкция, 1972 года, была рассчитана на 13—15 тысяч. Сегодня в пиковую волну его услугами пользуются до тридцати тысяч человек. В летний период на перроны ежесуточно прибывает и отправляется 160 поездов дальнего следования и 650 пригородных электропоездов, а это более 700 тысяч пассажиров. Интервал движения в такое время составляет одну-две минуты. Конвейер! Чтобы обслужить такое число пассажиров, на вокзале работают 72 билетные кассы. В этом году их начинает обслуживать система «Экспресс-2», совершеннейшая электронно-вычислительная машина, память которой позволяет дать ответ на полмиллиона запросов в сутки.

— Это трудно себе представить. Что практически дает использование этой системы?

— Практически это значит, что время, необходимое для оформления билета, сократится в два раза; значит, сократятся очереди.

— Нужная машина. А что вообще можно сказать об использовании ЭВМ и других научно-технических достижений в железнодорожном транспорте?

— Круг проблем, связанных с использованием ЭВМ на транспорте, весьма широк. Сейчас все дороги, а их у нас тридцать две, имеют вычислительные центры. Наша задача объединить их в единую систему, решающую проблему управления. Когда ЭВМ следит за перемещением вагонов и грузов, появляется возможность укрупнения диспетчерских участков, на более широком полигоне эффективнее управлять движением поездов, уменьшить интервал между поездами, а значит, увеличить пропускную способность участка.

Как показывают расчеты, в перспективе не менее шестидесяти процентов прироста перевозок должно осваиваться за счет увеличения веса составов. Сейчас мы завершаем испытание электронной системы объединения локомотивов с управлением ими из одной кабины.

Однако надо заметить, создание современных автоматизированных систем управления, внедрение прогрессивных технологических процессов и передового опыта в нашей отрасли ведется недостаточно энергично, а внедрение новой техники затягивается порой на долгие годы. Недопустимость такого положения очевидна, и поправлять его будем решительно.

— Николай Семенович, а что для вас в вашей работе главное?

— Главное... чувство долга. Расскажу такой случай. Было мне двадцать пять лет. Работал заместителем начальника отделения Южной дороги по оперативному планированию: перевозки, графики, работа локомотивов, работа станций — контролировал все, что касается движения транспорта. Однажды прихожу на работу, смотрю — диспетчерская опечатана. «Как же пойдут поезда?» — была первая мысль. Я знал, что снять пломбу, поставленную инспектором по охране труда, не имеет права даже начальник дороги, но все-таки снял ее. Поступок мой рассматривался высоким руководством. Меня оправдали. Потому, что в нашей работе самое главное: не должно быть формального подхода к делу! Поездам в любых обстоятельствах надлежит идти по графику.

Ну что, может, отдохнем перед началом рабочего дня? — устало предложил Николай Семенович.

Мы пожелали друг другу спокойной ночи, хотя было три часа утра. За разговором я выпил несколько чашек кофе. Сна не было... «Интересно,— подумал я,— был ли случай, чтобы хоть один министр давал интервью в такое время?» Кстати, поскольку уж я остался один: вагон-салон министра путей сообщения ничего особенного собой не представляет. Пять купе — одно для проводников — разделены салоном, где находится длинный стол для совещаний, диван и восемь стульев. Никакой аппаратуры, кроме магнитофона, стоящего в углу на отдельном столике, как ни странно, я не увидел.

Каждый из нас что-нибудь любит. Я люблю дороги. Много красот на земле. Порой, чего греха таить, не раз появлялось у меня желание спрыгнуть на полустаночке да и зашагать навстречу судьбе. Но всегда останавливала мысль: дано ли человеку право шагать без цели? У каждого из нас есть свое дело, и предназначение наше, наверное, и состоит в том, чтобы мы, как и поезда, несмотря ни на что, шли точно по своему маршруту.

Когда поезд замедлил ход, я вышел в тамбур. За окном бежали одинокие огни стрелок и семафоров, басами перекликались маневровые локомотивы. Мы проезжали Калинин. И вспомнился мне отчего-то радостно-торжествующий гудок паровоза, голос моей железнодорожной юности. Сейчас его заменили совсем другие голоса.

Шагая по холодному тамбуру под перестук колес — четыре шага туда, четыре обратно,— я думал, смогу ли когда-нибудь научить своего сына любить раз и навсегда выбранное дело так, как любил свои паровозы Глухов.

Ленинград — Москва.

МОСКВА, 41-й

Иван СТАДНЮК

РОМАН

Рисунки П. ПИНКИСЕВИЧА

Рокоссовский встревоженно посмотрел вдоль шоссе вслед скрывшимся из виду своим машинам и произнес:

— Ладно, буду на месте разбираться. Скажи в двух словах: какой главный опыт вынес из боев?

Чумаков оглянулся на почтительно топтавшегося в стороне военврача, заметил его нетерпение и, обеспокоенный, торопливо заговорил, как заученный урок перед учителем:

— Непрерывная разведка врага... Обеспечение флангов армий и стыков между соединениями... Максимум сил для противотанковой обороны и обязательное наличие хоть каких-нибудь артиллерийско-противотанковых резервов... Ну и связь — взаимная между армиями и соединениями.

— Все это элементарно,— чуть разочарованно заметил Рокоссовский.

— Немцы рвут танками, бомбами эту элементарность.— Чумаков чуть возвысил голос, почувствовав, что его коллега ожидал от него каких-то новых формул военного противоборства.— Создают массированные кулаки в неожиданных местах и устремляются в оперативную глубину. Это тоже будто элементарно, но пока переигрывают нас! Надо нам иметь подвижные резервы для маневра...

— Товарищ генерал,— несмело напомнил о себе военврач третьего ранга.— Самолет может не дождаться...— И указал на грузовик с откинутым задним бортом и опущенной к земле железной стремянкой. В кузове грузовика (он стоял в тени старой ветлы) лежали на сене несколько раненых; белые повязки на них словно подтолкнули Чумакова.

— Ну, счастья тебе, Константин Константинович!

— Выздоравливай.— Рокоссовский пожал Чумакову руку, а потом вдруг, прищурив глаза, сказал:— Да, забыл... Я там, в штабе фронта, слышал, что тебе приписывают самовольный взрыв смоленских мостов. Это верно?

— Верно... Попал мне в руки немецкий документ, в котором предусматривался захват мостов в целости. И если бы мы их не взорвали, немцы уже вышли б в тылы всего нашего фронта.

На этом они расстались. Федор Ксенофонтович тяжело поднялся по стремянке в кузов грузовика, чувствуя, как в его сердце родился от последних слов Рокоссовского тревожащий холодок.

16

Закономерности человеческих чувств и страстей не всегда просты. Их изначальность, логика проявления и возрастания подчас не поддаются самым надежным жерновам рассудка. Сила болезненного воображения, энергия сомнений нередко ослепляют человека, туманят его разум и заполняют сердце таким гнетущим мраком, что человеку не хочется жить.

В подобном душевном состоянии пребывал в эти дни генерал-майор Чумаков. С наболевшей и потрясенной душой он наконец оказался в подмосковном госпитале Архангельское, где ему сделали операцию, удалив осколок из плеча и зашив небольшую, но опасную рваную рану на шее.

Архангельское — это целый усадебный комплекс прекрасных зданий, построенных в стиле классицизма среди парка, окаймленного с юга старицей Москвы-реки и искусственными прудами. В древнюю старину усадьба эта принадлежала князьям Голицыным, потом другим родовитым дворянам и, наконец, князьям Юсуповым, а после Октябрьской революции стала вместе со своими памятниками, редкими коллекциями картин, скульптур, книг доступным для народа заповедным местом.

Военный госпиталь располагался в двух корпусах дома отдыха начсостава РККА, построенных незадолго до войны на месте бывших юсуповских оранжерей, недалеко от старинного архитектурного ансамбля. Федор Ксенофонтович лежал в первом корпусе, в обыкновенной санаторной палате: кресла, ковры, буфет с набором посуды, тумбочки с настольными лампами у кроватей. Если бы не заклеенные бумажными полосами стекла окон да не черные для светомаскировки шторы вместо портьер, то можно было вполне вообразить, что ты находишься не в госпитальной палате, а в санаторном полулюксе, где одну из двух кроватей перенесли из спальной комнаты в гостиную. Именно в гостиной и стояла кровать генерала Чумакова — этому он был рад, ибо сбоку дышало сухим июльским теплом или душистой ночной свежестью распахнутое окно, за которым уже с утра слышался гомон выздоравливающего, восседающего в шезлонгах или на парковых скамейках военного люда; а на тумбочке у его кровати не умолкала радиоточка — репродуктор, включенный на самую малую громкость, ибо сосед по палате, лежавший в спальне, не выносил шума, не хотел слушать сообщений Совинформбюро, будучи убежденным, что война с немцами уже проиграна и все вокруг делается только для того и так, чтобы обмануть лично его, полковника Бочкина, прошедшего с отступающими частями Красной Армии от Белостока до Могилева и досконально знающего, что, где и как произошло, то есть почему фашистам якобы удалось победить. Часто он кричал в беспамятстве, грозился, что если выживет и оправится от контузии, то непременно пойдет в Кремль и расскажет там все без утайки, потребует наказания виновных.

Такое соседство угнетало Федора Ксенофонтовича, и в то же время ему было жалко тяжело раненного полковника Бочкина, перенесшего, как и он, Чумаков, не одно потрясение. К тому же Бочкин ударом взрывной волны был тяжело контужен и потерял, кажется, здравомыслие. Да и у самого генерала Чумакова делалось на душе такое, что страшно было туда заглянуть. Его больше всего волновала сейчас близость Москвы и возможность дать знать о себе жене и дочери. Мысленно он уже десятки раз преодолевал расстояние от Архангельского до 2-й Извозной улицы в Москве, помня дорогу по довоенному времени (однажды зимой он приезжал в Архангельское с Ольгой и с друзьями смотреть коллекцию картин, собранных князем Николаем Юсуповым). Но ни номера дома и квартиры покойных Романовых, ни номера телефона не помнил. Впрочем, одна милая девушка — полноватенькая и мордастенькая санитарка Маша — откуда-то дозвонилась до справочного бюро телефонной станции, и там ей назвали номер телефона квартиры Романова Нила Игнатьевича, но сколько Маша ни звонила по этому номеру, квартира безмолвствовала.

И теперь каждую ночь во сне Федор Ксенофонтович ходил по Москве, искал 2-ю Извозную улицу, узнавал знакомые и часто совсем незнакомые — чему поражался даже во сне — места. Выходил и к Киевскому вокзалу, близ которого начиналась 2-я Извозная, но желанной цели не достигал и просыпался с тяжелым камнем на сердце, измученный до полусмерти физически и нравственно.

«Полковник Микофин!— молнией сверкнуло однажды в его памяти.— Сеня Микофин, друг и соученик по военной академии! Может, он не на фронте, а по-прежнему в Главном управлении кадров РККА?!» И тут же с санитаркой Машей послал комиссару госпиталя записку с просьбой дозвониться до Микофина и сообщить ему, что он, генерал Чумаков, находится на излечении в Архангельском.

Микофин оказался в Москве и незамедлительно откликнулся. Однако прежде чем приехать в Архангельское, Семен Филонович попытался выяснить, где находится семья Чумакова. Но даже для него, «кадровика», загадка эта оказалась неразрешимой... Призывной пункт в школе на 2-й Извозной улице, как филиал военкомата Киевского района, свернул свою работу. В военкомате же ни в каких списках призванных в военные госпитали Чумаковы не значились. Тогда Микофин с последней надеждой поехал на квартиру покойного профессора Романова...

На чернодерматиновой обивке дверей квартиры увидел меловую надпись: «Папа, мы с мамой уехали на окопные работы под Можайск. Точный адрес пришлем домой, и он будет лежать в почтовом ящике до победы. Ключи спроси у соседей напротив... Целуем тебя крепко!.. Мама и я — Ира».

Но что это? Дверь оказалась чуть приоткрытой. Микофин толкнул ее, и она легко распахнулась: замки были взломаны, а квартира, видимо, ограблена. Он дважды бывал когда-то здесь, у профессора Романова, и, войдя в прихожую, тут же направился в кабинет, служивший и столовой. Увидел, что из резного буфета выдвинуты ящики (украли серебро), остановил взгляд на маленьком железном сейфе, стоявшем в углу на тумбочке, под ветвями старого фикуса, росшего в дубовой кадке; дверца сейфа была распахнута, а у тумбочки, на полу, валялась перевернутая шкатулка черного дерева и лежала толстая тетрадь в сафьяновом переплете. Микофин поднял тетрадь и положил на письменный стол. Затем сходил на кухню, принес большую кастрюлю воды и полил фикус. Затем сел за стол к телефону и начал звонить в милицию... Взгляд его споткнулся о старую надпись, сделанную на листке откидного календаря: «Звонили от Сталина. Иосиф Виссарионович благодарит за письмо и желает побеседовать с Нилом Игнатьевичем». А внизу — номер телефона, по которому можно было позвонить в приемную Сталина.

В милиции отказались принимать телефонное заявление об ограблении квартиры, в которой никто не живет. Требовали письменного...

Продолжение. См. «Огонек» №№ 50—52 за 1983 г. и №№ 1—6 с. г.

Все это рассказывал полковник Микофин Федору Ксенофонтовичу, приехав в Архангельское в конце второго дня, когда ему позвонил комиссар госпиталя. Друзья, казалось, не узнавали друг друга, столь разительно изменились они после того, как расстались в самый канун войны. А изменились они, может, не столько ликами своими, сколько тем, что как-то по-особому смотрели друг на друга и по-иному взвешивали услышанное друг от друга. Впрочем, Семен Микофин заметно изменился и внешне: лицо его запало, источилось, прежде яркий белок глаз стал желтоватым и мутным, отчего взгляд казался больным или выражал крайнюю измотанность. Да и Чумаков будто усох, а исхудавшее и потускневшее лицо с марлевой наклейкой на левой скуле стало выглядеть моложе.

— Ну, а в почтовый ящик забыл посмотреть? — спросил Чумаков о том, что его больше всего интересовало.

— Пустой ящик,— ответил Микофин и продолжал рассказ... В квартирном чулане он разыскал сундучок с инструментами и всякими железячками. Нашел там большой навесной замок со связкой ключей, забил в дверь и в косяк по узкой скобе и закрыл квартиру на замок.

— Два ключа отдал соседям, а тебе вот третий.— И положил кургузый ключ на тумбочку, где уже лежала и тетрадь в сафьяновом переплете.— А на дверях мелом написал: «Замок не взламывать, квартира уже ограблена». Для твоих же, если вернутся, тоже надпись — о том, где ты сейчас пребываешь.

— Спасибо, Семен Филонович.— И Чумаков, окинув друга благодарственным взглядом, взял с тумбочки тетрадь.— И за этот свод мудростей спасибо. Здесь — душа нашего незабвенного Нила Игнатовича, его видение мира и понимание законов жизни.

Наугад открыв тетрадь, Федор Ксенофонтович прочитал, растягивая слова:

«Наиболее богато то государство, которое менее других расходуется на свои институты управления...»

— Если это истина, то мы должны быть самыми богатыми,— с откровенной горечью сказал Микофин.

— Ты что имеешь в виду? — удивился Чумаков этой горечи.

— Наш государственный аппарат трудится сейчас почти круглосуточно. Наркомы ночуют в своих кабинетах. Я уже не говорю о генштабистах — они на казарменном положении... У меня, например, с началом войны прибавилось работы раз в десять, надо бы соответственно увеличить число сотрудников отдела... Ан нет! Справляйтесь. И так везде.

— Что же ты предлагаешь?

— Ничего не предлагаю. Но мы ведь не железные.

— А многие бы, кто воюет, были бы счастливы поменяться с тобой местами. Например, Рукатов.

Микофин уловил в словах Федора Ксенофонтовича скрытый упрек себе, хотел обидеться, но упоминание о Рукатове отвлекло его.

— Видел там Рукатова?.. Ну, как он?

— Никак... Скорпионит, как и раньше.

— Что это значит?

— Не будем на ночь глядя говорить о плохом человеке. Ты лучше объясни мне: почему Ольга и Ирина на окопные работы поехали? Ты же говоришь — в госпиталь намеревались.

— Сам не пойму. Ведь копальщицы из них аховые.

— Конечно,— согласился Чумаков, вздохнув.— Сроду лопат в руках не держали.

— Может, от отчаяния? Ты ведь в курсе? — Микофин вопросительно и тревожно посмотрел на друга.— В Москве кто-то пустил слух, что ты попал к немцам в плен.

— Вот это да-а! — со стоном произнес Федор Ксенофонтович.— Какая же сволочь могла решиться на такую страшную ложь?..

— Рукатов говорил, что кто-то из командиров или генералов, вышедших из окружения, видел, как ты сдавался.

— Сдавался даже?! Сам?..— В ярости Федор Ксенофонтович рванулся с постели и тут же, подкошенный болью в ранах, упал на подушку.— Сдавался?!

— Успокойся, Федор... Все уже знают, что это подлый навет или чудовищное недоразумение. Известно, что ты воевал, как надо... Успокойся.— Микофин погладил его руку, вымученно улыбнулся и виновато посмотрел на ручные часы. А потом вдруг спохватился и взялся за свой раздутый портфель, стоявший на полу у тумбочки.— Да, я и забыл! Склеротик несчастный!.. Надо же вспрыснуть нашу встречу! — Он достал из портфеля и поставил на тумбочку бутылку коньяку, а вторую спрятал в тумбочку. Затем стал выкладывать закуски: несколько плиток шоколада, бутерброды с ветчиной, пакеты с яблоками, печеньем и грецкими орехами.— Понимаешь, взял, что было у нас в буфете.

— Давно не пил,— тускло сказал Федор Ксенофонтович, беря стакан, наполовину наполненный коньяком. Потом, возвысив голос, обратился к соседу по палате: — Полковник Бочкин, выпить хочешь?!

Бочкин не откликнулся...

Когда Микофин распрощался и покинул палату, Федор Ксенофонтович почувствовал, что ему тяжело дышать, не хочется жить, ощущать себя и давать волю мыслям. Такая смертная тоска навалилась на него, что в пору по-волчьи завыть... Он представил себе Ольгу и Ирину в момент, когда они услышали весть о том, что он якобы сдался немцам в плен... Какую же страшную муку испытали эти самые близкие ему на свете и дорогие люди!.. Какую бездну душевных страданий, шторм мыслей и сомнений. Конечно же, Ольга ни за что не могла поверить такому вздору, что сам сдался... А если убедили ее подло-притворные доброхоты?.. Тот же Рукатов?.. Но зачем? Что он, Федор, кому плохого сделал?.. Может, какое-то трагическое недоразумение?.. А если вдруг поверила Ольга — значит, прокляла его, разлюбила, раскрепостилась от его любви. При ее же красоте и при загадочной привлекательности ее упрямого характера недолго останется она без чьего-то мужского внимания... Нет-нет, это все противоестественно... Тогда ни во что святое нельзя верить... Даже одна мысль, что Ольга и Ирина испытывают муки, не зная правды о его судьбе, чудовищно давила на сердце, помрачала рассудок...

Но как же тогда понимать Иринину надпись на дверях квартиры? Когда она сделана? До лживой вести о его сдаче в плен или после нее?.. И откуда Ирина могла знать, что он может появиться в Москве? Ведь Федор Ксенофонтович и сам этого не предполагал... Как же разобраться в столь запутанном клубке обстоятельств, неясностей, сомнений, предчувствий, подозрений?..

Ему казалось, что за ним тащится целый эшелон мыслей и сомнений; и каждый вагон этого эшелона катится по путям, проложенным его, Чумакова, воображением без сцепления друг с другом. В любую минуту эшелон мог свалиться под откос или вагоны могли наскочить на путевые стрелки, которые разведут их в разные стороны...

Когда Федор Ксенофонтович терял нить своих размышлений, он возвращался к их изначальности, чтобы все-таки отыскать главную причину охвативших его тревог... Тревоги ли? А может, подсознательный испуг сердца? Генерал Чумаков замечал за собой такое: случалось, что испуг приходил от ощущения опасности, от понимания ее реальности и неотвратимости. А бывало, что мысль еще не постигла сути опасности, а сердце уже испугалось. Нет, не из робкого десятка был Федор Ксенофонтович — просто ему было присуще все человеческое; разве что увереннее других управлял он своими чувствами и умел определяться, где находятся его мысли — у подножия постижения истины или уже на вершине. Когда оказывался на вершине, то, естественно, проницательнее видел с нее пути, куда дальше устремлять ищущую мысль и направлять действо.

И вдруг озарило: эта его очередная тревога начала зарождаться еще под Вязьмой, когда генерал Рокоссовский, прощаясь с ним, сказал: «...Я там, в штабе фронта, слышал, что тебе приписывают самовольный взрыв смоленских мостов...» Слово «приписывают» уже звучало зловеще и несло в себе опасность, тем более что он действительно советовал начальнику Смоленского гарнизона полковнику Малышеву немедленно взорвать мосты, заверив полковника, что он, генерал Чумаков, готов вместе с ним нести за это ответственность, если о таковой встанет вопрос. И сейчас Федор Ксенофонтович уже был убежден, что «вопрос встал» и Малышев держит ответ. А тут еще распущенный Рукатовым слух, что кто-то из наших военных видел, как он, генерал Чумаков, якобы сдавался фашистам в плен...

Но это лишь начало тревог — могуче пульсирующий родник мыслей, упрямо растекающихся по двум направлениям. Во-первых, Чумакову казалось, что он без труда отметет чьи-то злонамеренные измышления о его сдаче в плен... Вздор есть вздор. Во-вторых, Федор Ксенофонтович был также убежден, что кому угодно сумеет доказать безусловную необходимость взрыва мостов через Днепр в черте Смоленска в ночь на 16 июля, когда противнику удалось захватить южную часть города...

Хотя, впрочем, есть тут над чем и призадуматься. Сейчас такое адское время, что нетрудно спутать виновного с невиновным. Ведь обновленный в первых числах июля Военный Совет Западного фронта нашел возможным предать суду военного трибунала не только бывшего командующего генерала армии Павлова и бывшего начальника штаба генерал-майора Климовских, но и целую группу подчиненных им должностных лиц в высоких званиях. Они-то, небось, тоже не лыком шиты, умеют мыслить, знают законы и в состоянии доказать свою невиновность, вытекающую хотя бы из своей подчиненности командующему и начальнику штаба... Но вдруг виновны?.. Вдруг есть обстоятельства, которые ему, генералу Чумакову, неизвестны?..

И тут еще одна мысль холодной саблей полоснула по сердцу: не усмотрело бы высшее руководство, что все случившееся на Западном фронте явилось следствием усилий своего рода «пятой колонны»... Но ведь это абсурд!.. И да и нет. Федор Ксенофонтович хорошо знал отданных под суд генералов Павлова, Климовских, Клыча, Григорьева, Коробкова и о каждом мог сказать, как о самом себе: «Умрет, но не изменит Родине...» Но все-таки случилось то, что случилось: армии Западного фронта в первые же дни войны оказались без надлежащего управления, понесли огромные потери, оставили врагу склады, базы и уступили ему обширную территорию. Значит, кто-то должен нести ответственность за случившееся, тем более что на смежном, Юго-Западном фронте встретили врага более организованно. Значит, генерал Чумаков, не зарекайся, что и за тобой нет никакой вины...

Но не ответственности пусть за мнимую вину боялся Федор Ксенофонтович. Боялся, что в столь запутанной ситуации его слово не будет услышано. А сказать ему было о чем, сказать кому угодно — маршалу Шапошникову, начальнику Генштаба Жукову или даже самому Сталину. Мнилось генералу Чумакову и другое: он, побывав в пекле приграничных боев и чудом вырвавшись из-за Смоленска, постиг нечто весьма важное, конкретное о противнике и действиях своих войск; уже немало об этом размышлял, болея душой из-за того, что многое из очевидного так и останется на фронтовых рубежах противоборства очевидным, но пока неизменным. Наши войска в обороне и в наступлении выстраивают свои боевые порядки так, как этого требуют Боевой и Полевой уставы Красной Армии, хотя иные из этих требований источил червь времени. При нынешнем оснащении воюющих сторон автоматическим оружием и оружием навесного удара нельзя значительную часть стрелкового оружия держать в глубине поэшелонного построения боевых порядков бездейственным. Вооружению надо открывать простор для одновременного и массированного поражения противника. Нужна целая революция в тактике ведения боя — от взвода до дивизии включительно, надо также пересмотреть обязанности и место в бою командира...

Да, но до этого ли сейчас Генеральному штабу? Можно ли в развернувшихся событиях что-нибудь предпринимать, если в них нечто от известной пословицы: «Коня на скаку не меняют...»? А тут речь идет о целых армиях и фронтах, состоящих из миллионов людей...

Федору Ксенофонтовичу почему-то вдруг

вспомнился его академический учитель, профессор военной истории Романов Нил Игнатьевич. Однажды он говорил, что ему хорошо думалось в постели, когда глядел в потолок. Распалявшаяся от беспокойных мыслей фантазия профессора рисовала на потолке целые материки и когда-то гремевшие на них битвы...

Федор Ксенофонтович устремил свой взгляд в высокий потолок госпитальной палаты, переметнулся мыслью туда, где сейчас велись тяжкие бои, и потолок над ним начал оживать, словно полотно киноэкрана, на который спроецировали заснятые на киноленту кадры и постепенно улучшали фокусировку. Ощущая в себе внезапно вспыхнувшую духовную мощь, он будто из поднебесья увидел автодорожную магистраль между Смоленском и Москвой, на которой каменными наростами бугрились Ярцево, Вязьма, Можайск... По обе стороны магистрали раскинулись необъятные пространства с лесами, перелесками, речками и речушками, городишками и деревнями. Такая сила избирательного воображения может появляться только у истинно военного человека, который много времени провел над топографическими картами и привык видеть на них не условные обозначения, а живые просторы земли, охваченные войной, со всем тем, что на этой земле обитало и происходило. Сейчас Федор Ксенофонтович пытался мысленно разглядеть где-то юго-западнее Смоленска остатки полков своей войсковой группы, силясь представить ее положение... Но тут фантазия его была бессильной, порабощенная той прискорбной явью, что вражеские мотомеханизированные силы захватили южную часть Смоленска, ее окрестности... и, естественно, рассекли группу на части... Тут же взгляд невольно скользнул через голубую жилку Днепра, туда, где продолжали бои 16-я армия генерала Лукина, 20-я армия генерала Курочкина и 19-я — генерала Конева, имевшие противника почти со всех сторон. На северо-востоке от Смоленска дымилось в пожарищах Ярцево, захваченное немцами, прорвавшимися с севера со стороны Демидова и Духовщины. Пылала Ельня, в которую 19 июля ворвались фашисты с юго-запада, а сейчас, видимо, рвутся оттуда на север для соединения со своей ярцевской группировкой войск. В случае их соединения рухнут Соловьевская и Ратчинская переправы через Днепр, и захлопнется капкан, в котором окажутся армии Лукина, Курочкина, Конева и остатки его, Чумакова, войсковой группы...

От понимания неизбежности того, что открылось перед его бескомпромиссным воображением, от трагического озарения он ощутил, как запылали огнем виски, а в груди будто столкнулись ледяные глыбы, подмяв сердце.

Федор Ксенофонтович не знал, что предпринимало в эти дни высшее командование Красной Армии, какие вводило в бой резервы и какими новыми силами заслоняло направления, по которым немецко-фашистские войска могли устремиться к Вязьме, а затем к Москве. Но когда в санитарном самолете из Вязьмы летел он и напряженно всматривался с небольшой высоты на недалекую серую ленту автомагистрали Минск — Москва, надеясь там увидеть колонны войск, движущихся к фронту, то в районе Можайска, Кубинки и еще где-то поближе к Москве разглядел неохватные взглядом строившиеся оборонительные рубежи с немалой поэшелонной глубиной каждый. Войска же шли к фронту, но жидко, видимо, маскируясь днем от авиации противника.

Федор Ксенофонтович не мог понять, на что опиралось его чувство, подсказывавшее разуму: пространства в квадрате Смоленск — Рославль — Вязьма — Калуга слабо прикрыты нашими войсками, что позволяло мотомеханизированным соединениям врага предпринимать охватные маневры. И он мысленно увидел синие стрелы, нацелившиеся острыми наконечниками из района Рославля на Юхнов, Калугу, Медынь, а из района Духовщины — на Вязьму, Гжатск...

Трудно постигнуть, по каким законам разум влечет за собой колесницу воображения. Видимо, есть такие законы; они опираются на подсознательные задачи, к решению которых направлены духовные усилия человека. Не потому ли генерал Чумаков неожиданно для себя перенесся мыслью в другую войну, 1812 года, и увидел в притушенности света и красок то давнее Вяземское сражение?.. В конце октября 1812 года арьергардным войскам французской армии, отступавшей к Смоленску по старой Смоленской дороге, был по велению Кутузова навязан бой авангардом русских войск под командованием генерала Милорадовича... Вот они, боевые порядки французов, зажатые с двух сторон в районе деревень Федоровское и Горовитка. А русские войска делали свое дело, согласно приказу Кутузова, гласившему: «Следовать по большой дороге за неприятелем и теснить его сколько можно более, стремиться выиграть марш над неприятелем путем параллельного преследования...» Французы, обладая большим преимуществом в количестве войск, отошли под шквальным фланговым огнем к Вязьме, но и оттуда были выбиты. Потеряв более восьми тысяч убитыми, ранеными и пленными, они начали отступать на Дорогобуж...

Но тогда властвовало другое время, когда будь у какой-либо армии только один станковый пулемет или один танк, и они бы решили исход войны в пользу этой армии. Однако к чему же мысль генерала Чумакова переметнулась в прошлое столетие?.. Видимо, для того, чтоб вернуться в сегодняшний день с другой стороны. Да, именно так. Федору Ксенофонтовичу впервые подумалось, что если немцы нацелят свои главные ударные силы вдоль магистрали Минск — Москва и создадут на флангах вспомогательные подвижные группировки, обеспечив широкоохватные действия всех своих войск таранными артиллерийскими ударами и массированной поддержкой авиации, то... части Красной Армии могут быть расчленены, и, кто знает, найдется ли тогда чем прикрыть Москву...

Несколько глушила тревогу надежда на то, что не его одного, генерала Чумакова, посетило подобное озарение. Наверняка не только он один видит, что над Москвой занесен меч, под удар которого надо успеть подставить прочный щит, а затем выбить меч из рук немецко-фашистского военного командования...

Рядом на тумбочке зашипел репродуктор, и тут же зазвучал голос диктора. Чумаков осторожно повернулся на бок, чтобы лучше слушать последние известия, ощутив боль в ранах, даже в челюстной ключице, под марлевым пластырем.

Передача последних известий началась с сообщения о том, что получен ответ от правительства Великобритании на послание Советского правительства об открытии второго фронта против гитлеровской Германии. Правительство Великобритании пока отклоняло предложение Советского правительства, ссылаясь на неподготовленность войск союзников *.

И больше уже ничего не слышал Федор Ксенофонтович из того, что передавалось по радио, размышляя о не столь уж загадочной политике союзников. Они, по всей вероятности, исходили из главного и заветного для них: желали обескровить Германию руками Советского Союза, а Советский Союз ослабить настолько, чтобы он никогда не поднялся до уровня могущественной державы. Не иначе... Но что скажут правители Англии и США своим народам, бездействуя в столь драматичном для Советского Союза положении?..

И тут в уме Федора Ксенофонтовича стал разгораться другой вопрос — неожиданный и таящий в себе, как он чувствовал, какое-то важное значение.

«А как бы повели себя Англия и США, если б Красная Армия сумела сдержать фашистских агрессоров на границе и не пустила их ни на шаг в глубь советской территории?..»

Перед этим вопросом генерал Чумаков ощутил бессилие. Мысли его, проносившиеся в голове, не могли воспарить, остынуть и на чем-то остановиться. Где-то в подсознании таилась мысль, что при такой ситуации союзники все-таки приняли б меры для упразднения Германии как могучей державы, претендовавшей на мировое господство. Но когда и как это случилось бы? И как потом повели бы они себя по отношению к Советскому Союзу?

Да, мысль человеческая имеет свойство вызывать боль, приходящую из сердца, и имеет свойство живого серебра, которое способно неудержимо растекаться по любой наклонной. Именно движение мысли и боль в груди ощутил сейчас генерал Чумаков, пытаясь удержать в памяти главную сущность того, что забрезжило в его воображении, но пока не обрело зримой формы, которую можно облечь в точные слова и понятия... Еще, еще усилие разума, и он, поставив перед собой новый вопрос, вдруг отыскал ответ на него, который сделал первый, обжегший душу вопрос малозначащим. Вот он новый и немаловажный:

«А как бы повели себя Англия и Америка, если б Красная Армия, сдержав натиск гитлеровской агрессии, сама перешла в контрнаступление и оказалась на территории Западной и Юго-Западной Европы?» Мысленно спросив себя об этом, Федор Ксенофонтович почувствовал, как холодные мурашки шевельнулись у него на спине. Даже страшная опасность, угрожавшая сейчас Москве, как-то поблекла и притупилась в его сознании перед хаосом мыслей, взвихрившихся с необузданной яростью, словно поверхность океана при ураганном ветре. Все прежние тревоги будто остались в сновидении, а сейчас он вырвался из сна и увидел перед собой голую и жестокую истину. Суть ее проста до невероятности: отрази Красная Армия агрессию фашистской Германии и окажись в Европе за пределами советских границ, сразу же сложилась бы военная коалиция многих буржуазных государств во главе с Великобританией, Германией и США, направленная против Советского Союза... Может, этим предположением он, генерал Чумаков, пытается оправдать отход Красной Армии так далеко в глубь советской территории, хочет оправдать наши тяжелые потери и серьезные просчеты? Нет, с его стороны это была бы обнаженная непорядочность, грубый цинизм по отношению к тем многим тысячам наших воинов, которые сложили головы в приграничных боях и которые гибнут сейчас, преграждая путь алчным захватчикам. Просто он, как военный мыслитель, дал волю разным предположениям и, посмотрев на события с разных сторон, понял, что в нынешней обстановке, когда союзники не знают, чья возьмет, надежды на них пока малы. Они заняли выжидательную позицию; их сейчас интересует, сколько хватит крови у советского народа...

Федор Ксенофонтович нажал кнопку звонка, влажно черневшую в эбонитовой кругляшке, и когда в палату вошла, сверкая белизной халата, дежурная медсестра, спросил у нее:

— Не откажете мне в любезности достать немного бумаги?.. Для написания документа... Или купите тетрадь...

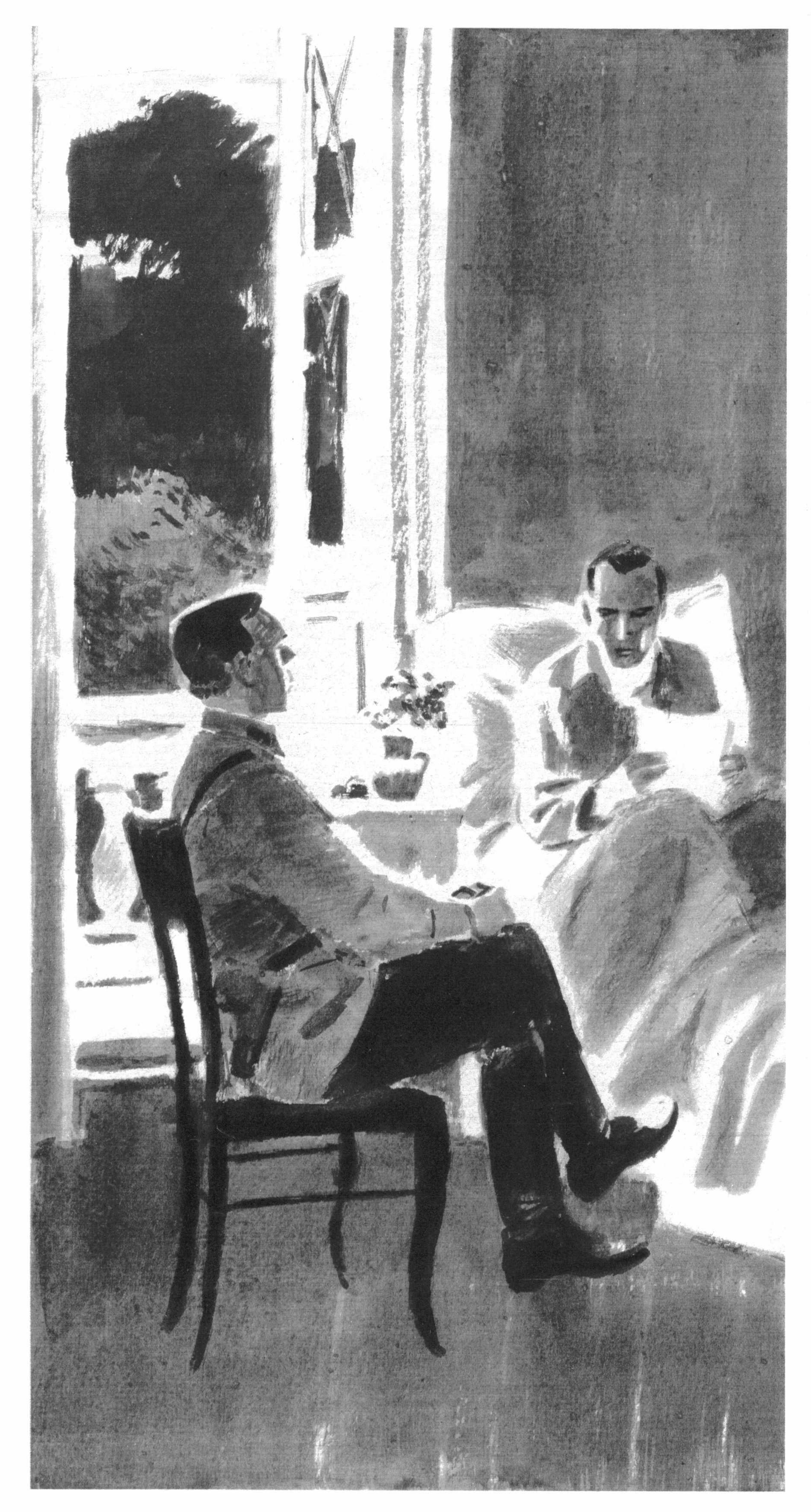
«Кому же я буду писать? — спросил сам у себя генерал Чумаков, когда медсестра вышла из палаты.— Надо бы оказать помощь полковнику Малышеву... Но нуждается ли он в помощи?.. А об остальном?.. Скажут еще: «госпитальный стратег»... Пожалуй, буду я писать Нилу Игнатовичу Романову... Это ничего, что он умер... Я мог об этом и не знать. Зато перед ним могу исповедоваться, как перед отцом, без малейшей робости в мыслях и прогнозах... Важно изложить все на бумаге четко, вразумительно и доказательно».

17

Последние три дня второй декады июля пролились на охваченные войной пространства Смоленской возвышенности обильно-рясными дождями, уняв жару, очистив воздух от пыли и гари и дав свободнее вздохнуть воинству обеих противоборствующих сторон. Правда, дожди принесли гитлеровцам и неудобства: затруднили действия их авиации и, раскваснв грунтовые дороги, сковали передвижение вокруг южной части Смоленска и на дальних подступах к нему автоколонн с войсками, боеприпасами и горючим.

Третья декада июля началась неторопливо разгоравшимся восходом солнца. Свежесть утра вскоре сменилась духотой — неподвижной и густой от поднимавшихся с земли испа-

* Речь идет об ответе Черчилля Сталину от 18 июля 1941 года, в котором Великобритания отказалась открывать второй фронт на севере Франции и на севере Норвегии.



рений. Казалось, война еще больше присмиреет в удушливой синеватой мгле. Но нет, видать, немецким генералам дышалось под накатами глубоких блиндажей и в подвалах Смоленска легко, и они вновь и вновь, каждый день, с рассвета и до новой зари бросали свои войска через Днепр, чтобы овладеть всей северной частью древнего города и выйти на магистраль Минск — Москва. А ведь где-то до середины июля немцы воевали строго по графику — с 8 часов утра и до 8 вечера, если не считать ночных вылазок их разведчиков. Сейчас же заспешили завоеватели.

Да, немцы, всегда помнившие, что на путях стратегического искусства нужны не ноги, а крылья, очень торопились. Это особенно хорошо видел по своей очередной топографической карте генерал Лукин. На нее каждый день и не единожды, штрих за штрихом, наносились месторасположения, действия и передвижения частей противника и своих частей, и она, будто панорамная картина на холсте под кистью художника, все больше оживала, обретала конкретный смысл, рассказывала понимающему глазу суть происходившего на огромных просторах, вызывая мысли, движимые всевозрастающими тревогами и непокидающими надеждами.

Прежние обозначения на карте, соединившись с последними, молчаливо свидетельствовали о том, что немцы, бросив в наступление на Смоленск с запада 3-ю танковую группу и правофланговые дивизии своей 9-й армии, а с юго-запада несколько дивизий 2-й танковой группы, намеревались окружить советские войска, оборонявшиеся на участке Витебск — Шклов, захватить Смоленск, Вязьму и открыть дорогу на Москву. И никуда не денешься от очевидной истины: пусть ценой больших потерь, но врагу удалось добиться серьезного успеха... Однако Смоленск все-таки стал ему костью в горле.

...То не от лучей восходящего солнца и сегодня краснела зыбь в тиховодном Днепре, делившем Смоленск на бóльшую — южную и меньшую — северную части. Генералу Лукину почему-то думалось, что кровь должна плыть по поверхности воды пленкой. Оказалось, нет: она смешивалась с водой, растворялась в ней... Сколько же надо было пролиться крови, чтобы текучая вода стала багровой, пусть даже Днепр здесь не столь широк!.. Очередная попытка одного из полков дивизии полковника Чернышева захватить ночью на противоположном берегу Днепра плацдарм не принесла успеха и на этот раз. Несколько таких же неудач потерпели полки дивизии генерала Городнянского. Более того, немцы, забрасывая снарядами, минами и бомбами удерживаемый нашими войсками берег, то и дело сами форсировали Днепр и врывались в северную часть города.

Уже трижды переходили из рук в руки здесь, в Заднепровье, вокзал и рынок, кладбище и часть аэродрома.

Малейшее продвижение немцев в глубь Заднепровья вызывало новый прилив свирепого отчаяния у защитников Смоленска, и они бросались в контратаки с такой яростью, что потом днепровские воды еще жутче взблескивали краснотой. Впрочем, то было не только отчаяние, а и естественное упорство, вызываемое пониманием: за спиной оборонявшихся находилась главная дорога на Москву. Да, именно невиданное самоотречение бросало на врага полки дивизий генерала Городнянского, полковника Чернышева и сводный рабочий отряд смоленских добровольцев. Потом включилась в борьбу за Смоленск 158-я стрелковая дивизия полковника Новожилова, ранее входившая в состав 19-й армии... Не было пока на Днепре только главных сил 46-й стрелковой дивизии генерал-майора Филатова; она тремя сводными отрядами изо всей мочи отбивалась от вражеских войск, пытавшихся ударить по 16-й армии Лукина со стороны Демидова — с тыла.

Генерал Лукин вместе со своим адъютантом носился между командно-наблюдательными пунктами командиров дивизий и лесом у совхоза Жуково, где находился штаб его армии и узел связи. Связь со штабом фронта пусть не постоянно, но была сносной.

Окончание следует.

ОНЕЖСКИЙ ХАРАКТЕР

Олег ПЕТРИЧЕНКО, фото Александра НАГРАЛЬЯНА, специальные корреспонденты «Огонька»

Удивив друзей, Алексей Доловых начал все с нуля: не остался работать на транспорте, хотя окончил железнодорожный техникум и армейскую службу проходил в железнодорожных войсках, а пошел учеником токаря на Онежский тракторный завод. Испытывая хроническую нехватку в кадрах, завод встретил новичка с понятной радостью. Однако честно предупредил, что шансы на жилье у него здесь такие же туманные, как осенние вечера над Онегой. Жилье было немаловажным делом для Алексея, поскольку особых корней в Петрозаводске у него не имелось, но все же, получив разовый пропуск, он отправился знакомиться с новым местом работы.

Достопримечательностей здесь хватало: за плечами завода два с лишним века истории, и многое вокруг напоминает о прошлом — здесь ковалась слава отечественного оружия, отсюда поставляли в Петербург прекрасное чугунное литье, украшавшее северную столицу, ее пригородные дворцы.

Но при всем уважении к традициям надо заметить, что не столько к воспоминаниям, сколько к реконструкции взывают старые стены. Тем не менее Алексей решил стать тракторостроителем. Возможно, потому, что выпускаемая здесь техника хорошо знакома ему с детства. В родной деревне Устеново, что в Вытегорском районе Вологодской области, есть свой леспромхоз, и к онежским тракторам там издавна относятся с уважением.

А трактора и в самом деле хороши. Есть у них и золотые медали представительных международных выставок, отмечены они Знаком качества, а главное — повсеместным признанием работников одной из самых трудоемких отраслей нашего хозяйства.

— Взять хотя бы вывозку срубленной древесины,— рассказывал начальник отдела научно-технической информации В. Ф. Киселев, знакомивший меня с предприятием.— Немало пота приходится проливать чокеровщикам, чтобы подготовить к загрузке трелевщик. Но там, где на делянку пришел наш ТБ-1, эта тяжелейшая профессия практически упразднена. Ну, а если снабдить ТБ-1 еще и пильноваловочным устройством? Тогда и вальщики вообще не нужны, машинист-оператор один управится со всеми основными операциями...

Добавлю к сказанному Владимиром Федоровичем, что программа-максимум, намеченная коллективом,— создание комплекса машин, способных полностью механизировать самые неблагодарные ручные работы. Семейство «Онежцев» уже сегодня умеет многое. Снегоочистка, борьба с лесными пожарами, обрезка сучьев, горная трелевка... Даже плавать свой трактор научили петрозаводцы — по просьбе моряков и речников Севера выпустили специальную амфибию для разгрузки судов в необорудованных пунктах побережья, там, где нет причалов.

Сделаны все эти машины толково, по своим техническим возможностям, по уровню комфортности не уступают лучшим зарубежным образцам. Ну, а будущее онежских тракторов в немалой степени связывают здесь с реконструкцией предприятия.

Город, выросший в свое время вокруг завода, плотно обступил его жилыми кварталами, и потому еще десять лет назад в юго-восточной части Петрозаводска было начато строительство филиала ОТЗ. Начато... А вот когда оно будет завершено, никто не знает и по сей день.

Коль уж речь зашла о проблемах, нелишне упомянуть и о том, что завод, ориентированный сугубо на лесную промышленность, принадлежит Министерству тракторного и сельскохозяйственного машиностроения. И, как всякий «слуга двух господ», терпит от того немалые неудобства.

— И все же с планами и обязательствами мы справимся — в основном благодаря таким людям, как Алексей Доловых,— убежденно заметил Павел Михайлович Захаров, заместитель начальника цеха № 3.— В нашем цехе Доловых с весны 1981 года. Тогда на линии рычага сложилась прямо-таки аварийная ситуация, под угрозой был план всего завода. Поэтому из других цехов сюда направили лучших рабочих: А. Доловых, А. Медведева, А. Барандых, А. Шилова, перевели с серийного участка нашего цеха А. Удальцова... Не просто у них все складывалось — Алексею, например, приходилось иногда одному обслуживать по 3—4 станка. Но выстояли, сплотили вокруг себя людей — и вскоре прорыв был ликвидирован!

Не просто складывалось... Это Павел Михайлович мягко сказал. Как и всякая аварийная ситуация, и эта расставила четкие акценты во взаимоотношениях людей, высветила характеры, проверила деловитость.

В цехе свыше двухсот человек, а пришло (считая ИТР) всего восемь. Казалось бы, что они смогут изменить? Но вот статистика тех месяцев: уже в июле — правда, ценой штурмовщины — участок обеспечил конвейер рычагами, но все же не выполнил задание по выпуску запасных частей. В августе до плана не хватило всего 400 рычагов. В сентябре участок справился с планом на сутки раньше срока и, взяв темп, уже ни разу не сбился со строевого шага,— за все прошедшие месяцы здесь вспоминают лишь три «штурмовые» субботы, случившиеся по вине смежников, вовремя не поставивших заготовки.

Это результат. Однако отнюдь не цветами встретили в цехе помощников. Приходилось им воистину «вкалывать» до 2—3 ночи, когда другие демонстративно заканчивали смену точно по часам. Приходилось идти на конфликт с теми, кого не устраивал порядок, кому вольготнее жилось в условиях прежней неразберихи.

Для А. Доловых переход на отстающий участок был партийным поручением. Конечно, не хотелось ему оставлять свой цех, коллектив, в котором прошел путь от новичка до кавалера ордена Трудовой Славы. Решиться все это бросить, снова начать почти с нуля? Отправляясь на встречу с Алексеем, я, честно говоря, ожидал увидеть этакого здорового молодца, способного в буквальном смысле тащить за собой несогласных, а познакомился с тихим, скромным пареньком. Довольно щуплый, неразговорчивый. Что завораживало сразу — улыбка. Мягкая, открытая, весь характер в ней.

Весь, да не весь. Чем больше я приглядывался, прислушивался, тем явственней проступал под внешней мягкостью совсем не простой, скорее, алмазной твердости характер.

Вот вижу: на пиджаке значок перворазрядника по многоборью ГТО. Знаю, что за красивые глаза его не получишь. Стометровка, граната, плавание, стрельба, кросс — тут подготовочка нужна ой-ё-ёй. В комитете физкультуры завода уточнили: да, Доловых не просто разрядник — чемпион города, выиграл минувшим летом традиционные «Онежские старты» в своей возрастной группе. Чтобы держать форму, тренируется трижды в неделю по 3—4 часа, стал одним из организаторов Клуба любителей бега. И хоть статью не богатырь, парень крепкий, каких поискать,— на лыжах по 50 километров бегает, летом в марафоне волю воспитывает.

И насчет силушки я ошибся — не обижен ею Алексей. Техника техникой, но за смену приходится поворочать не меньше тяжестей, чем хорошему штангисту на тренировке.

С тренировок и завязался наш разговор. Бег, как выяснилось, оказался общим увлечением, и я, если честно, был удивлен, узнав, что заводские любители не имеют возможности даже вымыться после бега. Собираются на шоссе — нормальной раздевалки нет, не говоря уж о сауне и прочих элементарных по нынешним понятиям удобствах. Не богаче и лыжники — база годится только для переодевания.

— В общем, все это не так невинно, как может показаться на первый взгляд,— говорит Алексей.— Чем же еще нам привлечь молодежь на завод, когда рядом гигант индустрии «Петрозаводскмаш» и филиал знаменитой ленинградской «Светланы»? Есть у нас, конечно, своя база отдыха, пионерлагерь, Дом культуры, но кого сейчас подобным удивишь? А удивлять надо, непременно, причем задумывая все по высшим стандартам: коли уж дискотека, так лучшая в Карелии, коли спортивный комплекс — такой, чтоб другие завидовали,— дескать, ай да онежцы!

Алексей, безусловно, прав в своем максимализме. Конкуренция есть конкуренция — без учета требований, предъявляемых сегодняшней молодежью к условиям труда и отдыха, кадровый вопрос не решишь. А он на ОТЗ стоит довольно остро.

— У нас же,— добавил Алексей,— ни общежития своего, ни новой техники, такой, чтобы у ребят глаза разгорались. Об эти камни любая профориентация спотыкается.

Да, хорошо, если бы все нынешние новички были под стать Доловых в свое время. Показал ему учитель В. Д. Нифуков, для чего какие ручки служат, дал несколько практических советов — и через две недели Алексей уже был готов к экзамену. Остальное упорством брал, оставался после смены, мудрил над станком, нагоняя в мастерстве более опытных, и вскоре прочно утвердился среди лучших. К сложностям бытия относился философски и, кстати, до сих пор живет с женой, двумя детьми в маленькой комнате — возможности выделить ему квартиру завод все еще не имеет. Так-то вот.

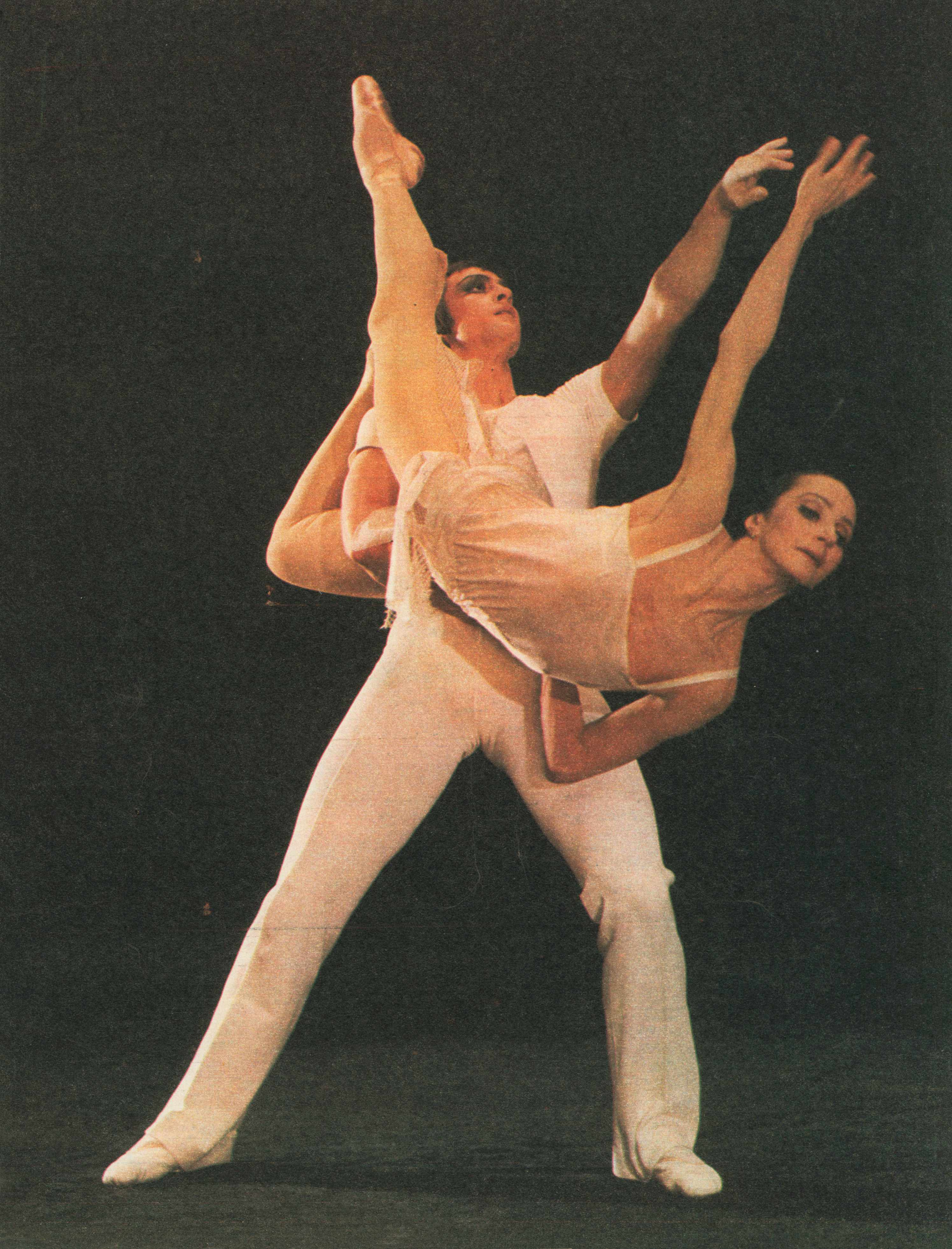
Но, к сожалению, с философами-стоиками нынче туго. И свою конкретную задачу партгрупорг Доловых видит в том, чтобы обеспечить нормальные условия труда для своих товарищей. Как председатель комиссии по контролю за хозяйственной деятельностью администрации, занимается культурой производства, качеством. Будучи кандидатом в члены горкома партии, использует свое «служебное положение» для того, чтобы решать проблемы, от завода не зависящие.

Отнюдь не в идеальных условиях находится цех, где трудится А. Доловых, тем не менее моральный климат в коллективе хороший. Перемены к лучшему начались еще с того памятного лета 1981 года, когда, несмотря на невыполнение плана, новое руководство цеха... объявило благодарности тем, кто, не жалея сил, ликвидировал прорыв. И это был психологически очень точный шаг. Сердечнее, честнее стали отношения, и вот любопытный факт: если раньше от цеховых собраний народ отлынивал, то сейчас жаловаться не приходится: люди поняли, что свои проблемы сподручнее решать сообща, не перекладывая их на чьи-то плечи.

Петрозаводск.

Вот эти рычаги и протачивает Алексей Доловых * Трактор «Онежец» на испытаниях.

НА РАЗВОРОТЕ ВКЛАДКИ: Заводская молодежь на воскресной прогулке * В бригаде провожают Алексея на районную партконференцию * Маленького Дениса купает вся семья * Трудная задача — выбрать подарок жене.



Гармония творчества

А. ДЕМИДОВ

Может быть, это и покажется странным, но до поступления в хореографическое училище Наталия Бессмертнова ни одного балета не видела и о самом искусстве балета имела весьма смутное представление. Твердо знала одно — «там танцуют». Танец же был неизменным спутником ее детства. Музыка и танец существовали в ее сознании как нечто неразрывное.

Уже в детстве Бессмертнова интуитивно уловила то, что в будущем станет основой ее художественного стиля, его эстетикой, где танец живет для музыки, а музыка — для танца и где одно органично вырастает из другого, составляя высшую гармонию творчества.

Я не стремлюсь умилить читателя трогательными деталями из биографии выдающейся балерины в пору ее детства. Важно то, что близкие Наташи, прежде всего ее мама, Антонина Яковлевна, как-то сразу ощутили, что за шутливыми играми ребенка скрыто отнюдь не шуточное творческое горение.

Разные люди, разные педагоги были причастны к формированию таланта Бессмертновой. Руководительница танцевального кружка Дворца пионеров Елизавета Рассе посоветовала Бессмертновой поступить в училище. Педагог Мария Кожухова заложила основы ее виртуозной танцевальной техники. А Софья Николаевна Головкина, по классу которой Бессмертнова оканчивала училище, подготовила ее к самостоятельному творчеству, воспитав в ней, быть может, главное — осознание себя художником, без чего актрисой стать нельзя.

Редкий дар танцевальности, благодаря которому ее танец никогда не являл собой сумму технических движений,— в нем, в этом даре, основа стиля Бессмертновой. Ее танец рождается из внутренних порывов души. Для нее танец — органичная потребность, живой язык, посредством которого балерина выражает свое видение жизни, свой мир эмоций и чувств, жаждущих то откровенного лирического признания, то замкнуто-отрешенного погружения в себя.

Жизель была прекрасным началом ее творческой биографии. Но тогда, помнится, будущее балерины еще не во всем было ясно. Ей, как художнику, обладающему столь редким талантом, нужен был свой репертуар, свой хореограф. Хореограф-единомышленник, способный разгадать ее индивидуальность, создать ее художественный мир.

Этим хореографом стал Юрий Григорович. В 1965 году Бессмертнова танцевала роль Ширин в премьере «Легенды о любви». В 1968-м во втором премьерном составе — роль Фригии в «Спартаке». Затем она была введена на партию Маши в «Щелкунчике», а в 1975 году создала образ Анастасии в «Иване Грозном». С этого момента Бессмертнова и во всех последующих постановках Григоровича (включая последнюю на сегодняшний день, «Золотой век») была первой исполнительницей главных женских ролей. Право на это ей дали обретенное мастерство, свое сложившееся понимание искусства. Ведь именно со времени «Ивана Грозного» творчество Бессмертновой стало энергично набирать высоту, даруя нас счастливой возможностью наблюдать рождение крупного художника, балерины, актрисы, наделенной собственным оригинальным восприятием мира, владеющей тонким, глубоким знанием человеческой души, особым эмоциональным чувством танца...

Народная артистка СССР Наталия Бессмертнова и солист ГАБТа Ирек Мухамедов в балете «Золотой век».

Фото А. НАГРАЛЬЯНА

Анастасия («Иван Грозный»), Валентина («Ангара»), Джульетта («Ромео и Джульетта») и, наконец, Рита («Золотой век»)— вот четыре ее наиболее значительных создания, четыре ее центральные роли в спектаклях Григоровича последних лет. Четыре непохожих, контрастных характера, родственных между тем одним — богатством натуры, щедростью души, красотой и величием сердца.

Высокий творческий союз, органичное слияние двух художественных индивидуальностей, балерины и хореографа, оказались удивительно плодотворными.

Она начинала как классическая в чистом виде балерина — на амплуа романтической героини. Значительность ее встречи с Григоровичем заключалась еще и в том, что, пройдя уже первый этап овладения классической стилистикой, она обрела в его творчестве новые для себя, остросовременные темы, расширявшие рамки ее искусства. Талант Бессмертновой, ее танец при всей его поэтичности, при всей кантиленности плавно льющихся линий, тем не менее по природе своей очень земной, не приземленный, категорически чуждый быту и все же земной. То есть живущий реальными эмоциями и чувствами, что преображаются в ее искусстве с помощью поэзии, вовсе не уходя от конкретной действительности. В этом тоже одна из главных особенностей творчества Бессмертновой. Тонкий синтез земного и возвышенного. Умение реально ощущать воплощаемый образ, всякий раз придавая ему едва ли не символическое звучание. Такова в ряду ее последних ролей Анастасия. Образ женской кротости, несущий тему жертвенной верности своей любви, осеняющей растерзанный, смятенный мир героя. Образ очень земной и в то же время возвышенный, заставляющий вспомнить героинь древних русских эпосов.

Характер — это судьба. Такое прочтение роли, конкретного человеческого характера и является высшим мерилом искусства актера. Трагическая история Джульетты — Бессмертновой, сама ее безоглядная в любви судьба рождаются из самого существа героини, предопределены ее человеческой природой, теми идеалами, что несет она в мир, теми нравственными ценностями, что служат ей ориентиром в жизни. Эта Джульетта не могла бы иметь иной судьбы.

Характер — это судьба. Это рождает и образ Риты из «Золотого века» — шикарной этуаль-танцовщицы ночного кабаре, живущей в странной раздвоенности между своей «потусторонней», ресторанной жизнью и жизнью иной — естественной, реальной, манящей чистотой чувств, а не обманчивым светом рампы. Бессмертнова увидела образ в более крупном масштабе, чутко следуя в этом замыслу хореографа. Драматизм характера ее Риты выявляется в романтическом по своему духу противоречии, что заложено, в сущности, в самой актерской профессии — профессии, требующей нередко жертв и отречений от обычных человеческих радостей жизни. Дело тут, конечно, не только в том каторжном труде, что сопутствует работе актера. Тут все иное — в укладе, быте, режиме жизни, определяемых условиями театральной игры, таящей в себе не одни лишь заманчивые приключения, но и немалое число опасностей, непредвиденных ситуаций, связанных с каждодневной борьбой как с собой, так и внешними обстоятельствами. В Рите у Бессмертновой и раскрылась эта тема — в бегстве ее героини к любви, к природе, в тот новый, ликующий и свободный мир, образы которого столь впечатляюще воссозданы хореографом. Бегство и обретение полноты жизни, чего не мог дать ей оставляемый ею уходящий мир, «золотой» буржуазный век, не желающий видеть в героине свободного человека, привыкший смотреть на актера как на комедианта, что существует на потеху толпе. Но это четкое социальное содержание образа Бессмертнова — как уже понял читатель — тонко обогатила, без всякой вульгаризации, глубоко личными — и вечными по смыслу — размышлениями об актерской профессии.

И все же, танцуя в последних балетах Григоровича, балерина не только не рассталась с образами классических спектаклей, но постоянно расширяла их галерею, попутно обогащая и прежде ею созданные. Новый репертуар активно влиял на интерпретацию старого. Классика, в свою очередь, помогала воплощению современного материала. Не одна лишь Жизель, с которой, как мы помним, в какой-то мере начался творческий путь Бессмертновой. Но и Аврора из «Спящей красавицы», и Китри из «Дон-Кихота», и Сильфида из «Шопенианы». И прежде всего Одетта-Одиллия в «Лебедином озере» П. Чайковского. К этому образу Бессмертнова обращалась дважды — в старой редакции балета и в новой, осуществленной в 1969 году Григоровичем. Работе над ней предшествовало поистине блистательное выступление балерины в другом балете Чайковского, «Щелкунчик», в оригинальной постановке Григоровича. И хотя ее Маша из «Щелкунчика», конечно, отличается от ею же созданной Одетты-Одиллии, партия которой в новой редакции в основном сохранила классический текст, тем не менее свое внутреннее художественное родство у этих образов, несомненно, есть.

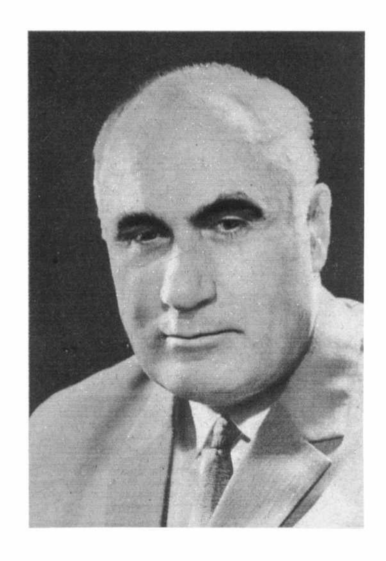
Обе работы, в сущности, проникнуты одной темой — ожидания любви, темой, что получила развитие в Анастасии, Валентине, Джульетте, Рите.

Одетта Бессмертновой — героиня балетного сна, сна-наваждения, отрешенного и светлого в своей печали. Жадно всматривающаяся в пришельца (Зигфрида) из незнакомого ей, чужого мира, ее Одиллия — сочетание ангелоподобного облика и внутренней демонической силы. Бесплотность соединяется с едва уловимой жесткостью. Прозрачная стилистика ее танца всегда далека расплывчатости. Тут, в «Лебедином озере», танец ее четок по рисунку, даже графичен при гибкой протяженности линий, эффектно играющих «собственной своеобразностью». Отсюда и танец, как и в других ролях Бессмертновой, кажется здесь едва ли не импровизацией, творимой на глазах у зрителя в гармонии совершенных движений. В образе Одиллии является на бал к принцу у Бессмертновой словно бы сама Одетта, жадно вкушающая радость земного соблазна и греха. Бессмертнова дала образу героини «Лебединого озера» новое истолкование. Но новым прочтением отличаются и все ее классические роли, основанные на конфликте земной человеческой природы и ликующей устремленности танца к небу...

Диапазон творчества Бессмертновой огромен.

Китри и Аврора, Джульетта и Маша, Анастасия и Жизель, Одетта-Одиллия и Рита...

Она ни на кого не похожа. Не только в силу своей редкой художнической индивидуальности. Самая ее творческая судьба своеобразна. Сама ее психология как актрисы своеобычна. Никакой ложной погони за успехом, никакого гипертрофированного тщеславия. Четкое, ясное понимание своего искусства, в оценке которого она не может позволить себе преувеличений. Но при этом актриса чужда и лицемерной скромности. Она знает цену своему мастерству и таланту, но вместе с тем вовсе не склонна окружать их искусственным поклонением, возводить в культ. Преданно любя театр, она тем не менее не стремится ограничить свою жизнь только им. Ибо в сознании ее изначально существовало стремление к чему-то более всеобъемлющему для нее по своему значению — к танцу, не ограниченному вовсе подмостками сцены. Танцу, что есть сама жизнь, танцу, что в ее искусстве — символ самой природы, самой красоты.



Ираклий АБАШИДЗЕ

ФАИЗ АХМАД ФАИЗ

Мне снятся декабрьского Дели миры
И в далях за Гангом —
закат красно-сизый.
И вылетел
старый орел мушайры [1] —
Я вижу на сцене Ахмада Фаиза.
Стихом и бетелем
он лечит свои
Омытые сыростью старой темницы
Усталые нервы,
но плещут струи...
Как будто бы стих
Этой влагой сочится.
«В звериную шкуру одели,
Железом звеня,
Сковали цепями
Ахмада Фаиза,
И, если весь мир отвернется теперь от меня,
Лишь ты не оставь...»
О безмолвье гранитного фриза!
И время,
и сырость,
и сумрак ушли —
Оставили иней...
Виденья, отхлыньте!
...И рукоплесканья — вблизи и вдали,
Гуденье урду перемешано с хинди.
Сегодня до неба
Возносится стих,
На крике восторга взмывая...
Он сумрак и сырость унес.
На прядях твоих —
Лишь снег, словно память живая.
Мне снятся декабрьского Дели миры,
Вдали от Риони — горение мая, июня.
И вылетел
старый орел мушайры —
Фаиз на трибуне.

ВЕК ДВАДЦАТЫЙ УХОДИТ

Что войны, что чума, конец им виден скорый,
Им приговор почти произнесен.
А. Ахматова.

И вечный бой! Покой нам только снится!
А. Блок.

Вот и финиш...
И с тысячей
Спорящих гулов и свистом
Стольких тысяч ракет,
что готовы разить наповал,
Век двадцатый уходит;
А в небе, и смутном и мглистом,
Солнце, теплясь, чуть брезжит,
курится вдали перевал.
Мы стоим у межи,
Погруженные в прежние думы,
Вслед победе былой,
Вслед Девятому мая глядим.
Видим то, что казалось
всех бедствий итогом и суммой
И последней войной...
Отдаления стелется дым.
Снова гул,
И Земля
Вся на волосе тонком повисла,
Снова старой вражды
молодые ростки
подросли,
Снова близится призрак,
и нет у бессмыслицы смысла,
Встали друг против друга
могучие силы Земли.
Как еще никогда,
Ты привязан вот к этой границе,
У тебя и у мира,
ты чувствуешь,
корни одни.
И нельзя твоей Грузии
прочь отойти,
отстраниться,
А Свобода, Поэзия...
Всюду едины они!
Как еще никогда,
Судьбы всех —
в столкновении странном,
Вероломна Судьба,
тороплива,
покорна,
вольна...
Если мир на Земле,
Значит, всем он даруется странам,
И поэзия — всем,
коль грузинской она рождена.
И покуда живем
И еще на ногах,
Мы, поэты,
Повидавшие ад
дней чернейших, пылающих лет,
Посылаем свой зов
в незнакомые дали планеты,
Посылаем свой зов,
уж слышны голоса или нет...
Все же шлем голоса,
голоса пробужденья, тревоги
И к дубам
и к фиалкам,
что в темных оврагах
бледны...
Мы, поэты,
взволнованы,
может быть, несколько строги,
Ибо жертвуем жизнью
За мирное небо страны.

СОРОК ЛЕТ СПУСТЯ

Сорок лет мчались так,
Словно в тесном строю
Годы крылья годами ломали...
У Баксана, опять у Баксана стою,
У могилы твоей в печали.
Чтоб оплакать средь синих вершин и степей
Улетевшие сорок цветений,
Чтобы снова увидеть в могиле твоей
Всю жестокость земли весенней.
Или, может быть, лучше их гнать от себя,
Эти мысли, надежды эти,
Или войнам гремящим, живое губя,
Нет скончанья на этой планете?
Иль предела мученьям, вздохнув тяжело,
Не поставила мать-природа,
Или вечно бороться добро и зло
Будут в бешенстве, без исхода?
И неужто без устали будут сверкать
Над землей щит и меч в исступленье.
И в сверканье меча будут вновь и опять
Поколенья сменять поколенья?
И сегодня
нам
смена пришла!
Гляди:
Новый меч, новый клич...
Смотрим вчуже —
Ты, что лег у Дарьяла с осколком в груди,
Я, годами обезоруженный.

ГОДЫ ВОЙНЫ И ГОДЫ МИРА

Четыре года
так медлили, медлили,
А были быстрыми тридцать четыре...
Горела рука на груди твоей мертвенной,
Когда ты опомнился
в прежнем мире.
Не только годы,
Не только месяцы —
Минуты войны все, все вспоминаются:
Бессонница тянется,
Беспутица месится,
Огни и пожарища
не кончаются.
Но если пороха запах неслышим,
В годах нет вязкости —
плещут воды...
И все твердишь себе, все говоришь им:
— Медленней,
медленней,
мирные годы!

ГУЛ ЭПОХИ

Здесь молитвы не впрок, однобоки,
И соперничества подвохи...
Но живут
лишь такие строки,
Что струят
дыханье эпохи.
Их живит
Не счастливый случай,
Не проклятия и не вздохи,
Лишь такие песни живучи,
Что несут в себе гул эпохи.
Лавры лести безблагодатны,
Мелки
злобы коварной крохи.
Лишь такие слова понятны,
Где пульсирует нерв эпохи.
Лишь в таких
Он живет созвучьях,
Что окрашены в цвет эпохи...
Только мужественных и жгучих,
Только царственных слов
Сполохи!

ДОЛИНЫ

Что у тебя были детские годы,
Люди забыли,
Ты от минувшего
так отдалилась,
так отбежала.
Зим ледяных, летних дней сновиденья...
Кто в них? Не ты ли?

[1] Мушайра — традиционные поэтические состязания в Индии.

стник

О, не понять уже,
где им скончанье,
где их начало!
...Чувствуешь, как тебя держат железом
века поводья,
Ты, небывалого времени сверстник,
века ровесник;
Вертится, кружится
бренная жизнь,
и, колобродя,
Вертишься с нею,
кружишься с нею,
вторишь ей в песнях.
Горы, привет вам,
Доброе утро, горы, долины!
Сизые нивы,
мелкие птицы
и воронята...
Так мы расстались, так разминулись
в жизни столь длинной,—
Некому вспомнить, что детские годы
знали когда-то.

Грузинское стихотворение, посвященное памятнику Колумбу в Барселоне.

Выросший над монументами всеми,
встал ты
Монбланом,
Ушбой, Казбеком!..
И, где-то в провале
подступы мóря,
Море ноябрьское пенится,
бродит в ропоте рьяном,
Ты же возносишься,
гордо восходишь
в небо седьмое.
Да, ты таков, и твоя эта слава...
Кто был упрямей,
Кто еще столько изведал,
такого горя помыкал,
Кто еще так был велик и отважен
в битве с волнами,
Кто еще цели достиг столь желанной,
цели великой!
Ясно
стремленье души твоей
к небу,
С высями слитность.
Это ли диво — царь моря,
в небесной тонущей сини!
Даже и то, долгожителей века, не удивит нас,
Что материк твой
имя чужое
носит поныне.

СЕЛЕНИЕ ХОНИ

...И вновь к тебе я —
прими, не выдай!
Душой,
Всем прошлым — к тебе на лоно,
Я снова целый
и в прах разбитый,
Я снова бодрый
и утомленный.
Одолевал я слова и ритмы,
Как будто полчища великанов,
И мчался к славе, и грохот битвы
Летел над полем, до неба грянув.
Все, что от века
Сходилось в споре:
Добро и зло, рассвет и затемь,
Единоборство
Веселья с горем,
Нектара с ядом,
мольбы с проклятьем;
Борьба сомнения и доверья,
Гонимой чести и спеси черствой,
Ягненка с волком, птенца и зверя,
Добра и зла единоборство...
Был с колыбели
Я в схватке вечной,
Объятый грезой чистосердечной...
Громада злобы
шла, пасти скаля.
Но звонко
искры
мой щит и меч мой
Из головы ее высекали.
А тучи нечисти все свирепей,
Драконьи козни, бесовства сети...
У двери дэва
Разбил я цепи!
О страх и трепет тысячелетий!
И сотрясал я всех замков башни,
Ниспровергая обычай волчий,
И это было мечтой всегдашней,
Душой и думой моей немолчной.
Вертел я ворот житья земного,
Видал я зевсов, чей блеск обманчив...
И вновь к тебе я, к тебе все снова,
К тебе, как прежде,
моя Ламанча!

МУЗЕИ

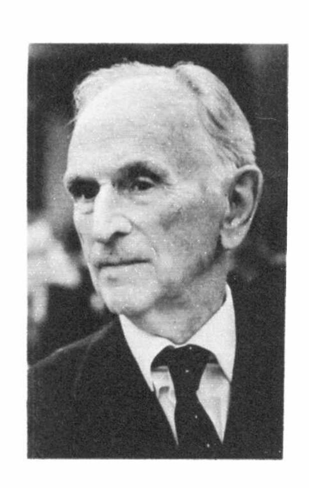
Живущие всем владеют:
И голос у них и право,
Владеют и тьмой и солнцем,
землею и жизнью всею;
Что перед этой силой
усопших добрая слава!
Собственность им осталась
единственная —
музеи.
Музеи мечтанья и слова,
моления о грядущем,
Музеи, которые снова
принадлежат живущим.

ПОВТОРЕНЬЕ ТРАГЕДИИ ФАРСОМ НАЗВАЛИ...

Повторенье трагедии фарсом назвали...
За трагедию
чашу поднимем в печали!
Эту чашу осушим и дна золотого
Мы губами немыми коснемся сурово —
Есть трагедии неисцелимая рана,
И поэта душа без нее бездыханна.
Пусть вовеки цветет, продвигаясь упрямо,
Населяя вселенную,
Племя Адама.
Пусть Адамово племя
Растит поколенья,
За него —
все молитвы, мольбы и моленья...
Тост сейчас —
за того, чьим прозрением ясным
День рожденья поэта
трагедией назван.
Вы простите
медлительность действа
поэту,
За поспешность
его не зовите к ответу,
За привычную маску, приросшую к лику,
За живую, прикрывшую сердце гвоздику...
Только вспышку оставив,
уносим в могилу
Сердцевину пылания,
пламени силу!
Так подымем же чашу и дна золотого
Вновь губами немыми коснемся сурово.
Мы за вечную истину чашу осушим...
Не прожить без трагедии
раненым душам.
Есть трагедии неисцелимая рана,
И поэта душа без нее бездыханна.

Перевел с грузинского
Михаил СИНЕЛЬНИКОВ.

К 90-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ В. Г. ЛИДИНА



ТОЛЬКО ПРАВДА

В дипломах сотен выпускников Литературного института имени А. М. Горького стоит подпись Владимира Германовича Лидина. Многие годы он был председателем Государственной экзаменационной комиссии единственного в своем роде учебного заведения.

Конечно, не случайно председателями ГЭК Литинститута всегда были авторитетные, значительные писатели. Достаточно сказать, что Лидин сменил на этом посту Всеволода Иванова. Я помню его небольшую стройную фигуру, седую голову, точную речь старого интеллигента, когда он спокойно и сдержанно выступал в зале Дома Герцена на втором этаже, где обычно проходила защита дипломов. Сам облик его, манера держаться привлекали, вызывали уважение и симпатию. Мы знали, что профессор Лидин, ведущий более четверти века семинары прозы в Литературном институте, один из выдающихся советских новеллистов. В литературе он был настоящий мастер, представитель той плеяды русских писателей, для которой основным жанром является короткий рассказ. Герой одного из его рассказов говорит так: «Только правда, вырезай ее из дерева, если ты резчик, изображай в живописи, если ты художник, пиши о ней в книге, если ты писатель, только правда переживет тебя с твоим коротким веком».

Видимо, в этом ключ к рассказам Лидина. Он изображает чаще всего обыденную жизнь, как говорят, среднего интеллигента — врача, медсестры, учителя, инженера, юриста и т. д. Это круг его героев, Лидин хорошо знает их быт, характеры, особенности профессии, психологию. Задача новеллиста очень сложна. Он должен в простой бытовой истории, с часто заурядными героями рассмотреть те грани и черты, которые высветят самое нравственную атмосферу, привлекут и заинтересуют читателя. Лидин очень тонко умел это делать. Его рассказы психологичны, емки и многозначны.

Лишь однажды резко изменилась тональность прозы Лидина. В годы Великой Отечественной войны в качестве корреспондента «Известий», а затем одной из фронтовых газет он прошел по военным дорогам. Литератор, журналист, он написал немало горячих, «жестких» материалов, очерков и репортажей. Тогда же вышли очерки «Зима 1941 года», сборник рассказов «Простая жизнь». Дыхание войны принесло в прозу Лидина еще большую сдержанность и новую для него суровость — подлинное и страшное дыхание войны.

Невозможно да и незачем пересказывать многие сюжеты рассказов, повестей, романов Вл. Лидина. Они неотъемлемо вошли в советскую литературу и заслуженно широко популярны. Но, вспоминая Владимира Германовича Лидина, нельзя не сказать о его замечательных мемуарах, дани писателя «людям, из которых одних видел в действии, знал, с другими дружил, третьи были спутниками жизни». Люди разных масштабов, разных характеров предстали перед читателями в книге «Люди и встречи» — Павлов, Алексей Толстой, Пришвин, Качалов, Гиляровский и другие.

И еще одна грань творчества Владимира Лидина. Его знаменитые рассказы о книгах. Великий знаток и ценитель книги, собиратель, составивший замечательную библиотеку, В. Г. Лидин создал настоящую поэму в новеллах —«Друзья мои книги». Это менее всего сухое описание того или иного библиофильского раритета. Новеллы о книгах Лидина рассказывают о судьбах книг и людей, часто трагических, порой удивительных и загадочных. Он искренне и нежно любил книги и писал, что их, «как и друзей, надо избирать глубоко, по душевной склонности, памятуя, что именно книге свойственно особое постоянство: любимая книга никогда не изменит и вернется именно в ту минуту, когда человек особенно нуждается в поддержке». «Друзья мои книги» Вл. Лидина стали классикой библиофильской литературы — этот том учит настоящей любви и уважению к великому чуду — книге.

Сергей СОЛОВЬЕВ

В ХОККЕЕ СИТУАЦИЯ СЛОЖНАЯ

Виктор Тихонов возглавляет сборную страны по хоккею с 1977 года. С тех пор национальная команда СССР пять раз подряд выигрывала чемпионаты мира. В 1979 году, взяв в Нью-Йорке верх над сборной Национальной хоккейной лиги, объединяющей сильнейшие профессиональные клубы Канады и США, наши хоккеисты завоевали «Кубок Вызова», а два года спустя, в сентябре 1981 года, выиграли «Кубок Канады». В этом международном турнире, который проводился на родине хоккея, участвовали сборные шести стран, причем тренеры Швеции, Финляндии, Канады и США включили в составы своих команд ведущих игроков профессионального хоккея. Лишь в одном турнире сборная СССР оказалась не первой, а второй — на зимних Олимпийских играх 1980 года.

— Серебряные медали, конечно же, разочаровали и нас и наших болельщиков,— вспоминает Виктор Васильевич Тихонов, отвечая на вопросы корреспондента «Огонька».— Для нас любое место, кроме первого,— неудача.

— Как вы расцениваете силы ваших соперников на Олимпиаде в Сараево?

— Если трезво оценивать ситуацию в мировом хоккее, то реальных претендентов на золотые олимпийские медали несколько. И главные наши соперники, конечно, хоккеисты Чехословакии. Прекрасно подготовлена чехословацкая команда. Молодая и вместе с тем достаточно опытная. Бывалые хоккеисты удачно дополняются молодыми. Хорошо сбалансированный ансамбль.

— В матчах хоккеистов Чехословакии и Советского Союза исход борьбы в каждом конкретном поединке во многом решается не только сегодняшним состоянием команд, уровнем их подготовки в день матча, но и традиционным соотношением сил, так сказать, воспоминаниями о недавних встречах. Не потому ли сентябрьские матчи, где решалась судьба приза газеты «Руде право», и декабрьские, где определялся победитель «Приза «Известий», журналисты назвали матчами за перспективу, за будущее?

— Как известно, все эти встречи завершились нашей победой. И какое-то психологическое преимущество может быть на нашей стороне. Это хорошо и плохо. Хорошо, если успех придаст хоккеистам уверенность, спокойствие, и плохо, если кто-то из них, хотя бы один, сочтет, что исход олимпийского матча предрешен... Четыре года назад, накануне Олимпиады в Лейк-Плэсиде, мы выиграли у команды США 10:3, а в официальном турнире — проиграли 3:4... Тогда уверенность в себе переросла в самоуверенность. Главными нашими конкурентами в те годы, что предшествовали Олимпиаде в Лейк-Плэсиде, считались чехословацкие мастера. По этому ориентиру тренеры и сверяли свой курс. Но чехословацкие хоккеисты выбыли из группы соискателей олимпийских золотых наград, и один из наших просчетов заключался в том, что мы не сумели переориентировать игроков, убедить их в том, что американская команда опасна и сильна и будет настойчиво стремиться к победе...

— Видимо, сборная США, нынешний олимпийский чемпион, тоже должна считаться одним из фаворитов?

— Несомненно. Если команда Чехословакии явный претендент на олимпийскую победу, то заокеанские хоккеисты — и американцы и канадцы — не привлекают пока столь же пристальное внимание широкой публики, но это ничуть не уменьшает их шансов на успех. В Канаде много молодых одаренных игроков. Что же касается американских хоккеистов, то они, и для меня это уже совершенно ясно, снова представляют собой грозную силу. Олимпийцы США обыграли профессиональные клубы НХЛ из Детройта (7:3), Питтсбурга (4:3), Миннесоты (5:3), одолели «Нью-Йорк Рейнджерс» (7:3), и этот перечень, думаю, о многом говорит. Олимпийские чемпионы, готовясь к играм в Сараево, запланировали шестьдесят пять матчей и план свой выполнили весьма скрупулезно. Замечу, что попутно они в одном матче обыграли сборную Финляндии (5:2), закончив второй вничью (3:3). У команды великолепный вратарь Марк Беренд, интересные молодые хоккеисты, пятерым из которых всего восемнадцать лет, а молодого Пэта Лафонтена все чаще называют хоккеистом, который превзойдет Уэйна Гретцки, игрока № 1 в НХЛ.

Мощную команду направляет обычно на чемпионаты мира, на Олимпийские игры Швеция. На исходе каждого очередного сезона кажется, что хоккей этой страны не сможет оправиться после ухода в клубы НХЛ очередной группы ведущих игроков, однако начинается сезон, и в «Тре Крунур» появляются все новые одаренные мастера.

Интересно работают и тренеры финской команды. В последнее время они сделали ставку на тех хоккеистов, которые успешно выступали на молодежных чемпионатах мира, и наши встречи с игроками Суоми неизменно проходят в напряженной борьбе.

Я не избегаю прогнозов, но сегодня действительно трудно назвать всех претендентов на высшие олимпийские награды. В мировом хоккее сложная ситуация. Олимпиада — пик спортивного четырехлетия, здесь ставки особенно высоки, и потому положение призеров на пьедестале почета часто оказывается непредсказуемым. Олимпийский турнир загадочен вдвойне еще и потому, что он скоротечен. Если в рамках чемпионата мира мы дважды играем с командами Чехословакии или, скажем, Канады, то в Сараево все будет решаться в одном поединке.

— Значит, олимпийский турнир потребует особой сноровки и олимпийского опыта. Обладают ли этим опытом члены сборной?

— Наша команда молода, как никогда. И, стало быть, не может не вызывать опасения степень ее психологической устойчивости. Раньше костяк сборной составляли хоккеисты, достаточно опытные, участники многих олимпийских сражений, многократные чемпионы. Теперь же за неделю до начала Игр в числе претендентов на поездку в Сараево всего лишь два олимпийских чемпиона — вратарь Владислав Третьяк и защитник Сергей Бабинов. Да, время безжалостно. Уходят из спорта чемпионы. Уходят хоккеисты, составлявшие опору и костяк сборной, ее славу.

В Инсбруке, в 1976 году, где наша команда в пятый раз выиграла Олимпиаду, в ее рядах были такие нападающие, которых едва ли не десятилетие называли лучшими,— Борис Михайлов, Владимир Петров, Валерий Харламов, Александр Якушев, Александр Мальцев, Владимир Шадрин. В защите играли Владимир Лутченко, Валерий Васильев, Геннадий Цыганков, Александр Гусев, имена которых внушали уважение соперникам, но с тех пор минуло восемь лет, и стоит ли удивляться тому, что у нас сегодня новая сборная? Правда, на смену им пришли такие мастера, как Вячеслав Фетисов и Алексей Касатонов, Зинетула Билялетдинов и Василий Первухин, Сергей Макаров и Николай Дроздецкий, Владимир Крутов и Александр Скворцов, Игорь Ларионов и Сергей Шепелев, но и молодых в команде немало.

— Хоккеисты, имена которых вы вспомнили, действительно широко известны. Однако, объясняя спад интереса зрителей к хоккею, чаще всего ссылаются на отсутствие «звезд».

— Не согласен с такой постановкой вопроса. Почему вдруг заговорили о спаде интереса? Давайте уточним. Матчи с участием ЦСКА телевидение транслирует чаще всего, но и трибуны не пустуют, и нам жаловаться на отсутствие интереса публики не приходится. Ничуть не меньше, чем прежде, тяга к хоккею в других городах, чьи клубы выступают в высшей лиге, хотя в нынешнем сезоне острота борьбы за первое место заметно снизилась. Армейцы далеко оторвались от своих преследователей. Настолько далеко, что появились разговоры, будто бы ЦСКА лишает чемпионат интереса. Смешно было бы требовать, чтобы для остроты борьбы армейцы снизили свое мастерство. Логичнее добиваться повышения класса других команд. Оправдываться нам не в чем. Все дело в том, что другие клубы не в силах соперничать с ЦСКА. Некоторые читатели в письмах пытаются объяснить это тем, что армейские тренеры собирают в свой клуб всех сильнейших игроков. Если раньше основания для такого утверждения были, то теперь в ЦСКА выступают более десяти воспитанников армейской хоккейной школы разных лет.

Прочное лидерство ЦСКА надо объяснять прежде всего напряженной работой на тренировках. Хоккей сегодня очень изменился. Резко возросли темп игры, скорости. В постоянном движении теперь не два-три игрока, как это чаще всего бывало в дни моей молодости, но вся действующая пятерка.

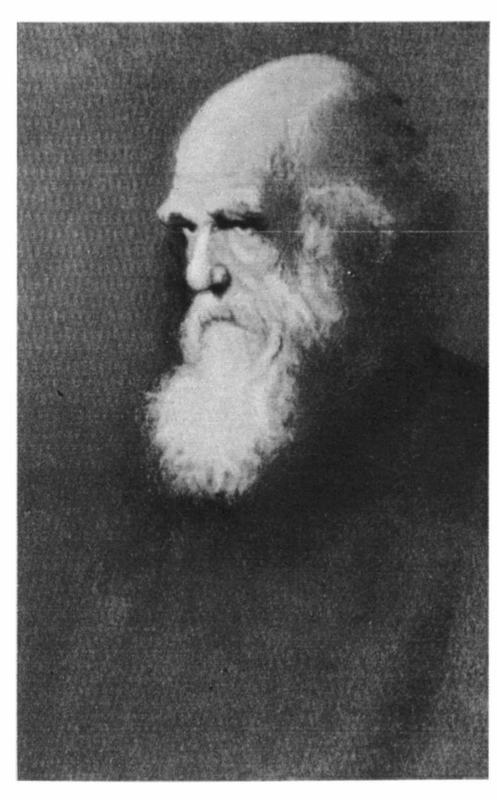
С первой половины семидесятых годов встречи наших мастеров с клубами и сборными, представляющими североамериканский профессиональный хоккей, приобрели регулярный характер, и две школы влияют одна на другую, перенимают друг у друга все те черты, которые кажутся им полезными. Так рождается новый хоккей. Он теперь более плотный, жесткий, насыщенный силовой борьбой, и сейчас уже стали редкостью сольные проходы, к которым приучили зрителей яркие и одаренные наши форварды, выступавшие в семидесятых годах. Хоккей стал более трудным, но разве утратил он из-за этого свою привлекательность?

Наша игра по-прежнему динамична и азартна. По-прежнему щедра на сюрпризы, и в этом, я думаю, вы сможете еще раз убедиться в ходе олимпийского турнира, который начнется 7 февраля, накануне торжественного открытия Белой Олимпиады, а завершится только в ее последний день.

В. Тихонов руководит игрой своей команды. Фото А. Бочинина

К 175-ЛЕТИЮ
Ч. ДАРВИНА

МУЗЕЙ ЭВОЛЮЦИИ


Чарлз Дарвин.

24 ноября 1859 года на книжные прилавки Лондона поступила новая книга, и в тот же день весь тираж ее был распродан. Правда, он был невелик — 1250 экземпляров, но та же судьба ждала и последующие издания как в самой Англии, так и за ее пределами. Теория пятидесятилетнего ученого Чарлза Дарвина, изложенная в книге «Происхождение видов путем естественного отбора, или сохранение благоприятствуемых пород в борьбе за жизнь», произвела величайшую революцию в науке.

Нужно отметить, что самых верных последователей дарвинизм обрел именно в России, так как его появление совпало с подъемом революционного движения в стране. Уже в начале XX века в Москве появляется музей, посвященный раскрытию сущности учения великого английского ученого. Дарвиновский музей и в наше время остается одним из популярных.

— Государственный ордена «Знак Почета» Дарвиновский музей не связан мемориально с великим английским ученым,— рассказывает его директор Вера Николаевна Игнатьева.— Правда, у нас имеются подлинные письма Дарвина, они приобретены еще до революции у букиниста. В фондах — редчайшие издания, в том числе экземпляр самого первого, вышедшего тиражом 1250 экземпляров, «Происхождения видов...». Бережно хранится переписка музея с потомками Дарвина. Но экспозиция посвящена дарвинизму.

Дарвиновский музей располагает биологическими и художественными фондами, имеющими большую научную и культурную ценность. Это единственное в мире собрание экспонатов по эволюции органического мира и учению Дарвина. Музей обладает неповторимыми сериями животных, подтверждающих закон изменчивости — как индивидуальной, так и географической. К примеру, разнообразная окраска куниц, хорей, колонков, европейской норки, горностая, ласки, росомахи может быть подобрана в ряды изменчивости, которые Н. И. Вавилов называл гомологическими, то есть отражающими эволюционный процесс. В уникальной коллекции есть соболя от черной до светло-золотистой окраски, среди них пегие и совершенно необычные — голубые. Крайние формы — альбиносы и меланисты — собраны по очень многим видам животных. Среди них и уникальные: белый глухарь, белый орел, белая и черная рыси... И, конечно же, белая ворона.

А началось все с того, что молодой преподаватель Высших женских курсов, единственного высшего учебного заведения для женщин в Москве, Александр Котс начал почти на все свое жалованье приобретать зоологические препараты для коллекции, собираемой им с детства. Все свое свободное время он отдавал работе в музее, который основал в 1907 году, как сейчас сказали бы, «на общественных началах». Вскоре у него появился верный друг, единомышленник и ближайший помощник — Надежда Николаевна Ладыгина, студентка курсов. Они полюбили друг друга. Жених и невеста обменялись первыми подарками. Он принес ей белого ястреба. Она ему — превосходно выполненное чучело львенка. Когда они поженились, родители дали им денег на покупку домашней обстановки, но молодожены потратили их на приобретение еще двух препаратов: чучела белого и черного волков. Это было в 1911 году. Коллекция непрерывно пополнялась и по своей ценности и значимости переросла рамки частного собрания.

Вскоре А. Ф. Котса официально назначили заведующим, а после установления Советской власти директором музея, работой которого он руководил бессменно всю жизнь, вплоть до 1964 года.

— Мысль о создании такого музея зародилась у Александра Федоровича не случайно,— рассказывает заместитель директора музея Валерия Михайловна Нежина.— В 1905 году студентом Московского университета он совершил поездку за границу для пополнения знаний, знакомился с музеями городов Западной Европы, интересовался постановкой лекций по теории эволюции в университетах. Котса поразило, что лекции по дарвинизму, которые читали крупные ученые, проводились без всякой демонстрации экспонатов. Даже знаменитый Британский музей обманул его ожидания. По возвращении в Москву он убедился в том, что необходимо создать музей нового типа, в котором идея эволюции будет наглядно доводиться до широких масс.

В создание Дарвиновского музея вложено много сил, и он стал памятником великому ученому, создателю теории эволюции, суть и значение которой очень точно раскрыл В. И. Ленин: «...Дарвин положил конец воззрению на виды животных и растений, как на ничем не связанные, случайные, «богом созданные» и неизменяемые, и впервые поставил биологию на вполне научную почву, установив изменяемость видов и преемственность между ними...»

Ю. СЕРГЕЕВ

«ОГОНЕК»
ВЫСТУПИЛ.
ЧТО СДЕЛАНО?

ТОЛКАЧИ ШТУРМУЮТ КАБИНЕТЫ

В статье «Толкачи штурмуют кабинеты» («Огонек» № 35, 1983 г.) корреспонденты журнала С. Калиничев и А. Щербаков проанализировали ситуацию, сложившуюся на Винницком подшипниковом заводе.

В ответ на публикацию в редакцию пришло письмо за подписью секретаря Винницкого обкома Компартии Украины А. Нехаевского. «Главная причина отставания предприятия,— говорится в нем,— неудовлетворительное обеспечение его металлопрокатом. Фонды на металл выделяет Министерство автомобильной промышленности. Оно предусмотрело, как сообщается в ответе, выделение всего 79 процентов от необходимого количества. К тому же металлургические заводы недопоставили 3,7 тысячи тонн металла только за третий квартал 1983 года. А если говорить о запорожской «Днепроспецстали», то ее поставки составили лишь четверть положенного.

Кроме того, на работе подшипникового завода отрицательно сказываются погрешности в проекте, а также те, что были допущены при строительстве. По своему техническому оснащению завод уступает другим предприятиям своей отрасли.

Для обеспечения стабильности работы ГПЗ-18,— говорится в письме,— перед Госснабом и Минчерметом СССР поставлены вопросы значительного улучшения поставок заводу металлопроката, а Минавтопромом и Минпромстроем СССР — решить проблемы, связанные с реконструкцией и окончанием строительства предприятия.

Партийный комитет, руководство завода совместно с Всесоюзным промышленным объединением «Союзподшипник» в настоящее время принимают необходимые меры по совершенствованию организации труда, улучшению социалистического соревнования, созданию собственной строительной организации для решения социальных вопросов, безусловного выполнения государственных планов и социалистических обязательств».

ПРОБЛЕМЫ ОСТАЮТСЯ

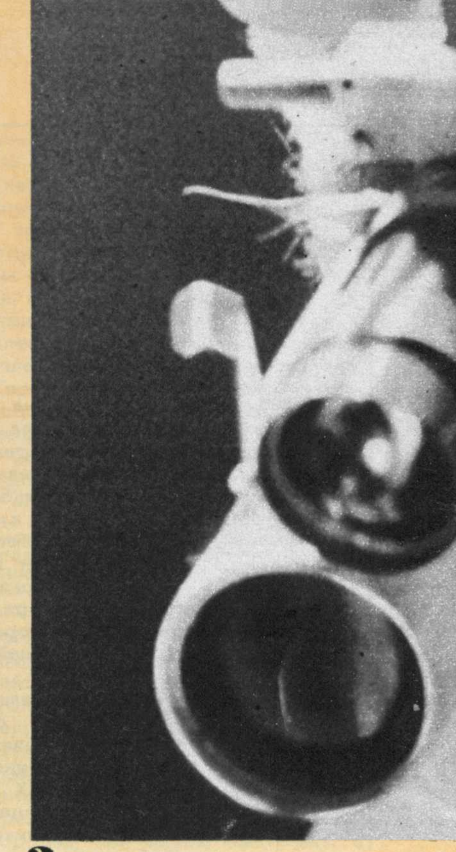
Так называлось обозрение ответов, полученных редакцией журнала (см. № 34 за 1983 год) после опубликования статьи «Отпуск, курорты и проблемы» (см. № 22 за 1982 г.). В обозрении подчеркивалось, что в Приморском крае местные советы не принимают эффективных мер по охране окружающей среды в зоне курортов, расположенных на побережье Углового залива.

В редакцию поступило письмо председателя Приморского крайисполкома Д. И. Карабанова. В нем сообщается, что статья «Проблемы остаются» была рассмотрена на расширенном заседании исполкома и что поставленные в ней вопросы отражены правильно. Далее подробно перечисляются мероприятия, направленные на предотвращение загрязнения вод Амурского и Углового заливов. Предусматривается завершение строительства в 1984 году инженерных коммуникаций и насосных станций, которые предотвратят сбросы стоков фарфорового, кирпичного, шиноремонтного и других заводов г. Артема в Угловой залив, а также всех сбросов вдоль акватории Амурского залива, от Второй речки до поселка Трудовое.

«Недавно завершен монтаж электролизной установки по очистке послепроцедурных стоков водолечебницы курорта Садгород, что значительно улучшит санитарное состояние речки Грязнухи и большей части залива Углового; в этом году такая же установка вступит в строй в санатории «Амурский залив».

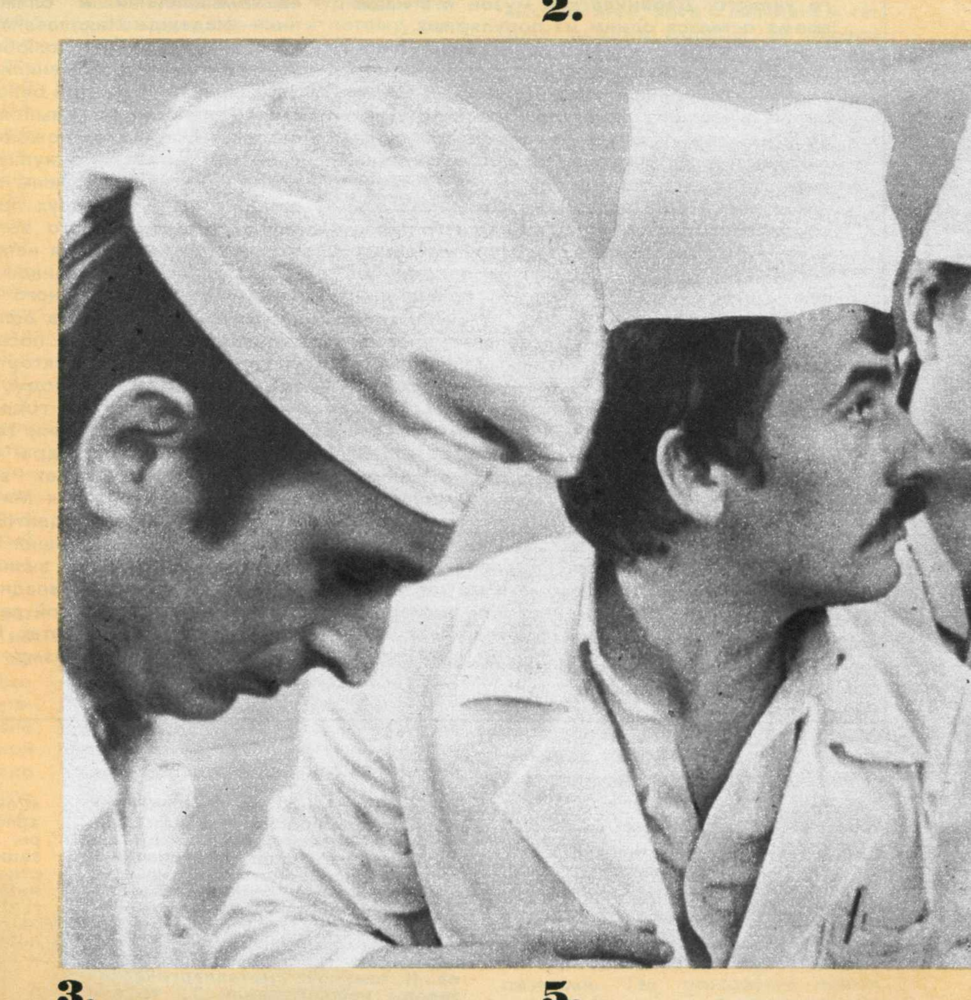
Приморский крайисполком считает, что с окончанием строительства канализации центральной части г. Владивостока в 1990 году глубоководный сброс хозбытовых и промышленных стоков в Амурский залив будет ликвидирован полностью».

1.



2.

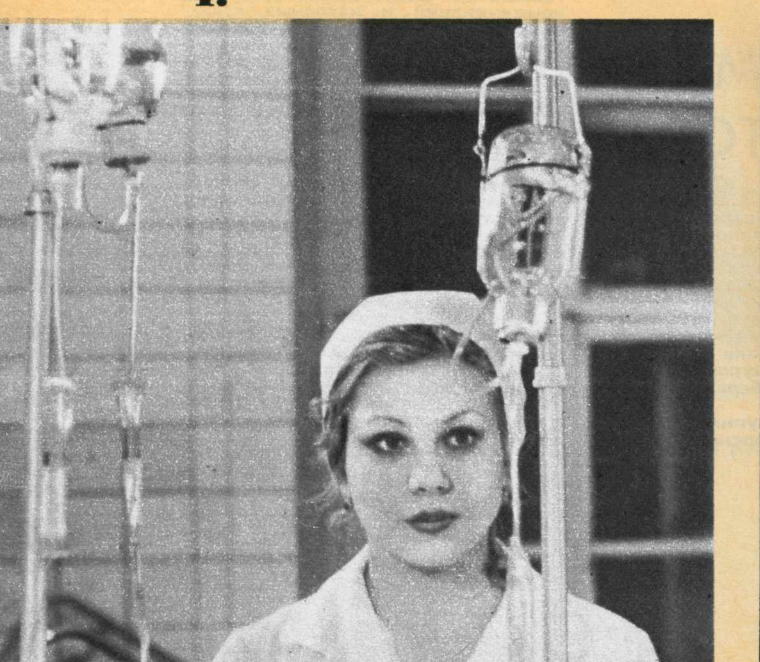
ТАКАЯ У НАС РАБОТА



4.

3.

5.



1. Реанимобиль мчится на вызов.

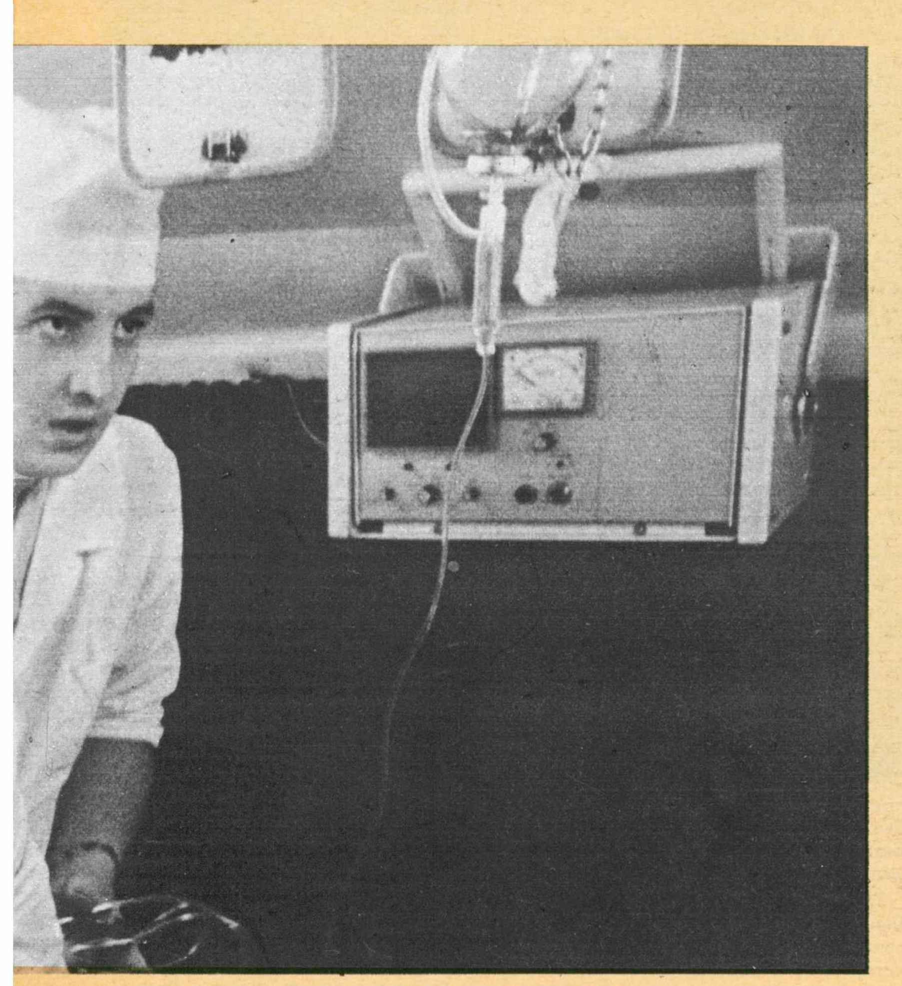
2. Внимание!

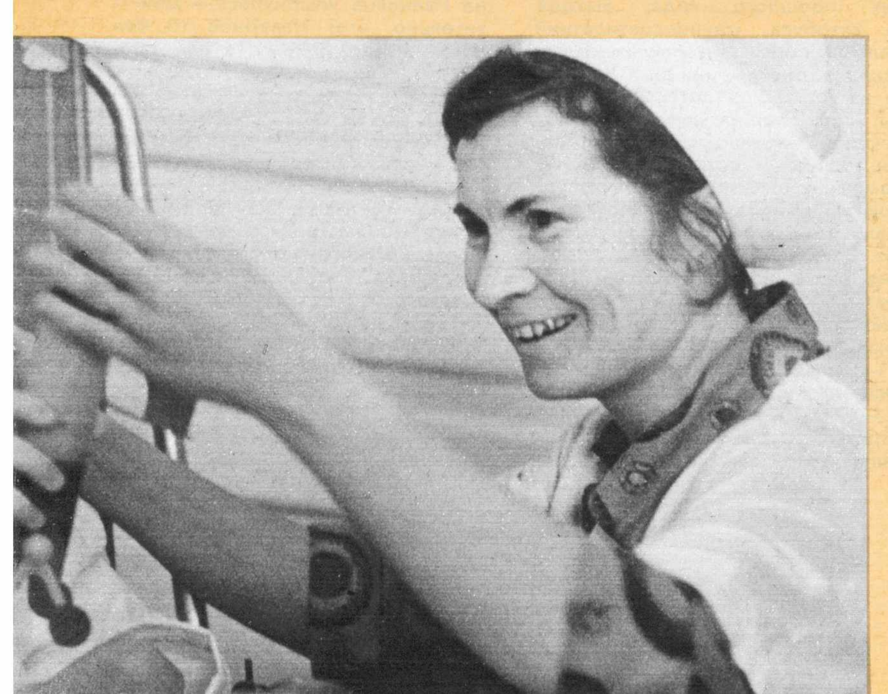
3. Лечение начинается прямо в машине.

4. Медицинская сестра Наталья Свинухова.

5. Теперь пациент здоров. Счастья тебе, Кирюша!

Сергей МАРКОВ,
фото Игоря ГАВРИЛОВА





Чем чаще я приходил в отделение реанимации института Склифосовского, где, как думают далекие от медицины люди, «оживляют» стопроцентно приговоренных к смерти людей,— тем больше понимал, что «потрясающих» случаев не так много и не только в них (хотя и в них тоже) суть реаниматологии. Некоторые врачи считают, что «потрясающих» случаев вообще не бывает. Бывают интересные с точки зрения науки или требующие особо большого напряжения, бывают случаи непохожие на другие... «Работа такая»,— заметила в разговоре со мной Валентина Ивановна Картавенко, главный реаниматолог Москвы, доктор медицинских наук.

Не сразу, но постепенно я стал понимать смысл ее слов. Философский смысл. Недаром отец реаниматологии, всемирно известный академик Владимир Александрович Неговский часто публикует свои статьи в таких журналах, как «Вопросы философии», «Философские науки»...

Но сначала немного истории. В античной Греции, пытаясь оживить умершего человека, прижигали его тело раскаленным железом. Древние индейцы вдували в рот и ноздри умершего табачный дым. Некоторые народы катали бочку по груди погибшего, клали поперек седла на лошадь и пускали ее вскачь...

Первым попытался оживить сердце Андреас Везалий, живший во времена Ренессанса: он вдувал воздух в легкие умершего человека через трубку. Позже выдающийся английский физиолог Вильям Гарвей проводил опыты с оживлением птиц, используя для этого метод, чем-то напоминающий наружный массаж сердца. Свой опыт на голубе он описал так: «...сердце уже совсем перестало двигаться, предсердия в продолжение некоторого времени тоже прекратили свои сокращения. Тогда я намочил палец в слюне, приложил его к сердцу, и сердце, восприняв эту слабую теплоту, вновь вернуло силу и жизнь; и увидел, что предсердия и желудочки вновь стали сокращаться, казалось, это было их настоящее воскрешение».

Потом были тысячи опытов, научных трудов на тему оживления организма. Много сделали в этой области русские врачи и естествоиспытатели. В 1887 году И. П. Павлов и Н. Я. Чистович впервые провели наблюдение за деятельностью изолированного от организма сердца теплокровного животного. В 1955 году С. В. Андрееву удалось временно восстановить сердечную деятельность новорожденного через девяносто девять часов после смерти...

— Гораздо труднее оказалось восстановить функции мозга,— рассказывал мне Владимир Александрович Неговский.— В 1907 году А. А. Кулябко «оживил» голову рыбы, а в 1928 году в Москве демонстрировался опыт с оживлением головы собаки: аппарат искусственного кровообращения нагнетал в артерию головы свежую, насыщенную кислородом кровь и отсасывал из вен отработанную, венозную; через несколько минут голова стала проявлять признаки жизни, зрачки сузились, при дотрагивании до роговицы глаза сжимались, а когда один из экспериментаторов положил на язык кусочек сахару, голова попыталась укусить его палец. Было доказано, что мозг — самый ранимый орган у животных и человека — оживает, если созданы условия для жизнедеятельности.

Первая в мире лаборатория по оживлению организма,— продолжал академик Неговский,— была создана у нас в 1936 году. Очень многому научила сотрудников лаборатории работа на фронте. После войны реаниматологами были спасены десятки тысяч человек, которые раньше бы, безусловно, умерли... Многое мы сегодня знаем, но предстоит узнать еще больше, особенно о том, какие процессы происходят в умирающем мозге, как помочь мозгу ожить и т. д. В обычных температурных условиях продолжительность клинической смерти — пять-шесть минут. При более длительном отсутствии в организме кровообращения и дыхания лишь иногда удается получить восстановление сердечной деятельности, дыхания и глазных рефлексов. А кора головного мозга необратимо погибает. Некоторые больные, перенесшие длительные сроки отсутствия кровообращения, при соответствующем уходе и питании живут недели, месяцы, даже годы, но сознание у них не восстанавливается. Поэтому оживление после длительных сроков остановки сердца не имеет смысла. Но есть реальный путь удлинения срока клинической смерти — общее охлаждение организма, гипотермия. Вопрос этот интересует ученых давно. Мне однажды довелось присутствовать на исключительно интересном опыте французского ученого Луи Рэ. Изолированное сердце куриного эмбриона было охлаждено до —196°. После его согревания все присутствовавшие услышали через усилитель ритмичные, четкие удары крошечного сердца, как бы побывавшего на том свете...

— Владимир Александрович,— спросил я в конце разговора,— что, по-вашему, главное для врача-реаниматолога?

— Как вам сказать... Выдержка. Вера в успех. Трудолюбие.

— А самое главное?

— Любовь к людям,— сказал Неговский.

Как-то ночью мы сидели в ординаторской реанимационного отделения института Склифосовского, пили чай. Час назад привезли попавшего под электричку мужчину, врачи сделали все, что должны были сделать, и теперь пострадавшим занимались медсест-

ры. По радио шла передача «После полуночи». За стеной, на Садовом кольце, то провисал, то вновь натягивался поздний гул машин. Под окном, исполосованный черными ветками, белел снег.

— Любовь к людям можно понимать по-разному,— заметил врач Сергей Ильин, но, не развив свою мысль, побежал в отделение к пострадавшему.

Сергей — бывший спортсмен-пятиборец (спорт помогает ему в его нынешней работе). Учась в школе, уже работал санитаром — по ночам, во время каникул; поступил в Волгоградский медицинский институт, переехал в Москву и окончил Первый медицинский институт.

— Любовь к людям — слишком растяжимое понятие,— сказал Сергей Ильин, вернувшись.— Абстрактное. В него можно вместить что угодно.

— А по-моему, любовь к людям,— сказала врач Татьяна Быстрова,— это неспособность привыкнуть к человеческой боли, страданию, горю... Я имею в виду нашу профессию, которая сталкивает с этим все время. Вот, например, Валентина Ивановна Картавенко — она каждый раз переживает так, будто первый раз...

У Татьяны Быстровой короткая стрижка, широкие скулы, удлиняющие ее быстрые темные, красивые — особенно при улыбке — глаза, мягкий, глубокий голос.

— Не знаю,— пожал плечами и прикурил от одной сигареты другую врач Леонид Владимирович Сульповар, черноволосый, ироничный, неторопливый, проработавший в институте уже двадцать лет.

— Я думаю, любовь к людям — понятие совершенно конкретное,— сказал Андрей Калинин, высоченный, с длиннющими русыми усами.— А для врачей sine qua non, непременное, профессионально необходимое условие...

У Андрея и дед и старший брат были врачами, сам он в реанимацию пришел работать после окончания лечебного факультета Московского стоматологического института имени Н. А. Семашко, пишет диссертацию по ожоговому шоку.

«Закончилась передача «После полуночи»,— объявили по радио.

— Чай пить еще будем? — спросила Татьяна.

— А как же!

Но тут в кармане у Сульповара запищал мультитон, мы выбежали в автопарк и поехали через всю Москву на вызов, который, впрочем, оказался ложным. «Ложняк»,— с гневом сказал Сульповар. Проспекты и улицы под фонарями лежали заснеженные, глухие. Вернувшись, пили горячий крепкий чай, пыхтя с ночного мороза. По «Маяку» передавали ноктюрны Шопена.

— А что, если каждый расскажет самый запомнившийся ему случай? — предложил я. Особого энтузиазма предложение не вызвало.

— Интересные с реанимационной точки зрения,— сказал Андрей Калинин,— читать будет неинтересно. А острооюжетных... Леонид Владимирович пусть про Ушу расскажет.

— Ну, что, ничего особенного...— начал Сульповар.— Уша Кошши, четырнадцать лет, живет в Англии, дед и бабушка — в Индии. Поехала с отцом к ним в гости и там заболела. Температура за сорок, лихорадка, кровотечение. Врачи сделали фиброгастроскопию, то есть исследование слизистой желудка, обнаружили эррозивно-язвенный гастрит. Начали лечить, переливать кровь. Когда более-менее стабилизировалось, отправили домой. Самолет летел через Москву. В Шереметьеве вновь открылось кровотечение. Из аэропорта привезли в детскую больницу. Девочка умирала. Позвонили нам — мы ее забрали в реанимацию. Валентина Ивановна сидела ночами, домой не уходила... Кровотечения были сильнейшие, девочка все время теряла сознание, брали ее на аппараты — искусственная вентиляция легких, капельницы. Трудность была еще в том, что кровь у нее довольно редкая — первая группа, резус отрицательный. Клич мы бросили — студенты-медики сдавали. Но количество-то какое! Всего ей перелили больше сорока литров! Звонит мне как-то ночью Валентина Ивановна, говорит, что не остается больше крови, кончается... Ну, я приехал, сдал свои пятьсот граммов. К счастью для англичаночки, у меня тоже первая, резус отрицательный. Я и раньше сдавал для больных кровь. Но дело не в этом. Решились все-таки на операцию, хотя на высоте кровотечения операции очень рискованные, а тут особенно трудный случай. Но выхода не было.

Операция прошла удачно, кровотечений больше не повторялось. Через две недели Уша с отцом улетели в Лондон. Отец ее, пока она у нас лежала, сидел здесь, на этом диване; жареную картошку с нами ел, переживал и из-за дочки и из-за того, что, пока он в Москве, его с работы выгонят. Они и потом в СССР приезжали. Хирургов благодарили, но я их больше не видел.

— А у меня вот какой случай был,— сказал Сергей Ильин, но мультитон опять прервал его тревожным поиском, и мы побежали в автопарк. Приехали в Медведково — легкий сердечный приступ, который прошел от таблетки валидола еще до нашего приезда. Бывают и такие случаи в реанимационной практике. Объяснили, сколько стоит один вызов реанимобиля, но что толку? Вернувшись, продолжили разговор.

— В карте вызова было написано: «пад. с выс.», что означает падение с высоты. И адрес — Лесная улица, шахта метрополитена,— рассказывал Сергей Ильин. Приезжаем. Говорят, что там, внутри, упал рабочий. Виновата, конечно, выпивка. Выпили по поводу дня рождения, спьяну поспорили, что залезет по канату наверх.

Приехали мы, смотрю вниз, в шахту: далеко-далеко свет мерцает. Семьдесят пять метров, говорят, глубина. А нет ли другого спуска? — спрашиваю. Есть, но очень далеко, с другой стороны. Начали спускаться. Вот тут и пригодились мне прежние спортивные увлечения. На улице дождь со снегом, все у меня на голове оказалось, потому что я первым спускался. Жутковато. Очутились мы наконец в низком бетонном подвале. Я когда спускался, думал о том, как поднимать будем пострадавшего. А когда осмотрел его, вообще растерялся: множественный перелом ребер, перелом костей таза, бедра, сотрясение головного мозга, масса других травм, большая кровопотеря... Крикнул ребятам, чтобы спустили ящик для оказания первой помощи. Сделал загрудинные блокады, блокады по Школьникову, наложил шины... Что, думаю, дальше-то делать? Сказали, что выйти можно у «Новослободской». Крикнул, чтобы передали шоферу, чтобы ждал там. Положили пострадавшего на доску, понесли по темным, низким коридорам, лабиринтам, кое-где чуть ли не ползком пришлось пробираться. В это время связались по рации с «Белорусской», договорились, что последний вагон поезда будет освобожден и в назначенное время остановится точно против назначенной двери. Помню, предупредили еще нас, чтобы не вставали на контактный рельс, нечто вроде подножки такой металлической,— обуглились бы в момент. Выбрались мы, подошел состав, загрузили, внесли на носилках пострадавшего, сами запрыгнули. Выходим на «Новослободской», мобиля нет. Самое обидное было бы теперь, после всего, потерять больного. Но тут подошел мобиль.

— Пострадавший-то выжил?

— Выжил, куда бы он делся... Дней через десять перевели из реанимации в травматологическое отделение.

— А мне что-то ничего подобного не вспоминается,— разгладил усы Андрей Калинин.— В отделении много всего было, но как об этом рассказывать?.. Хотя был и такой вот случай. Вдруг шум в коридоре, крики, распахивается дверь — в проеме виден парень в черном костюме, на руках у него девушка в длинном белом платье, с фатой... Мы увидели «Facies Hyppockratica» — лицо умирающего белое, восковые губы, заостренные черты. А лицо красивое было очень, волосы такие необыкновенные, золотые. Взяли ее на аппараты, начали непрямой массаж сердца, внутрисердечные инъекции, дифибрилляцию разрядом в семь тысяч вольт... Целый час бились. За дверью полсвадьбы, родители... Выяснилось, что с детства страдала бронхиальной астмой, отец наблюдал за ней, ухаживал, а во время свадьбы выпил, заговорился с кем-то, не слышал, как она попросила таблетку...

— Может быть, самое трудное — разговаривать с родными пострадавшего,— сказала Татьяна Быстрова.— Я помню, когда Кирюшу только привезли, мать подошла ко мне...

Татьяна рассказывала о Кирилле Лыхине, ее Кирюше. Я и сам был отчасти свидетелем уникальной истории его болезни. В начале мая прошлого года, выходя из автобуса, одиннадцатилетний мальчик попал под машину. В отделение реанимации его привезли из городской детской больницы, где оперировали по поводу тяжелой черепно-мозговой травмы, ушиба и сотрясения мозга. Началась инфекция, потом пневмония... Через несколько дней стало ясно, что мальчик не выживет. Еще через некоторое время уже никто не надеялся, ни терапевты, ни трансфузиологи, ни нейрохирурги... Но бороться за жизнь ребенка продолжали все.

— Только одна мама надеялась,— говорила Татьяна Быстрова.— Она не верила, что Кирюша умрет. Отказывалась верить. Уверяла, что он слышит ее, отвечает на рукопожатие, хотя никаких проблесков сознания у ребенка не было. Три месяца, представляешь, три месяца без сознания?.. А мать каждый день приходила с уверенностью, что сын будет жить, что вот-вот придет в себя, и нас всех в этом убеждала. Никакая реанимация не имела смысла. Ребенка перевели в детскую больницу. Там мать могла быть всегда рядом с ним. И вдруг... мистика...

— Никакой мистики,— возразил Андрей Калинин.

— А что же тогда, по-твоему?.. Через две недели после того, как Кирюшу перевели, звонит нам мама: вы знаете, а сынок разговаривает! Это было невероятно, и никто ей не поверил. Но поехали все-таки сразу. Приехали — и увидели, услышали... Разговаривает, улыбается Кирюша, книжки читает... По-моему, материнская вера, надежда и любовь его спасли, когда и реанимация была бессильна.

— Это ты как мать говоришь,— сказал Андрей Калинин.— А я уверен, что никакой мистики. Лечили... И мы сначала, потом детские врачи...

Было еще два вызова, так называемые «авто». Первая авария относительно легкая, справилась «Скорая помощь»; во втором случае нельзя было обойтись без реанимации. Пострадавшего привезли, вскоре сделали операцию...

Так прошла ночь, одна из тысяч ночей реаниматологов. Историй, подобных тем, которые я пересказал, можно было бы много услышать и в следующую смену...

— Не в них суть реаниматологии,— говорила мне Валентина Ивановна Картавенко,— суть работы отделения реанимации института Склифосовского. Хотя и в них тоже. Но в основном уже здесь, в отделении, приходится бороться за жизнь. По крайней мере на семьдесят пять процентов успех нашей работы зависит от медсестер, среднего медперсонала... Вы видели, как эти хрупкие девчушки подчас переворачивают здоровенных мужиков, чтобы сделать укол? Порой круглые сутки не успевают присесть... Если бы не они, не выжили бы те, о ком мы рассказали! Кирюша Лыхин тоже, что бы там ни говорили! А технически оснащены мы еще недостаточно. Многого не хватает. Все это, конечно, очень усложняет работу. А ребята у нас хорошие. Пофилософствовать любят, я знаю. Особенно по ночам...

— Недавно мы выясняли, что же это все-таки такое — любовь к людям?

— Любовь к людям? — Валентина Ивановна улыбнулась.— Действительно, что? Наверное, то, без чего нельзя никому, а нам особенно. Иногда так вымотаешься, что ничего не хочется, все, кажется, конец тебе... Еле до дому доползешь. А утром просыпаешься с мыслью: как там? Что там? Как вчерашний больной? И бежишь... Знаете, из всех врачей на долю реаниматологов приходится меньше всего благодарностей. Люди ведь попадают к нам, как правило, без сознания, уходят от нас, еще мало что сознавая, и до конца уже пребывают в уверенности, что обязаны жизнью только хирургам. Спросите ребят, они вам расскажут. Но мы не обижаемся,— улыбнулась Валентина Ивановна.— Работа такая.

Н. Крымов. ПЕРВАЯ ЗЕЛЕНЬ. 1947.

Государственная Третьяковская галерея

Н. Крымов. ВЕТРЕННЫЙ ДЕНЬ. БЫК. 1908

Государственная Третьяковская галерея

ОБЪЯТИЯ ДРУЗЕЙ

В Советском Союзе с большим успехом проходили Дни кубинской культуры, посвященные двадцать пятой годовщине победы Кубинской революции. Дорогими и желанными гостями нашей страны были деятели культуры и искусства, представители творческой интеллигенции острова Свободы. Москвичи и гости столицы встретились с темпераментными исполнителями народных песен и танцев, талантливыми кубинскими композиторами, писателями, музыкантами, художниками, кинематографистами, архитекторами. В других городах страны открылись выставки кубинских книг, грампластинок, прошли премьеры кинофильмов.

Яркое и вдохновенное искусство артистов Национального балета Кубы хорошо знакомо советским зрителям. Каждый приезд прославленной труппы, завоевавшей признание на подмостках более чем сорока стран Америки, Европы и Азии, становится крупным событием театральной жизни столицы. Долгим был у балета путь становления. И каждая веха этого пути — строка биографии женщины, о которой известный писатель Алехо Карпентьер сказал так: «По разнообразию средств, по силе выражаемых ею чувств, по пониманию самого существа танца Алисия Алонсо может быть по праву причислена к самым выдающимся балеринам всех времен».

Наша встреча с художественным руководителем Национального балета Кубы **АЛИСИЕЙ АЛОНСО** состоялась несколько дней назад. Букеты алых гвоздик в номере гостиницы «Россия» — словно капли из океана зрительских симпатий волшебнице-балерине. В своей стихии — танце — Алисия неподвластна стремительному бегу времени. Как, впрочем, и в жизни. «Жизнь и танец для меня неразделимы»,— говорит она.

— Вспомните, пожалуйста, Алисия, когда впервые вы произнесли эти слова?

— Сколько я себя помню, все время танцевала. В девять лет специально для дедушки разучила испанский танец малагенью. Потом были занятия в частной танцевальной школе, и после первого же урока я сказала себе: вот это мне нравится, вот то, что мне нужно, это моя жизнь.

Тогда у меня не было чувства профессионализма в танце. Но из года в год росло понимание его как вида искусства. Мне казалось, будто танцем я говорю то, чего еще не умею сказать словами. И так хотелось, чтобы танцевали все вокруг! Идеалом, мечтой моей было создать труппу на Кубе и танцевать для народа.

— Мечта все-таки нашла свое воплощение! Дебют балета Алисии Алонсо, первой балетной труппы на Кубе, состоялся...

— ...В театре «Аудиториум» 28 октября 1948 года. Правда, в труппе поначалу были одни иностранцы. На Кубе ведь не было никакой балетной школы, да и вообще отсутствовало то, что сейчас мы называем нормальным отношением к артистам. Их считали людьми второго сорта, одно предназначение которых — развлекать власть имущих. Все изменилось коренным образом лишь с победой революции, когда перед страной открылся новый во всех отношениях этап.

— Благодаря вашим неустанным усилиям создано то, что называют кубинской школой балета. Появление любой школы в искусстве — дело непростое, ведь она всегда должна иметь прочную базу, не так ли?

— Это верно. Любая национальная школа опирается на мировые достижения в этой области. Можно, к примеру, взять готовое и только совершенствоваться в мастерстве. Но народу не нужна чужая культура. Осваивать классику надо бережно, привнося, обогащая ее лучшим из кубинского наследия. Стиль кубинского балета впитал в себя лучшее из школ русского, советского, итальянского и английского балетов. Школа кубинского балета — это плод тех условий, которые создала ему революция.

— Видится ли вам, Алисия, появление в недалеком будущем латиноамериканской школы балета, основой которой может стать школа кубинская?

— Конечно! То, чему научились мы, доступно всем. Наши хореографы работают сейчас во многих странах Латинской Америки. Это в первую очередь Никарагуа, а также Мексика, Перу, Эквадор, Колумбия, Венесуэла и другие страны.

— Национальный балет Кубы не первый раз в Советском Союзе. В чем особенность нынешних гастролей?

— Важен каждый приезд в Москву, но в этот раз мы находимся здесь во время очень сложное, если не сказать, переломное для человечества. Сейчас тот момент, когда агрессивность империалистического лагеря достигла высшей точки. Жители планеты оказались лицом к лицу с опасностью возникновения ядерного конфликта. Разве можем мы, артисты, оставаться в стороне?

В Москве мы показали балет «Авансада», посвященный солдатам Великой Отечественной, всем борцам за свободу. Тема балета пришла к нам из СССР — страны, которая делает все возможное для сохранения мира на земле.

Словом, эта поездка для нас словно объятия, крепкие объятия друзей.

Вел интервью **В. КОВАЛЕВ.**

Фото А. Маслова

Un saludo afectuoso
A. Alonso
1984

«Сердечный привет! Алисия Алонсо» — слова, адресованные читателям «Огонька».

ТВ

АВАНГАРД «КРЕСТОВОГО ПОХОДА»

...Встреча происходила в обстановке чрезвычайной секретности. Но тем не менее кое-что из сказанного стало достоянием гласности.

«Вы находитесь на переднем крае борьбы с коммунизмом»— эти слова принадлежат Рональду Рейгану; произнесены они в Лэнгли, в штаб-квартире ЦРУ, во время его встречи с «рыцарями плаща и кинжала».

Американская шпионская братия могла бы, конечно, обойтись и без этого президентского напутствия. С кем и какими методами бороться, в Лэнгли определили давным-давно. Вот лишь несколько строк из директивы СНБ-58 от 14 сентября 1949 года: «...Наша конечная цель — появление в Восточной Европе нетоталитарных правительств». На языке вашингтонских политиков это значит — проамериканских. На языке ЦРУ — контрреволюционные перевороты, диверсии, саботаж, террор.

Именно об этом, об операциях Центрального разведывательного управления Соединенных Штатов Америки против социалистических стран, рассказывает телевизионный документальный фильм «Куда ведут нити заговора...»*. Один лишь краткий перечень подрывных акций, простое перечисление основных их видов и направлений дают представление о поистине гигантских масштабах тайной войны против социализма, которую ведет это крупнейшее на Западе шпионское ведомство.

Руководители подрывных акций как в прошлые годы, так и теперь остаются за океаном. А вот исполнители... С некоторыми из них знакомят кадры, снятые кинодокументалистами. Вот один из них — Богдан Валевский. Работал в представительстве Польши в ООН, затем первым секретарем посольства в Москве. И все эти годы передавал (точнее, продавал) информацию Центральному разведывательному управлению. Его слова на суде: «Я пережил кошмар... Я понял глубину своего падения... То, что я делал, не принесло ничего хорошего моей стране...»

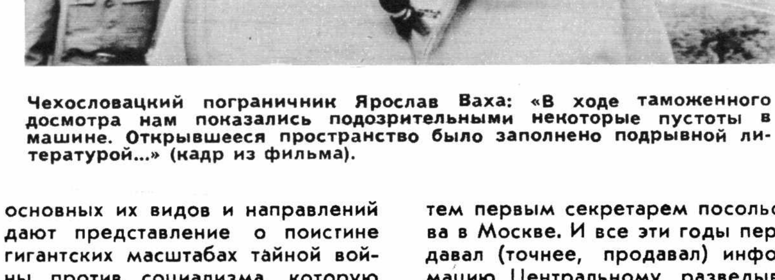
Да, не принесло и не могло принести! Теперь он и ему подобные произносят жалобные речи, вспоминают о родине, которую предали. Разными были их пути к падению. Но то, что для некоторых из них —«непостижимая случайность», для других, тех, что за океаном,— система работы, основные методы которой стары как мир: подкуп и ложь.

О лжи особо. Люди из ЦРУ верны завету их бывшего шефа Даллеса. Тот любил цитировать Геббельса: «В газовую камеру уместится лишь несколько сот человек, а ловко состряпанной ложью можно отравить миллионы». Фабрики такой лжи — подрывные издания и радиостанции. О них также идет речь в фильме.

...Рассказывает болгарский разведчик Христо Кристов: «В течение одиннадцати лет я работал в бюро «Свободной Европы» в Вене. Американцы используют эту радиостанцию, а также радио «Свобода», «Голос Америки», различные журналы и литературу для идеологических диверсий. Основное финансирование осуществляет ЦРУ. Сообщения в американской печати о якобы добровольных пожертвованиях каких-то эмигрантов — глупость, причем очевидная...»

Есть у документального кино свойство особого рода — вызывать у зрителя чувство сопричастности к происходящему на экране. Особенно, когда речь идет о вещах, касающихся всех и каждого, таких, как сохранение мира на земле. И недаром авторы фильма обращаются к зрителю со словами: «Сейчас, когда против... нас с вами направлен «крестовый поход», когда решается судьба планеты, когда Центральное разведывательное управление плетет и плетет заговоры, совершает диверсии, убивает, мы обращаемся к вам: помните об этом, люди!»

А. СОКОЛОВ



Чехословацкий пограничник Ярослав Ваха: «В ходе таможенного досмотра нам показались подозрительными некоторые пустоты в машине. Открывшееся пространство было заполнено подрывной литературой...» (кадр из фильма).

---

* «Куда ведут нити заговора...». Центральная студия документальных фильмов. 1983 г. Авторы — Михаил Озеров, Владимир Севрук.

Во главе спецотряда отставников-диверсантов встал Макс Хьюджел, человек, с которым «Циклон» познакомился в штате Нью-Гэмпшир, едва он принял в свои руки бразды предвыборного правления. По рекомендации местных ультра, бизнесмен-миллионер Хьюджел возглавил один из нью-гэмпширских комитетов за избрание Рейгана. Рыбак рыбака видит издалека — Кейси и Хьюджел делали миллионы без оглядки на закон, обманывая и надувая своих партнеров.

После праймериз в Нью-Гэмпшире «Циклон» пригласил Хьюджела в общенациональную организацию, абсолютно доверяя ему и поручая наиболее щекотливые дела. Награда не заставила себя ждать: Кейси быстро провел Хьюджела через ряд постов в Лэнгли и, наконец, сделал его заместителем директора ЦРУ и начальником Директората операций, то есть возвел в должность, которую никогда ранее не отдавали никому, кроме опытнейших шпионов-профессионалов. После назначения М. Хьюджел сразу же отдал приказ готовить перевороты и убийства лидеров во многих странах.

бы шансы президента на переизбрание. Существует подозрение, что в задачу отряда Хьюджела входило не только следить, но и в случае необходимости не допустить «октябрьского сюрприза». Это попахивало государственной изменой.

Вот вкратце перечень операций армии «Циклона», получивших на сегодняшний день огласку: распространение политико-идеологической отравы гнуснейшего антисоветского толка; рейды спецотряда Хьюджела по зорко охраняемым тылам президента и правительства.

До памятной встречи в массачусетском отеле у Кейси и Рейгана было шапочное знакомство. Но теперь «успехи» доблестного войска сделали Кейси незаменимым человеком. Ему предложили любой пост в администрации. Он выбрал лесистое Лэнгли, вдали от шума городского, на другой стороне Потомака. И он стал первым, кто к званию директора ЦРУ прибавил еще и титул члена правительственного кабинета. Звездный час «Циклона» наступил. В интервью журналу «Фигаро» Рейган вскоре после поселения в Белом доме отчеканил: «Кейси является необычайно талантливым и опытным человеком; как никто другой, он подходит для того, чтобы занимать этот критически важный пост в данный момент истории».

Баррет выпустил в 1983 году книгу об администрации Рейгана «Азартная игра с историей», где эпизод с похищением картеровского справочника занял всего несколько строк. Но именно они принесли славу автору. Стремясь ослабить произведенное этими строками впечатление, кое-кто в Америке пишет так: Стокмэн полагал, что он рассказывает Баррету анекдот. И сенсацией история с похищением стала чисто случайно: Баррет едва не выбросил ее из книги. Американцы любят шутки и анекдоты. Но согласятся ли они с преуспевающим Стокмэном, что кража у президента — это анекдот?!

Между кражей в Белом доме и ее разоблачением прошло три года. Некоторым причастным к этой краже лицам пришлось уйти с политической арены довольно быстро, другие удержались, хотя их призывали освободить Вашингтон от своего присутствия.

Переехав из Нью-Гэмпшира в Лэнгли, Макс Хьюджел не смог ужиться с некоторыми членами так называемой преторианской гвардии ЦРУ, считающей, что лучше нее никто не может планировать и исполнять «грязные трюки». Ей не составило большого труда навести справки о тщательно скрывавшихся комбинациях Хьюджела. «Невидимки» снабдили прессу информацией о надувательствах Хьюджелом партнеров на сотни тысяч долларов. Скандал. Летом 1981 года правая рука Кейси удалился в отставку в Нью-Йорк. И сразу же интерес к его нечистому прошлому иссяк.

Но тут же какие-то новые «невидимки» взялись за самого Кейси. Откопали его связь с фирмой, входящей в хозяйственную империю организованного преступного мира США. Вспомнилось, что в июле 1980 года, когда Кейси возглавлял президентскую кампанию, окружной суд в Новом Орлеане вынес определение, гласившее, что Кейси в бытность свою одним из владельцев новоорлеанской сельскохозяйственной корпорации «Малтипоникс» сознательно вел ее к банкротству в целях собственного обогащения. Журналисты подвели итог примерно так: имя Кейси неоднократно фигурировало в судебных исках, которые решались за пределами (!) судов, Кейси всегда удавалось избежать осуждения, но во всех его делах прослеживается одна линия — линия «противоречивых сделок».

Поначалу Белый дом как бы удивился. Президент Рейган, сообщили журналистам, ничего не знал о сомнительных делах директора ЦРУ. Потом юристы Белого дома признали, что они все знали. Не доложить президенту, выдвигавшему кандидатуру Кейси на пост директора ЦРУ, они не могли — к такому выводу пришли корреспонденты. Но какое значение могли иметь для Белого дома всякие юридические «погрешности», если человек оказал неоценимые услуги в завоевании Белого дома?! Такие услуги не забываются. Вот почему, несмотря на требования об отставке Кейси, раздававшиеся со всех сторон, хозяин Белого дома еще более приблизил его к себе. «У. Кейси,— отмечал в июле 1981 года корреспондент телевизионной компании Эн-би-си Дж. Чэнселлор,— сталкивается с большими неприятностями, ни ведь он друг президента». Рейган выразил ему «полное доверие», подчеркнув, что тот «прекрасно выполняет работу в ЦРУ», и во всеуслышание поручил Кейси бросить шпионскую службу на «крестовый поход» против Советского Союза.

Откуда же дули антициклоны, доставившие столько неприятностей «Циклону»? В американской политике часто случается, что дуют ветры с разных сторон, но сходятся в одной точке. Ряд влиятельных сенаторов из республиканской партии считали, что их интересам послужило бы удаление Кейси и замена его первым заместителем директора ЦРУ адмиралом Б. Инманом, который прошел все высшие должности в военной разведке и считался лучшим специалистом в разведывательном бизнесе. В этих замыслах переплетались сложные многоцелевые расчеты военно-промышленных кругов и группировок, живущих за счет развития гражданских отраслей экономики и мирной торговли.

Ветер с другой стороны был порожден страхами, которые внушал Кейси. Спадал ажиотаж предвыборной кампании, на донышко сознания оседали подвиги войска Кейси

Сергей ЛОСЕВ,
Виталий ПЕТРУСЕНКО

КРАЖА В БЕЛОМ ДОМЕ

ПОЛИТИЧЕСКИЙ ДЕТЕКТИВ

Каким способом лазутчики отряда Хьюджела заполучили ориентирующую книгу Картера, а также дополнения к ней, содержавшие внешнеполитические и военные планы? Называют три метода — подкуп, секс, шантаж.

Но дело не ограничилось конфиденциальными бумагами, которые можно охарактеризовать еще и как личную собственность президента. Кейси и Хьюджел раздобывали документы Совета национальной безопасности, построенные на сверхсекретных документах ЦРУ и Пентагона. Они не были личной собственностью президента, они были, как подчеркивает американская печать, «governmental property» — собственностью правительства. Каким способом шпионы Хьюджела заполучили это «правительственное имущество»? Через своих друзей, состоявших в штате Совета национальной безопасности (он размещается в Белом доме), на службе в ЦРУ и других разведывательных органах, ибо там у отставников сохранилось много друзей и единомышленников. «Разведывательная операция»— так окрестил Кейси эту часть своей деятельности на посту руководителя кампании.

Кейси направил ряд отставников, в том числе генералов, за границу с целью создать там наблюдательные посты, или посты раннего предупреждения, для выявления любых тайных действий Картера в направлении урегулирования американо-иранского кризиса и возможного вывоза американских заложников из Тегерана. Патриоты-рейгановцы, кричавшие о нерешительности Картера в освобождении заложников, пуще всего боялись «октябрьского сюрприза», а именно освобождения этих людей, так как разрешение кризиса подкрепило

Кейси выполнил свое обещание и открыл ворота в Лэнгли для отставников, которые не только послужили ему, но и могли перегрызть глотку тем, кто вздумает косо взглянуть на ультраправое сословие.

* * *

В то самое время, как корреспондент «Фигаро» фиксировал воспроизведенный выше панегирик, в американском журнале «Тайм» вылетела из номера статья о том, что Рейган неспроста имел преимущество во время предвыборных теледебатов с Картером, что «тайный агент», внедрившийся в окружение президента, «похитил» его бумаги, и т. д. Владельцам «Тайм», видимо, не хотелось портить президенту медовый месяц в Белом доме; возможно, были и другие соображения, о которых не сообщается.

О статье «забыли». Ее готовил Лоуренс Баррет, сопровождавший Рейгана во время предвыборной кампании и по традиции занявший место корреспондента «Тайм» при Белом доме, поскольку он успел обзавестись знакомствами в новой президентской команде. Как узнал об этой истории Баррет?

В президентскую команду вошел и бывший дублер Джимми Картера на репетициях теледебатов молодой Стокмэн, оставивший место конгрессмена и занявший пост директора могущественного Административно-бюджетного бюро. Многих влиятельных людей Вашингтона распирает от чувства собственной значимости, они любят пускать пыль в глаза журналистам.

Наверно, не было иной причины и у Стокмэна, когда он проболтался Баррету о похищении документов Картера. Он блеснул знанием тайны из тайн и показал, к какому кругу доверенных лиц принадлежит.

Продолжение. См. «Огонек» №№ 4—6.

в их сути и истинном предназначении. И вот «Тайм» — тот самый «Тайм», где шестью месяцами ранее выбросили в корзину верстку статьи Баррета, характеризует Кейси как «коварного и жестокого вашингтонского деятеля», готового использовать крупнейшую разведывательную машину по своему усмотрению. Разумеется, «Тайм» одобрял деятельность ЦРУ за рубежом. Но уж больно эффективными выглядели в ретроспективе действия Кейси и отставных шпионов, расправившихся в 1980 году с либеральными и умеренными политиками и накопившими, согласно настойчивым слухам, большой запас порочащих материалов как на демократов, так и на республиканцев.

И все же, несмотря на глухое недовольство влиятельных кругов, до отставки дело не дошло. Взаимная привязанность Рейгана и Кейси еще более возросла. «Вероятно,— замечает журнал «Ньюсуик»,— с момента создания ЦРУ ни один его директор не был так близок к президенту, как Кейси к Рейгану». Звездный час «Циклона» продлился на два года, пока наконец всем и каждому не стало ясно, что час этот всегда был звездно-криминальным.

Да, чтобы добиться звездного сияния в окружении президента, Кейси пришлось организовать акции, вылившиеся в уголовные преступления. Так их квалифицируют бывшие сотрудники Картера, среди которых немало юристов. Такого же мнения придерживается значительная часть американской печати. «Кража секретных документов в Белом доме — это уголовное преступление» — прозвучало по каналам популярнейшей американской телесети Эй-би-си.

Но встает вопрос. Бейкер, Стокмэн, Герген — соучастники Кейси? Похоже, что их соучастие в криминальном деянии было косвенным. Поэтому они ведут себя смелее «Циклона». Но Кейси для них опасен, ибо он напоминает им, что вор, не только тот, кто ворует, но и тот, кто ворам потакает. Посему на заседаниях правительства и Совета национальной безопасности они хоть и сидели вместе, но глядели в разные стороны. Намеки, что он потакал воровству, взбесили Бейкера, пошли ссоры и склоки.

Едва прозвучали обвинения в совершении уголовного преступления, как Кейси смекнул, что лучше быть начеку. Бейкер повторял, что документы вручил ему Кейси. Комментарий Кейси: он ничего не может припомнить об этих документах; когда он был руководителем избирательной кампании, через его руки проходило так много всего, что он, видите ли, «не может вспомнить» ничего конкретно.

Кейси укрывался и от корреспондентов. Его не могли разыскать неделями. Когда же находили, то его опять покидала память. Если приходилось все же отвечать на вопросы, то и тут у него — на всякий случай — была излюбленная палочка-выручалочка: он отделывался нечленораздельными фразами. «Это человек,— пишет журнал «Ньюсуик»,— с острым умом и косноязычием странного логопедического свойства. Например, вместо «Никарагуа» он может сказать «Никвава».

Мы, острит хозяин Белого дома, имеем первого директора ЦРУ, которому не нужен специальный непрослушиваемый телефон. Еще одну шутку пустил некий сенатор, призвавший своих коллег «не утверждать планы свержения правительства любой страны, название которой не выговаривает Кейси».

Позиция самого президента в отношении кражи документов его предшественника перекликается с тактикой Кейси. «Я об этом даже не слышал до тех пор, пока вы не начали об этом говорить,— сказал Рейган журналистам на одной из пресс-конференций.— Никто с нашей стороны никогда ни словом не упоминал о вещах подобного рода».

Впрочем, он решил все же оставить себе лазейку и, намекая то ли на склероз, то ли просто на природную забывчивость, заявил: «Спросите меня, какой документ был мне передан на прошлой неделе, и я вам не отвечу».

Но этим не исчерпывались комментарии главы правительства. Заняв позицию стороннего наблюдателя в неприглядной и уголовно наказуемой афере, он для начала поспешил набросить на нее покров эдакого пустячка. «Эта история яйца выеденного не стоит!» «Много шума из ничего!» «Рядовой эпизод!» «Я не вижу во всем этом ничего странного. По правде говоря, достаточно подумать о такой (избирательной.— **Прим. авт.**) кампании, о сотнях причастных к ней людей и о горах бумаги с предложениями, предположениями, сообщениями и т. д.». В последнем высказывании вновь лазейка: да, вероятно, что-то было (ведь Стокмэн, Бейкер, Герген не отрицают, что они репетировали с Рейганом по картеровскому сценарию!), но Рейган ничего не знает, так как ничего не помнит об этих документах.

Один американский журнал, используя знаменитое рейгановское клише из теледебатов «Опять вы за свое», вынес в заголовок редакционной статьи, посвященной позиции президента в «рядовом эпизоде» с ограблением его предшественника, слова: «Да, вот вы действительно опять за свое». Но в общем и целом пресса словно по волшебному сигналу не утруждала президента острыми вопросами.

КРАТКОЕ ОТСТУПЛЕНИЕ

Абстрагируясь от всех конкретных персонажей данной истории, хотелось бы на минуту представить уединившееся жюри присяжных заседателей. Поверило бы оно в отсутствие памяти у того, ради кого похищали вещь, и у того, кто организовал хищение?

Нет, не поверило бы, и Кейси решает освежить свою память. В начале июля 1983 года у Пола Корбина — функционера демократической партии, бывшего сотрудника Роберта Кеннеди, раздался телефонный звонок. Корбин отдыхал в Мексике и не поверил своим ушам, когда услышал на другом конце провода голос директора Центрального разведывательного управления США. Тот хотел «восстановить в своей памяти события в связи с документами Белого дома Картера». Корбин ответил, что единственной информацией, которую он предоставил, был материал «для речей» на тему о преступности, полученный от председателя комиссии по расследованию в штате Нью-Йорк Адама Валински, бывшего сотрудника Роберта Кеннеди.

— Кейси,— заявил Корбин газете «Нью-Йорк таймс»,— позвонил мне и сказал, что хочет вспомнить, давал ли я ему что-либо, кроме этой речи Валински, и я ответил, что нет, я не давал ничего другого. Кейси сообщил, что кто-то сказал ему, что «вы мне что-то давали». Я ответил, что дал лишь эту речь.

Таким образом, Кейси рассчитывал одним ударом вывести из разгоравшейся борьбы либералов. Документы умыкнули, намекал он, приверженцы клана Кеннеди. Но уж если против Картера были люди Кеннеди, то тогда людям Рейгана сам бог велел принимать от них краденые бумаги.

«РАССЛЕДОВАНИЕ»

«Циклон» хитер. Но и на старуху бывает проруха: вдруг откуда ни возьмись появится факт-другой, и официальная версия Кейси, представленная конгрессу США — «Я не помню, чтобы я когда-либо получал эти документы или слышал что-либо о них»,— прикажет долго жить. Ведь так же хитер и изворотлив был министр юстиции Джон Митчелл. И он так же руководил предвыборной кампанией президента Никсона. Но там после долгой закулисной возни нашлись люди, которые под присягой утверждали (а Митчелл напрочь отрицал), что ими верховодил Митчелл, когда они забрались в контору национального комитета демократической партии в вашингтонском комплексе «Уотергейт». И бывший министр юстиции, бывший руководитель предвыборной кампании «сыграл» на 19 месяцев за решетку. Степень вины Митчелла и некоторых других приближенных Никсона, познакомившихся с тюрьмой, хотя они не были безгрешны, остается невыясненной. Очевидно другое: расправляясь с ними, мстили Никсону.

Митчелл, кстати, растерял в ходе судебных процессов все свое миллионное состояние. Кейси пришел в Лэнгли с 6 миллионами долларов в банке. За два с половиной года, по оценкам печати, его состояние удвоилось. Особенно он погрел руки в 1982 году на торговле акциями нефтяных компаний; компасом ему служили секретные данные и оценки мирового нефтяного рынка, составляемые в различных службах ЦРУ. Кейси был владельцем, или совладельцем, или акционером 72 компаний. Многие из них являются тайными или открытыми подрядчиками ЦРУ. Согласно «Закону об этике», директору ЦРУ лучше всего было бы прервать контракты этих фирм с Лэнгли или же продать свою долю акций в них. В крайнем случае закон призывает передать «полную доверенность» на управление такой собственностью третьему лицу. Кейси, однако, плевал на этику. Лишь 19 июля 1983 года в разгар разоблачений скрепя сердце он объявил, что пишет такую «полную доверенность».

Два с половиной года директор ЦРУ Кейси предоставлял прибыльные заказы бизнесмену Кейси, а Белый дом делал вид, что не замечает нарушения «этики». Вашингтон видел в последние десятилетия полчища загребущих тихонь и нахалов. Но мистер Кейси показал способности уникума, мастера лобовой коррупции. И ему вовсе не улыбалось распрощаться со своими 12 миллионами долларов, как пришлось Митчеллу.

Призрак тюремной решетки и страх лишиться миллионов — отменные стимулы, чтобы с прилежностью первого ученика класса выучить все уроки Митчелла и уотергейтского дела.

Вероятно, главной прорухой в уотергейтском деле была магнитофонная система в Овальном кабинете президента, притом автоматическая, включавшаяся при появлении любого звука. Предшественники Никсона — Кеннеди и Джонсон — включали ее рычажком под своим письменным столом. Поэтому, когда враги Никсона раскрыли секрет звукозаписи, магнитофонные пленки были затребованы судом. Никто не знает, существует ли какая-то магнитофонная система в Овальном кабинете сейчас. Можно предполагать, что существует, ибо, как сообщала печать, в Белом доме царит железный закон: президент Рейган не обсуждает со своими помощниками кражу картеровских бумаг.

Вдобавок сотрудникам Белого дома дан приказ: впредь ни на какие вопросы на эту тему не отвечать. Ставя точку над «i», заместитель пресс-секретаря Белого дома Л. Спикс заявил журналистам, что помощники Рейгана не будут больше комментировать ни скандал в целом, ни ход расследования.

Ход расследования? Чего и кем? Разве не отшучивался хозяин Белого дома и не называл все это «не стоящей выеденного яйца историей»? Что же тогда расследовать, если ты уверен, что за рамки забавного анекдота дело не выходило? Но чтобы эта поза сошла за правду, необходимо было инсценировать расследование кражи президентских бумаг.

Кому же его поручить, как не министру юстиции США. Ведь после победы на выборах Рейган предусмотрительно назначил на этот пост самого доверенного ему человека, личного семейного адвоката, закадычного друга Уильяма Френча Смита.

Когда его кандидатуру утверждал сенат, раздавались голоса против: во-первых, у Смита не было никакого опыта для такой должности, во-вторых, в силу особых отношений с президентом у него может возникнуть «конфликт интересов» — столкновение между личной корыстью и интересами общества. Тех, кто протестовал, быстро утихомирили, но положение не изменилось.

Отсутствие юридического опыта государственного масштаба не означало, что в столице появился «простачок из провинции», умеющий лишь угодить своему удачливому клиенту. Даже его противники, противостоявшие ему на тяжбах в судах, не скупились на такого рода отзывы: «Очень смышлен, наделен хорошим аналитическим умом». До войны он получил дипломы двух университетов — Калифорнийского и Гарвардского. После службы на флоте во время войны Смит вернулся в Лос-Анджелес и был принят в крупнейшую юридическую контору города «Гибсон, Данн энд Кратчер», выделившую ему для специализации сферу отношений между профсоюзами и предпринимателями. Затем он открыл в Лос-Анджелесе свою собственную контору, нажил состояние и близко сошелся с богатейшими людьми штата, которых объединяли не

только деньги, но и политическое мышление, идейные взгляды, уходившие корнями в консервативный экстремизм.

Когда этот влиятельный кружок сделал ставку на Рейгана, рассчитывая через губернаторское кресло вывести его на трон в Белом доме, роль Смита возросла необычайно. Биограф нынешнего президента, обозреватель газеты «Лос-Анджелес таймс» Билл Боярски в книге «Рональд Рейган. Его жизнь и восхождение к президентству» многозначительно замечает: «Смит помогал направлять политическую карьеру Рейгана и управлять ею».

В конце 1980 года контора Смита в Лос-Анджелесе фактически стала отделом кадров будущего американского правительства. Сутками напролет под председательством Смита там заседала так называемая «переходная команда», рассматривавшая и утверждавшая кандидатуры министров, их заместителей, помощников, председателей и заместителей комиссий, комитетов, управлений, агентств — всего около двух тысяч кандидатур. Главным критерием для получения места почти всегда были справки от большого бизнеса, юридических кругов, академического мира о политической благонадежности, то есть о поклонении консервативному экстремизму не на словах, а на деле.

Крайне любопытен выбор места для работы кадровиков. У Смита к этому времени выработалось железное правило. Он был убежден, что все и вся в Калифорнии (наверно, ему лучше знать) прослушивается. Все дела еще для губернатора Рейгана по управлению Калифорнией он вел только в своем офисе, платя немалые деньги за то, чтобы быть уверенным, что его никто не подслушивает. Надо полагать, что, став министром юстиции, он позаботился о такой же «непроницаемости» своего нового кабинета.

Официальный акт передачи дела на «расследование» из Белого дома в министерство юстиции происходил на глазах миллионов зрителей — в ходе транслировавшейся по телевидению пресс-конференции президента. «Мы,— заявил Рейган,— попросили министерство юстиции выяснить, нет ли чего-нибудь предосудительного, чего-то незаконного и не допущены ли какие-то нарушения, и принять любые необходимые меры».

Личный юрист и он же министр юстиции сумел, видимо, втолковать своему клиенту, что в некоторых аспектах дела лучше сменить тон. Что мы и видели в приведенном заявлении. Далее президент уточнил, чего он ждет от Смита. «Я хочу, чтобы министерство юстиции высказало свое мнение. Я знаю, что многие вольно используют слово «украл», говоря, что кто-то что-то «украл» в Белом доме. Помоему, очень глупо пытаться утверждать это, но нужно все выяснить».

На той же пресс-конференции Рейган взял Кейси, что говорится, на поруки и пошел на расплывчатое признание использования им картеровских документов. Вопрос: «Вызывали ли вы Кейси и спрашивали ли вы его о том, что ему известно обо всем этом, если он вообще что-то знает?» Ответ: «Мы все обсуждали это. У нас было множество бумаг, которые были переданы министерству юстиции... Тот, кто участвовал в предвыборной кампании, знает, с каким огромным множеством бумаг, предложений, планов приходится иметь дело. И я прекрасно понимаю, почему он (Кейси.— **Прим. авт.**) не обратил на это никакого внимания. Ему совсем необязательно было просматривать огромное множество бумаг и документов. Та книга (ориентирующий справочник Картера.— **Прим. авт.**), о которой сейчас усиленно говорят многим из вас, совсем непохожа на то, чем мы тогда располагали (из документов Картера.— **Прим. авт.**)». Итак, здесь уж нет полного отрицания, что никакие бумаги из картеровского Белого дома не использовались республиканским кандидатом и его людьми. И здесь есть интересное допущение: документы могли пройти через руки Кейси, но он в суете проглядел, что это ворованные конфиденциальные документы президента США.

Под давлением таких советчиков, как министр юстиции и президент США, упорствовавший почти два месяца Кейси сдвинулся. В рамках грандиозного театрального зрелища к нему пришли агенты Федерального бюро расследований задать вопросы. Ответы: «не припоминаю, не получал, не слышал... я бы такого не потерпел... я бы ни за что не стал даже дотрагиваться до этих материалов», но «не исключаю возможности того, что в напряженные завершающие дни предвыборной кампании что-то действительно прошло через мое ведомство или даже через меня лично». Так на физиономии члена правительственного кабинета появилась мина немного рассеянного, сильно перегруженного заботами человека, ну почти точь-в-точь как его шеф, который не ответит вам, если вы его спросите, какой документ был передан ему на прошлой неделе.

Собеседование Кейси с ФБР состоялось после того, как этому ведомству, входящему формально в министерство юстиции, было приказано провести «расследование» пропажи картеровских бумаг. Конечно, зрелище получилось бесподобное. Орган, занимающийся жестокой травлей американцев прогрессивных взглядов, делающий вид, что он борется с организованной преступностью, набивший себе руку на грязных провокациях против иностранных представительств в США,— и вдруг этот орган «расследует» деятельность официальной вашингтонской верхушки. Но элегантный, холодный, снисходительный Уильям Френч Смит знал, что он делал.

11 августа сотрудники ФБР прошли в жилые апартаменты Белого дома и там в течение часа «опрашивали» 40-го президента Соединенных Штатов. Об этом стало известно 17 августа в Калифорнии, куда президент прибыл на отдых. Заместитель пресс-секретаря Л. Спикс сказал, что он не знает, какие вопросы задавали сотрудники ФБР Рейгану и как он отвечал на них, но что «президент не отказался от своей версии». При Рейгане, который давал показания не под присягой (!), находился его юрисконсульт.

Калифорнийская молва утверждает, что всегда сдержанного Смита видели улыбающимся лишь в те моменты, когда они с Рейганом стояли рядом и с наполненными рюмками в руках. Смит мог улыбнуться и в тот раз — важный пункт плана защиты был выполнен. Защиты, которая должна снять малейшие подозрения с его клиента. Защиты, которая должна ему оставить открытым путь на второй четырехлетний срок пребывания в Белом доме. Это было главное.

Именно расчеты, связанные с сохранением власти за ультраконсерваторами, были одной из главных причин, побудивших Смита в конце января попросить отставки. «Занимая нынешний пост,— сказал он,— я не мог бы принять участие в предвыборной кампании». В особенности, мог бы добавить Смит, с таким грузом, как расследование этого уникального в своем роде хищения.

Но, развивая свою мысль, личный адвокат президента подчеркнул, что, начиная с калифорнийских выборов 1966 года, он участвовал во всех предвыборных баталиях Рейгана и «не хочет, чтобы 1984 год стал исключением».

Если не считать хозяина Овального кабинета, уход Смита в отставку застал врасплох в Белом доме всех, включая и его преемника — «образцового рейгановца» Эдвина Миза. Впрочем, для нашей истории интересно сейчас другое: каковы плоды «полномасштабного» уголовного разбирательства, которое пообещал американской общественности Уильям Френч Смит? Когда они будут обнародованы?

В связи с намечающимся переходом Миза из Белого дома в министерство юстиции еще более усилились в президентском окружении позиции Дж. Бейкера, не устающего повторять, что картеровские документы были переданы ему Кейси. По словам друзей Бейкера, он, вероятно, охотно сделает все, что угодно — «переплывет, если необходимо, Ла-Манш»,— лишь бы реабилитировать себя.

Окончание следует.

КОМАНДИРОВКА ПО ПИСЬМУ ЧИТАТЕЛЯ

В своих пожеланиях «Огоньку» читатели просят чаще публиковать материалы о делах семейных, особенно о взаимоотношениях родителей и детей, где не все просто, однозначно. Журнал неоднократно обращался к таким темам. Сегодняшний наш разговор вызван письмом из читательской почты.

Зоя ЗОЛОТОВА

БЕЗ

АЛИМЕНТЫ ЗА СЕНТЯБРЬ

Буду откровенна: я не хотела встречаться с этим человеком и в то же время спешила увидеть его. Впрочем, наша встреча отложилась сама собой. Григорий Алексеевич был в отпуске, а отпуск у кандидата наук, как правило, продолжительный. За эти дни передо мной прошла вся жизнь его 85-летней матери, брата, сестры и еще многих посторонних людей, которые принимали участие в ее судьбе. Некоторых из них Григорий Алексеевич не знает. Потому что в течение тридцати лет со своей матерью Марией Кузьминичной он не поддерживает никаких отношений. Впрочем, это не совсем верно. Поддерживает. Юридически. И документ есть — денежный перевод, который ежемесячно три десятка лет высылает он родительнице. Аккуратно каждую зарплату из его 340 рублей бухгалтерия высчитывает ровно десять. К Марии Кузьминичне приходит 9.80, двадцать копеек за почтовые услуги. По адресу одного из научно-исследовательских институтов Ленинграда, четко отпечатавшемуся на казенном бланке перевода, я и разыскала Григория Алексеевича. Его домашний адрес во Львовском доме-интернате для престарелых, где семь лет живет Мария Кузьминична, неизвестен.

Итак, меня ждала встреча с ее старшим сыном, «первеньким», как называла его Мария Кузьминична. В 1941 году с третьего курса института инженеров водного транспорта ушел он на фронт и до последних дней войны не снимал военную шинель. Сегодня Григорий Алексеевич — авторитетный ученый, деятельность которого в институте заслуженно характеризуется так: «...показал себя специалистом высшей квалификации, обладающим обширными и глубокими знаниями теории и практики. Под его руководством выполняются научно-исследовательские темы, связанные с решением народнохозяйственных проблем... Автор нескольких книг, справочников, научных трудов. Воспитал не одно поколение студентов...» В заключение — традиционное, об участии в общественной жизни, о моральной устойчивости, о скромности в быту.

Но не вязалось со словами о нравственной чистоте затянувшееся на тридцать лет молчание. Ни разу на обратной стороне денежного перевода рука сына не вывела «Здравствуй, мама». В бухгалтерии пишут официально — «алименты за сентябрь 1983 года».

Может быть, после сказанного понятно мое желание и нежелание видеть Григория Алексеевича.

Долго я раздумывала над вариантами драмы чужой семьи, над ситуациями и даже моментами, многим из которых нет и не может быть документального подтверждения. Да и как быть судьей в чужом семейном конфликте? Во всяком случае, за подлинность высказываний действующих лиц ручаюсь и привожу их почти дословно.

А теперь все по порядку.

В редакцию пришло письмо от Марии Кузьминичны К. Талоны к почтовому переводу, о котором говорилось, из этого же конверта.

«Я обращаюсь в редакцию не только для того, чтобы облегчить страдания обиженной матери, а чтобы прочла письмо вся молодежь,— писала старая женщина.— Пусть задумается над своими поступками, прежде чем подло поступать с родными. Пусть накажут моих детей и таких, как они, парторганизация, суд, они заслужили это. У меня трое детей. Два сына и дочь. Все живы. Но я считаю, что остался только один сын, Виталий. Мальчишкой ушел он на войну и всю жизнь прослужил в армии в Прибалтике, где живет и сейчас.

Старалась для детей, как могла. Старший, Гриша, окончил музыкальную школу и институт, младшим война помешала. Я работала багажным кассиром, муж был железнодорожником, он умер. Гриша мой, 1921 года рождения...»

...Григорий Алексеевич вернулся с войны в звании капитана в маленький украинский городишко, недавно освобожденный от оккупации. Привез жену с грудным ребенком. Сразу же отправил свою семью и мать с 15-летней сестренкой Ниной во Львов, а сам уехал в Ленинград кончать институт.

Что и говорить, жить в чужом городе, в холодной частной комнатушке на чердаке было нелегко. Да тут еще несчастье сказывается: уже год на костылях, ноги не ходят. Внучек маленький, пришлось Марии Кузьминичне устроиться сторожем в детский садик. Нина на завод пошла, невестка работала машинисткой. Худо-бедно, но концы с концами женщины сводили. В сорок девятом, перед самым дипломом, затребовал Гриша к себе жену, оставив маленького Юрку бабушке-инвалидке.

Письма приходили редко, а потом и вовсе их не стало. Только через два года разыскала Мария Кузьминична сына на строительстве Волго-Донского канала, где он работал инженером, и вернула Юрку молодым родителям. И сама вроде не старая, за пятьдесят только-только, а вынуждена была сесть на крохотную пенсию по инвалидности. «Гриша уже выучился,— рассуждала Мария Кузьминична.— Мы с Ниной пестовали его хлопчика, а теперь его черед помогать». Но помощи так и не было, и Мария Кузьминична подала в суд на сына. Суд, на который Григорий Алексеевич не явился, учел, что у нее трое взрослых детей, и присудил ей алименты от старшего в размере ста рублей, по нынешним деньгам — десяти.

Далее в письме Мария Кузьминична подробно пишет, что не сложились отношения с дочерью после того, как Нина вышла замуж, и как в конце концов ее пристанищем стал интернат.

Я понимала, что жизнь пересказать невозможно. Конечно, все происходило гораздо сложнее, чем рассказано в письме. Одно дело — бросили больную мать избалованные дети, другое — когда трудности, фронт... И потом Мария Кузьминична так просит наказать их прилюдно, через общественные организации, через журнал...

В домах-интернатах я не раз встречалась со стариками, поставившими на ноги детей и доживающими отпущенные судьбой годы под общей крышей. Первое время не укладывалось в голове, почему они, одинокие, заброшенные самыми близкими людьми, свои считанные рубли (в интернатах, если позволяет здоровье, можно работать) аккуратненько, до копеечки складывают, а потом отправляют тем, кто их предал, причинил самое большое горе. Впоследствии осозналось: нет, не отторгает материнское сердце своего дитяти, и даже одиночество не служит ему уроком. Каждая мать, защищая неправого сына, вину брала на себя.

Но не вписывался характер Марии Кузьминичны в логику характеров и поступков этих стариков. Шел он вразрез с истиной, что мудрость уменьшает жалобы, а не страдания.

СВИДЕТЕЛЕЙ

«НЕ ПО-ЛЮДСКИ...»

После того как отдала внука, жила спокойно Мария Кузьминична вдвоем с Ниной, считая, как и многие матери, что теперь ее счастье в счастье дочери. Но как только в маленькой комнатушке появился зять, начались ссоры. Обычные житейские ссоры из-за пустяков, которые можно было пресечь, пока они не переросли в глубокую обиду, окажись одна сторона более тактичной и терпеливой. Но в этой семье никто не хотел уступать. Нина безоглядно принимала сторону мужа, не делая скидок на болезнь и старость матери. Мария Кузьминична, в свою очередь, чувствовала себя оскорбленной, гордость не позволяла унижаться перед молодыми. Какой уж тут шаг навстречу... Хорошо еще, что разъехались: дочь получила однокомнатную квартиру.

Обращаюсь к Нине Алексеевне, которая и сейчас живет здесь же, во Львове.

— Не прощу, никогда не прощу мать. Никто не заставит забрать ее из интерната. Нет такого закона... И свидетелей нет, что я ее обижала. Где доказательства? Возненавидела моего мужа, и началось... На старости лет деда себе завела. Опозорила... Ушла в интернат, а потом еще и письма начала строчить. Не по-людски жила...

— Мать заслужила такую тяжелую расплату,— это уже Григорий Алексеевич так считает.— Как она встретила меня после фронта, после тяжелых испытаний?.. Первый вопрос — зачем женился именно на этой женщине? Видите ли, она невесту мне приискала... Тянула из нас деньги. Раз растила, то давай, давай... Даже в суд подала на алименты. Что же это за мать, если так позорит сына? А память об отце? Семью новую, видите ли, захотела... Мы все любили отца...

— Позвольте прервать вас, Григорий Алексеевич. Как известно, в свое время именно вы старались не очень-то вспоминать отца...

— Трудно мне было сразу после войны разобраться, понимаете. Родители не успели эвакуироваться, отец вынужден был работать при немцах... Я считал, что если правосудие состоялось, то меня не касается все, что произошло. Этого было достаточно, чтобы прервать отношения...

— С кем? С матерью?

— У меня тогда — не знаю, как поточнее выразиться,— по политическим мотивам были с ней разногласия...

— Но свою жену и сына вы привезли к ней, несмотря на разногласия... А ведь ваш отец, Григорий Алексеевич, был реабилитирован...

—?? Я не знал... Спасибо... Это правда?..

Из этих разговоров с дочерью и сыном видно, что они избрали определенную линию поведения: отгородиться от прошлого, от матери. Любой ценой. Оттолкнуть ее, вычеркнуть из жизни. Было выгодно и удобно — стать чужими, забыть, не простить, отрезать.

...В интернат Мария Кузьминична попала действительно не по-людски, как не по-людски попадают сюда все, имеющие устроенных, здоровых детей и внуков. Ведь формальности ради надлежит отказаться от них. И Мария Кузьминична написала в отдел социального обеспечения: детей не имею.

Не сразу она решилась на этот шаг. Была еще одна попытка сблизиться с дочерью. Очень хотелось, чтоб Нине осталась ее комнатушка, если... Съехались. И снова ссоры, изнуряющие всех. Не буду описывать суть конфликта, тем более одна сторона говорит одно, другая — другое. Права Нина Алексеевна — доказательств нет и нет свидетелей. И однажды утром ушла из новой квартиры Мария Кузьминична, без вещей, прихватив с собой лишь палочку...

Три месяца от нее не было известий.

— Нина Алексеевна,— спрашиваю,— вы обращались в милицию?

— А зачем? Была у нее старуха-соседка, наверно, там и жила. Если бы умерла, то сообщили...

Но Мария Кузьминична не умерла. Умерли для нее дети. Закаменевшее сердце отходило медленно, с болью. Много было здесь, в интернате, бессонных ночей. И жалко ей их, особенно Нину, в цехе у вязальной машины нелегко, да и немолодая. И обижалась на них, больше всего тоже на Нину: к соседке по комнате невестка — не дочь! — приходит два раза в неделю. Потом еще узнала, что дочь получила новую квартиру и поставила под окнами голубенькие «Жигули». А в старой, из-за которой тот сыр-бор разгорелся, осталась внучка. День за днем постепенно съедала ее эта обида, хотелось отомстить за свое одиночество, сделать больно. Вот откуда — «накажите их, напишите о них, чтобы другим неповадно было».

Мария Кузьминична начала писать жалобы. Первую — на работу нелюбимому зятю. Только после того, как мужа вызвали в партком, узнала Нина Алексеевна, что пропавшая мать живет в интернате. Вот опозорила так опозорила! Не прощу! С октября 1976 года складывает она корешки почтовых переводов — алименты матери. Уж теперь старуха не скажет, что ей не помогают. Бумага — вот доказательство!

«МИР НЕ БЕЗ ДОБРЫХ ЛЮДЕЙ»

«Дорогая Мария Кузьминична, получила ваше письмо. Долго не отвечала, недавно вернулась во Львов. Завтра будем на кладбище, помянем Ивана Макаровича. От Вашего имени тоже положим цветы.

Простите нас, что так мало уделяем внимания. Заедает ежедневная суета. Сердечный привет передают все наши. Скоро приедем.

Целую, Ирина Сергеевна».

За чтением этого письма я и застала Марию Кузьминичну в первую нашу встречу. Разгладились морщинки, ведь Ирина Сергеевна в последние двадцать лет самый близкий и родной ей человек. Она невестка того самого деда, которым попрекают Марию Кузьминичну до сих пор ее дети. Помните: «не посчиталась, деда себе завела».

Трогательные были отношения у стариков, семейными в традиционном смысле их не назвать: каждый жил своим домом. Два пожилых, больных человека — Иван Макарович был глуховат — поддерживали друг друга. Мария Кузьминична по мере сил помогала Ирине по дому, воспитывала ребятишек. Она хорошо знала легкий на обиду, вздорный характер старой женщины. Сама подчас на нее обижалась. Особенно, когда вслед за ней в интернат переехал свекор.

— Мария Кузьминична не моя мать, но мне больно, что нет теплой души рядом. Сердце бьется, живет... Как мы поступаем, так поступят и наши дети, вот что важно,— считает Ирина Сергеевна.— Родителей не выбирают, да и можем ли мы судить родителей? — И она не оставляет беспомощного человека, хотя с тех пор, как умер Иван Макарович, прошло три года.

— Встретила я хороших людей и здесь, в интернате,— тихо говорит Мария Кузьминична.— Мир не без добрых людей оказался... Не уйду отсюда никуда, пусть не боятся мои дети... Будете в Ленинграде, посмотрите на Гришу. Какой он стал? Возьмите слово, что приедет. Если постесняется, расскажите, как я живу...

Живет Мария Кузьминична в одном из лучших интернатов Львовской области, которому присвоено звание коллектива высокой культуры обслуживания. Светлое, сверкающее огромными окнами здание прячется за стеной кипарисов и голубых елей. У них с соседкой просторная комната с лоджией. Накормлена, как говорится, обутаодета она, ухожена, окружают ее отзывчивые на чужую беду люди: Мария Александровна Иванова — заместитель директора интерната, Зоя Владимировна Копец — главный врач, медсестры, нянечки.

Дважды из интерната увозил погостить к себе в Прибалтику младший сын, Виталий.

Когда уже верстался номер, позвонили из интерната: «Жалеет Мария Кузьминична, что так жестка была к детям. Смягчилась, просит не называть их. Верит, вдруг приедут...» Некоторые имена изменены — не могу не выполнить волю матери.

Время вспять не повернуть и жизнь не начать сначала. И не будет оправдания детям, если они не найдут силы забыть былые обиды, не победят собственную черствость и жестокость, не сделают шаг навстречу родному и больному человеку. Дело сильного — уступить, а если надо, то и поступиться.

Львов — Ленинград.

ТЕМ, КОМУ ЗА СОРОК

Шел показ моделей. Под всплески аплодисментов молоденькие манекенщицы (модели — сама раскованность и современность) энергичной, танцующей походкой выходили на суд зрителей. Но вот аплодисменты усилились — на подиуме появилась манекенщица, демонстрирующая одежду для женщин, которым за сорок лет. Она показывала модели, казалось бы, самые простые: прямые пальто из серых и бежевых мягких драпов, преобладала голубовато-синяя гамма костюмов и платьев несложных фасонов. Здесь почти отсутствовала мода, но были современные ткани, безупречный классический покрой, тонкие сочетания цветов. И, конечно же, главное — стиль, гармония, полная законченность образа.

Элегантность этой манекенщицы доказывала, что не так уж страшно стареть, если ты взрастил в себе бесценные качества: культуру, достоинство, вкус. И костюм, наш вечный спутник, капризный и привередливый, будет верно служить, если с годами мы проникли в «секреты» элегантности, развили в себе тонкое ощущение цвета, формы и назначения вещей, умеем

составлять из них художественные ансамбли.

«Не нужно иметь на себе бриллианты, чтобы быть элегантной,— говорила К. Шанель, известный французский модельер,— но в платье, которое на вас, вы должны чувствовать себя хорошо». Итак, удобство — первое условие. Это значит, что между телом и одеждой всегда должна быть воздушная прослойка. Это требование исходит из эстетики костюма — одежда не должна деформироваться, должна сохранять в носке свой первоначальный вид. Нет средства, более усиливающего впечатление полноты, чем натянутое платье. И еще: все слагаемые облика должны удерживаться в безупречном виде. Неаккуратная прическа и окраска волос, заломы на платье, неровные края, сбитые каблуки, любой намек на небрежность — после сорока относятся к важнейшим «прегрешениям». «Лучше морщины на лице, чем на чулках»,— острят французы.

Чем же руководствоваться в выборе ткани? Как всегда, незаменимы натуральные ткани. Они пластичны, в них легко дышит кожа. Ткани с добавлением искусственных волокон прекрасно сохраняют форму.

Костюм во многом может подчеркнуть правильные пропорции тела. Вырез в форме V остается непревзойденным в случае, когда надо удлинить шею. На его основе строятся и воротники: с изящными лацканами, апаш, сзади на маленькой одинарной стойке, воротник-бейка хорош на легкие платья и блузы, длинные концы которого свободно перекидываются или завязываются бантом.

При выборе цвета своего костюма руководствуйтесь главным признаком: свежесть и светлые тона. Если серый цвет, то с оттенком голубого или сиреневого, предпочтительнее светло-бежевый, чистый, а также пастельные тона.

Помните, что чулки надо выбирать, близкие цветом к цвету обуви, чтобы нога воспринималась от носка туфель и тем самым казалась длиннее, стройнее.

Подплечники в одежде молодых могут быть предметом преходящей моды, а с возрастом они должны стать постоянными спутниками вашей одежды: форма плеча чуть ли не главное в архитектонике фигуры, верное средство сбросить лет пять, а то и все пятнадцать.

Спортивная фигура не знает ограничений в силуэте, поэтому для стройных, высоких женщин хорош любой силуэт. Но если вы освободили себя от гимнастики и диеты, то уже потеряли свободу выбора. Для полных фигур следует избрать силуэт прямой или трапецию и в любом случае костюм предпочтительнее платья.

Е. ЕЛЕНИКОВА

ПРИГЛАШАЕМ К КОНКУРСУ

В четвертом номере «Огонька» было опубликовано интервью с трехкратным чемпионом мира по шахматам Анатолием Карповым, который в заключение беседы пригласил читателей журнала принять участие в конкурсе «Кто победит в финале претендентов?». Выполняя просьбу наших читателей, повторяем условия конкурса. В ответе нужно указать не только общий итог матча, но и предугадать результат каждого из 16 туров. Ниже дан образец заполнения открытки. Десять победителей, первыми приславших наиболее точные и полные ответы, будут награждены шахматными сувенирами с автографом трижды чемпиона мира гроссмейстера Анатолия Карпова. Ждем ваших ответов по адресу: Москва, 101456, ГСП, Бумажный проезд, 14, «Огонек».

Ответы на открытке с пометкой «Шахматы-84» редакция должна получить не позднее десятого марта 1984 года (согласно почтовому штемпелю).

	1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	13	14	15	16	итог
Г.КАСПАРОВ																	
В.СМЫСЛОВ																	

СПАСИБО ЗА ПАМЯТЬ

В № 33 «Огонька» меня очень взволновал очерк И. Месхи «Печаль». Я восхищена добрым сердцем Героя Советского Союза Мелитона Кантария, выступившего за установление особого дня памяти ушедших из жизни близких и родных, и рада, что его предложение нашло отклик у многих людей.

В связи с этим мне хочется рассказать, как друзья и товарищи чтут память о моем брате. Мой брат, Коля Соколов, работал корреспондентом в молодежной газете. В 36 лет он трагически погиб, когда был в служебной командировке. Ему бы жить и жить, работать, растить детей, но вместо этого в дом пришло горе, он опустел, а вместе с горем поселилась в нашем доме печаль. С тех пор прошло много лет, но ежегодно 5 мая, в День печати, его друзья по газете приходят к его памятнику. Сперва моя старенькая мама беспокоилась: «Будут ли Колины друзья, ведь времени прошло много, наверно, уже забыли его?» Друзья по перу приходили всегда в одно и то же время — в обеденный перерыв. За эти годы их стало меньше, троих уже нет в живых. Но вместо них навещают могилу другие, никогда не знавшие моего брата.

Школьные товарищи, друзья по университету, по шахматному клубу (мой брат был кандидатом в мастера спорта по шахматам) и по сей день приходят в его дом. Три года не было в городе одного из его друзей, он находился в длительной командировке, но когда приезжал в отпуск, то обязательно приходил к маме. В каждом из его друзей мать видела своего сына.

Я пишу для того, чтобы поблагодарить друзей моего брата за добрую память о нем, за чуткое отношение к матери.

О. КАПША

Фрунзе.

НЕВОЗМОЖНО ЗАПУГАТЬ НАРОДЫ

Прочитал статью В. Симонова «Терроризируют ООН» в № 40 «Огонька». Не могу в двух словах выразить все возмущение и негодование, которое поднялось у меня в душе после того, что я узнал об отношении администрации США к дипломатическим представителям Кубы, КНДР, Нигерии, Ливии и других стран в ООН. Это гнусный образчик дипломатического хамства, узаконенного и оплаченного. Это даже не пренебрежение к дипломатическому статусу, это откровенное, подлое спекулирование тем, что ООН расположена именно на территории США.

Еще недавно я был студентом Ростовского инженерно-строительного института. От самого главного вопроса — вопроса о мире мы не были в стороне: проводили митинги, собирали подписи против гонки вооружения, часть заработанных денег на объектах Ростова и области, в строительных отрядах «Атоммаш» переводили в Фонд мира.

Сегодня моя жена и я — молодые специалисты-архитекторы, совершенно четко представляем свою задачу: работать так, чтобы страна наша, несмотря ни на какие трудности, продолжала строить коммунистическое общество.

А. РИХТЕР

Анапа.

«Уроки мира», так назвал свою статью В. Николаев, опубликованную в № 33 «Огонька». Рассказывает она о Всемирной ассамблее в Праге, когда двести тысяч человек вышли на Староместскую площадь, чтобы сказать «нет — войне». Пентагон забыл уроки Хиросимы и Нагасаки, уроки Великой Отечественной. Но невозможно запугать народы, которые хотят жить в мире, мы сумеем себя защитить. Я присоединяю свой голос к миллионам голосов участников борьбы за мир.

М. ДОНИХИН, член КПСС

Горьковская обл.,
Починковский район.

ВЕЧЕР В МЫТИЩАХ

Кто не слышал о подмосковном городе Мытищи! Само название города пришло к нам из глубокой древности. Да и перовская картина «Чаепитие в Мытищах» на памяти... Чем же были славны Мытищи? «Отменно легкой» ключевой водой. Первый в России водопровод проведен в Москву именно отсюда. Многочисленные паломники шли в Троице-Сергиеву лавру через Мытищи. Останавливались в трактирах и постоялых дворах, которых здесь было немало. Деревянные домишки, освещенные тусклым светом керосиновых ламп, бараки да грязная немощеная дорога — вот лицо Мытищ до революции.

Мытищи стали городом в 1925 году. Но еще не один год можно было слышать, как распевают мальчишки: «Если хочешь жить в грязище, поезжай-ка жить в Мытищи».

Ныне бывшее придорожное сельцо — крупный промышленный город столичной области. Выросли микрорайоны. Вагоны с маркой Мытищинского машиностроительного завода можно видеть на линиях метро Москвы, Ленинграда, Киева, Тбилиси, Праги, Будапешта. Здесь с конвейера сходят ежегодно десятки тысяч автосамосвалов. Широкое применение в жилищном и культурном строительстве страны находят пенопласты, линолеумы, декоративные самоклеющиеся пленки комбината «Стройпластмасс». На экспериментальном заводе художественного литья имени Е. Ф. Белашовой из металла и камня создаются памятники. В Мытищинском районе десять научно-исследовательских институтов, три высших учебных заведения, есть, конечно, техникумы и ПТУ. Известностью пользуются химический завод тонкого органического синтеза, камнеобрабатывающий комбинат.

Недавно в Мытищах состоялась встреча сотрудников редакции и авторского актива журнала «Огонек» с читателями. На нее пришли передовики производства, знатные жители города и района. Эта встреча во Дворце культуры комбината «Стройпластмасс» была взаимноинтересной. Среди читателей был, например, заслуженный строитель РСФСР Алексей Сергеевич Грунин. Родился он в крестьянской семье. Учиться помешала война — пахал, стога метал, собирал урожай. Алексею Сергеевичу не было и шестнадцати, когда вручили ему медаль «За доблестный труд в Великой Отечественной войне». После службы в армии избрал профессию экскаваторщика: хороший фундамент и дом хорошо держит! В трудовой книжке Грунина всего одна запись: принят на работу в управление механизации № 8 треста «Мособлстроймеханизация» № 2. Там и поныне трудится Алексей Сергеевич. А вот для графы о поощрениях потребовался вкладыш! Победитель социалистического соревнования, ударник десятой пятилетки, награжден орденом Октябрьской Революции, почетный гражданин города Мытищи...

С интересом слушали собравшиеся шахматного обозревателя «Огонька», гроссмейстера Марка Тайманова. Он рассказал о матчах претендентов на шахматную корону, о том, кто сегодня лидирует в шахматном мире:

— Меня нередко спрашивают: почему к шахматам тянутся многие грузинки? Так получается само собой. В Грузии традиция — в приданое невесты входят и шахматы. Из невест вырастают чемпионки, такие, как Майя Чибурданидзе, Нана Александрия, Нона Гаприндашвили...

И снова — слово о Мытищах и славных горожанах.

Семья Алексаненковых из совхоза «Менжинец» сидела в президиуме. Их рабочее место — молочная ферма в деревне Хлябове. Глава семьи Иван Алексеевич — скотник, Мария Сергеевна — заведующая, сын Виктор — слесарь, дочь Галина — доярка; скотником работает и зять Николай Макаренков. По труду — и честь!..

Не было в зале человека, кто бы не слышал об уникальной операции, которую сделали трехлетней девочке Расе из литовского колхоза «Вадактай». Мытищинцы аплодисментами встретили героев сложнейшей операции, врачей отделения экстренной микрохирургии Г. Степанова и Р. Датиашвили. Они рассказали о своей, как они считают, обычной профессии, о коллегах, которые круглосуточно несут вахту, сменяя друг друга у операционного стола, потому что операции по приживлению конечностей нередко затягиваются на долгие двадцать четыре часа...

— К сожалению, условия, в которых мы работаем,— сказал Рамази Датиашвили,— далеко не идеальны. Мечта наша — иметь центр реплантации, где можно было бы сделать невозможное возможным. Пусть он будет на грани фантастики, но людям, думается, сегодня под силу построить по последнему слову науки и техники госпиталь микрохирургии. Даже с площадкой на крыше, где мог бы сесть вертолет...

Весной минувшего года в историко-художественном музее города открылась выставка Владислава Антоновича Скока, создавшего цикл картин о родных Мытищах. Тут и пейзажи, и старинная усадьба Марфино, и озеро Киово, и полотна, посвященные пребыванию А. В. Суворова в этих местах... Слово Владислава Антоновича на вечере было проникнуто любовью к своему краю.

Зайдите в «Детский мир» и, как правило, услышите добрые отзывы об изделиях из шерстяных тканей фирмы «Подмосковье». Есть в этом признании немалая заслуга знатной ткачихи фабрики «Пролетарская победа» Галины Васильевны Ивановской. Мастерица! На международных соревнованиях ткачей социалистических стран ей присудили первый приз. Ткани Галины Васильевны помечены Знаком качества, индексом «Н» — новинка!..

С поточной линии, где работает бригада Любови Ивановны Грицевой, за сутки сходят три тысячи метров разноцветного линолеума. Почти тридцать лет отдала Любовь Ивановна предприятию. «Работать отлично, по совести»,— учит она молодых. И ей аплодировал весь зал.

Вряд ли сейчас найдется в Подмосковье дом, в котором не было бы подноса жостовской работы. Михаил Петрович Савельев один из тех, кто бережно сохраняет для потомков неповторимый мазок. Он верен традиции уникального русского промысла. Михаил Петрович — потомственный художник. Во многих музеях страны его работы экспонируются рядом с лаковой живописью отца. А дома его подносы висят по соседству с росписью жены и сына — они тоже мастера Жостовской фабрики декоративной росписи. На вечере бронзовую медаль ВДНХ СССР Михаилу Петровичу вручил первый секретарь Мытищинского горкома партии Владимир Александрович Похвощев.

Читаешь о прошлом Мытищ и диву даешься, какими лесами славились эти места! Конечно, за последние годы боры и рощи поредели, однако есть энтузиасты, которые немало делают для того, чтобы вернуть здешним лесам былое величие. Лесничий Ираида Петровна Белозерцева работает в районе двадцать третий год. Сейчас на Лосином Острове создается Национальный природный парк со своим животным миром, уникальными деревьями. Совсем в иной области — гигиена воды — работает другой участник встречи, кандидат медицинских наук, научный сотрудник научно-исследовательского института гигиены имени Ф. Ф. Эрисмана Юрий Александрович Ноаров. Он занимается проблемами влияния водного фактора на здоровье населения. Молодой ученый — лауреат научно-технического конкурса ВДНХ СССР.

— Мытищинцы не только умеют отлично трудиться. Это люди с высокоразвитым чувством общественного долга,— сказала на встрече Герой Советского Союза, председатель городской комиссии содействия Советскому фонду мира Нина Максимовна Распопова.— Только за один 1983 год предприятия, колхозы, совхозы, просто жители района перечислили в фонд мира 160 тысяч рублей. Пенсионерка воспитательница Тамара Семеновна Милейковская внесла 1800 рублей. Она награждена грамотой Советского фонда мира.

В творческом разговоре приняли участие члены редколлегии главный художник И. Долгополов, А. Панченко и Ю. Попов, заведующие отделами Е. Антошкин и В. Пронин, фотокорреспондент Г. Копосов.

Вечер вел главный редактор журнала А. В. Софронов.

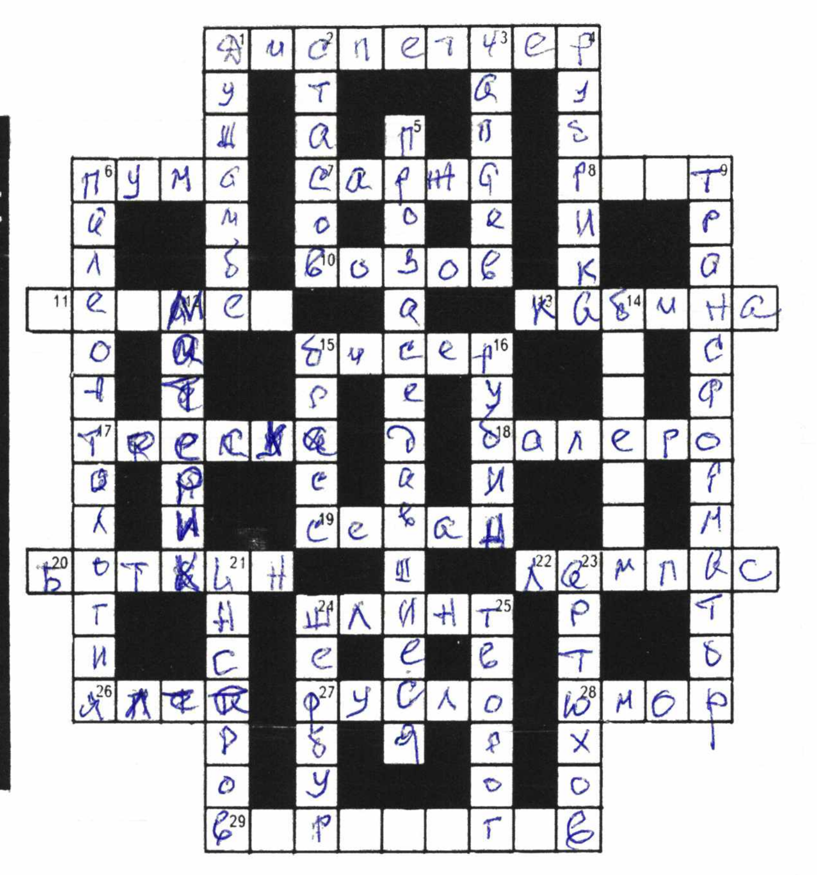
Встреча во Дворце культуры «Стройпластмасс», конечно же, оставит след в памяти всех ее участников.

Редакция благодарит за участие во встрече и за выступления врачей отделения экстренной микрохирургии Всесоюзного научного центра хирургии АМН СССР доктора медицинских наук, лауреата Государственной премии СССР Г. А. Степанова и кандидата медицинских наук Р. О. Датиашвили, гроссмейстера М. Е. Тайманова, поэтов Ларису Васильеву и Ивана Савельева, солистку Московской государственной филармонии Татьяну Виноградову, гитаристов Владимира Дубовицкого, Леонида Чудинова и юного гитариста Женю Дубовицкого.

З. КРЯКВИНА

Фото Г. КОПОСОВА

КРОССВОРД



ПО ГОРИЗОНТАЛИ: 1. Работник, регулирующий из центрального пункта движение транспорта, ход работы предприятия. 6. Животное рода кошек, обитающее в Америке. 7. Ткань для подкладок, платьев. 8. Река в Молдавии. 10. Болгарский писатель. 11. Малая планета. 13. Специальное помещение для пилота, шофера. 15. Мелкие разноцветные бусы для вышивания. 17. Морская промысловая рыба. 18. Испанский танец. 19. Озеро в Армении. 20. Врач, основоположник школы русских клиницистов. 22. Цветная полоса вдоль бокового шва брюк. 24. Стержень для соединения деталей. 26. Главная гряда Крымских гор. 27. Углубление, по которому течет река. 28. Вид комического. 29. Русский живописец-баталист.

ПО ВЕРТИКАЛИ: 1. Столица союзной республики. 2. Русский художественный и музыкальный критик. 3. Фильм, снятый кинорежиссерами Васильевыми. 4. Заголовок раздела в газете, журнале. 5. Стихотворение В. В. Маяковского. 6. Наука о вымерших растениях, животных. 9. Устройство для преобразования напряжения переменного тока. 12. Континент. 14. Картина И. И. Шишкина. 15. Способ спортивного плавания. 16. Драгоценный камень. 21. Персонаж романа И. С. Тургенева «Накануне». 23. Советский летчик-космонавт. 24. Порт на северо-западе Франции. 25. Молочный продукт.

ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД, НАПЕЧАТАННЫЙ В № 6

ПО ГОРИЗОНТАЛИ: 7. Мурадова. 8. Штангист. 9. Никарагуа. 13. Штраус. 14. Изотов. 15. Форма. 17. Арча. 18. Аган. 19. Командующий. 20. Жюри. 22. Соль. 24. Кукша. 25. Алиева. 27. Связь. 28. Костяника. 31. Чиаурели. 32. Стотинка.

ПО ВЕРТИКАЛИ: 1. Сумматор. 2. Нониус. 3. Чара. 4. Яшма. 5. Батуми. 6. Астахова. 10. Репродукция. 11. Балакирев. 12. Можайский. 15. Франк. 16. «Анюта». 21. Ютландия. 23. Лезгинка. 26. Апогей. 27. Сектор. 29. Трио. 30. Ныса.

НА ПЕРВОЙ СТРАНИЦЕ ОБЛОЖКИ: Герой Социалистического Труда машинист электровоза депо Москва-Сортировочная Ю. Н. Чумаченко. (См. в номере материал «Интервью под перестук колес».)
Фото А. МАСЛОВА

НА ПОСЛЕДНЕЙ СТРАНИЦЕ ОБЛОЖКИ: Красота не зависит от возраста. Модели финских модельеров. (См. в номере материал «Тем, кому за сорок».)

Главный редактор — А. В. СОФРОНОВ.
Редакционная коллегия: Д. Н. БАЛЬТЕРМАНЦ, В. В. БЕЛЕЦКАЯ, С. А. ВЫСОЦКИЙ (заместитель главного редактора), И. В. ДОЛГОПОЛОВ (главный художник), Д. К. ИВАНОВ (ответственный секретарь), Н. А. ИВАНОВА, В. Д. НИКОЛАЕВ (заместитель главного редактора), Ю. С. НОВИКОВ, А. Г. ПАНЧЕНКО, Ю. П. ПОПОВ, Н. П. ТОЛЧЕНОВА.

Адрес редакции: 101456, ГСП, Москва, Бумажный проезд, 14.

Оформление при участии А. А. КОВАЛЕВА.

Телефоны отделов редакции: Секретариат — 212-23-27; Отделы: Очерка, публицистики и информации — 250-56-88; Морали и права — 251-00-26; Международный — 212-30-03; Социалистических стран — 250-24-21; Искусств — 250-46-98; Экономики быта — 250-38-17; Поэзии — 250-51-45; Критики и библиографии — 251-21-46; Военно-патриотический — 250-15-33; Науки и техники — 212-21-68; Юмора — 212-14-07; Спорта — 212-22-19; Фото — 212-20-19; Оформления — 212-15-77; Писем — 212-22-69; Литературных приложений — 212-22-13; Отдел прозы — 212-63-69.

Сдано в набор 23.01.84. Подписано к печати 07.02.84. А 00317. Формат 70×108¹/₈. Глубокая печать. Усл. печ. л. 7,0. Уч.-изд. л. 10,87. Усл. кр.-отт. 16,80. Тираж 1 685 000 экз. Изд. № 608. Заказ № 2011.

Ордена Ленина и ордена Октябрьской Революции типография газеты «Правда» имени В. И. Ленина. 125865, ГСП, Москва, А-137, улица «Правды», 24.

ИСТОРИЯ СИМВОЛОВ

Эстонский календарь.

Марка Нидерландов.

Бельгийская марка

В честь дарующих кровь

А. МАССАРЫГИН

Пеликан, обессиленный бесплодными поисками пищи, сам голодный, тяжело опустился в обширное гнездо из веток и тростника, искусно перевитых сухой травой и водорослями. Здесь птицу нетерпеливо ожидали пятеро пеликанят. Оттесняя друг друга, запуская глубоко в пустой мешок клювы, они очень беспокоились. Их писклявые голоса терзали материнское сердце.

Пришлось подняться и лететь, но стая не собралась, а в одиночку наверняка ничего не поймаешь. Облетела всю округу и опять вернулась пустой.

Шумно встретили малыши мать — отчаянно щипали, били в грудь. Птица не чувствовала боли и была одержима одной страстью — насытить птенцов своих. Вдруг она сильным движением клюва разорвала себе грудь. Алые теплые струйки потекли прямо в клювы пеликанят.

Такова полулегендарная история о первом доноре нашей планеты. Сцены, подобные описанной, можно подсмотреть летом в наших южных прибрежных районах — дельте Волги, в Приазовье, Приаралье и в других местах, а также в приозерных краях Южной Европы, где гнездятся эти замечательные птицы.

Нелегко найти гнездо осторожного пеликана. Но все же некоторым счастливцам удается наблюдать жизнь пеликаньей семьи, кормление птенцов.

Поймав рыбу в горловой мешок и прилетев в гнездо, родитель, отец или мать, опускает приоткрытый клюв на грудь, чтобы пеликанятам было удобнее доставать оттуда корм. Не очень ловкие, порою достаточно сильные и всегда голодные, птенцы иногда ранят кормящего до крови — могут порвать горловой мешок и даже вырвать кусок кожи на груди.

Вид белой птицы с кровоточащей грудью, к которой тянутся птенцы, и породил легенду, послужившую основой создания символа донорства.

В России изображение пеликана встречается с начала XIX века как эмблема бескорыстной помощи нуждающимся. В конце прошлого века и в начале настоящего его помещали на открытках, знаках обществ, занимающихся благотворительностью, направленной в первую очередь на спасение и оздоровление детей.

В настоящее время пеликан — общепризнанный символ донорства. Вы увидите его на эстонском календарике, на почтовых марках Бельгии и Нидерландов.

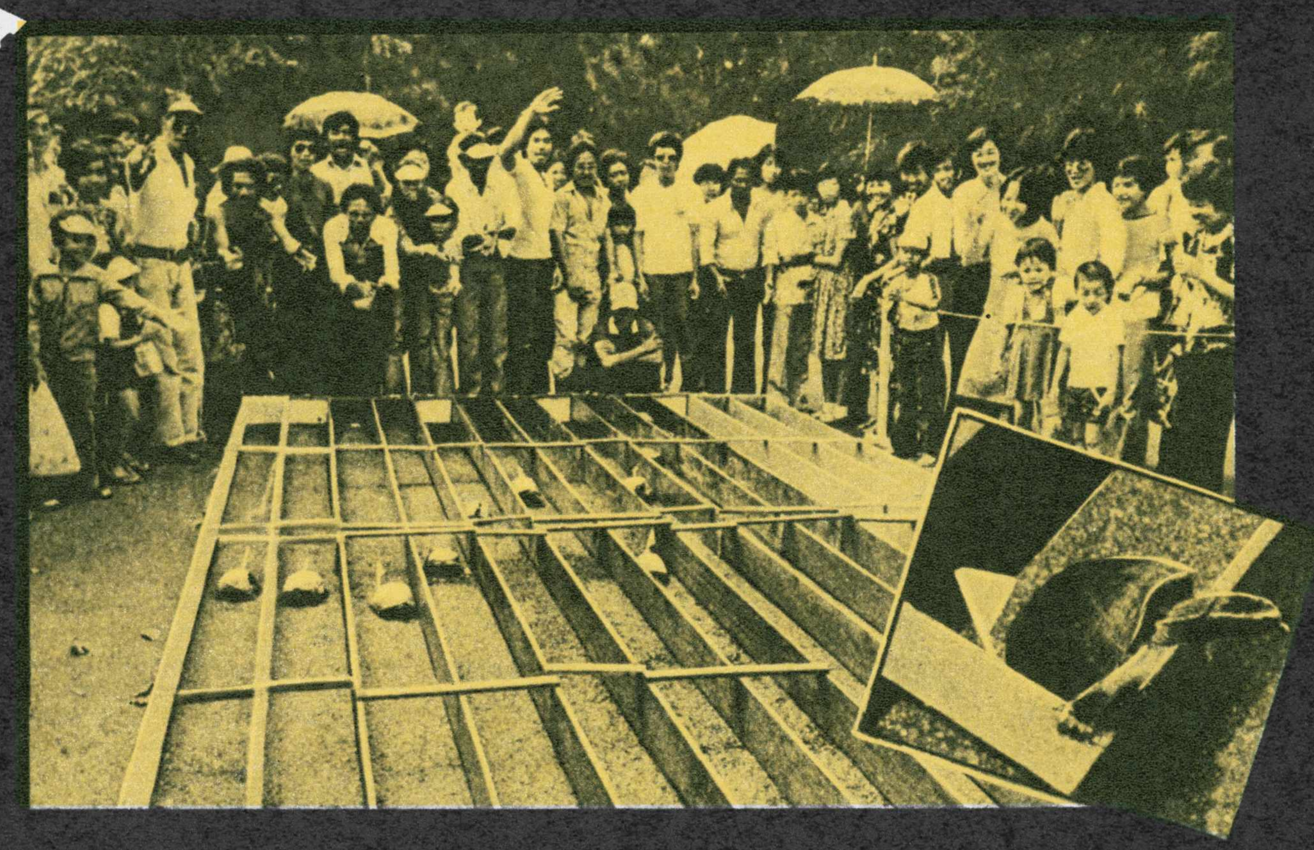
Образ пеликана как олицетворение высшего альтруизма встречается в художественной литературе — отечественной и зарубежной. Вспомните «Плоды раздумья» прославленного Козьмы Пруткова. Под № 24 значится афоризм «Усердный врач подобен пеликану».

Не оставил без внимания такой впечатляющий образ и великий Шекспир. В 5-й сцене 4-го акта бессмертного «Гамлета» Лаэрт говорит:

Его друзей я заключу в объятья;
И, жизнью жертвуя, как пеликан,
Отдам им кровь свою.

ПЕСТРАЯ СТРАНИЦА

Черепашьи бега



Черепашьи бега, широко распространенные в Сингапуре, вызывают такие же страсти и бурю восторгов у зрителей, как соревнования на лошадях и гоночных автомобилях. Для них отводятся специальные площадки, спины тихоходов метят различными красками, чтобы не перепутать... Ну, а рекорды! У спринтеров лучший результат — три метра за одну минуту, у стайеров — сто метров за тридцать три минуты.

Кто как передвигается

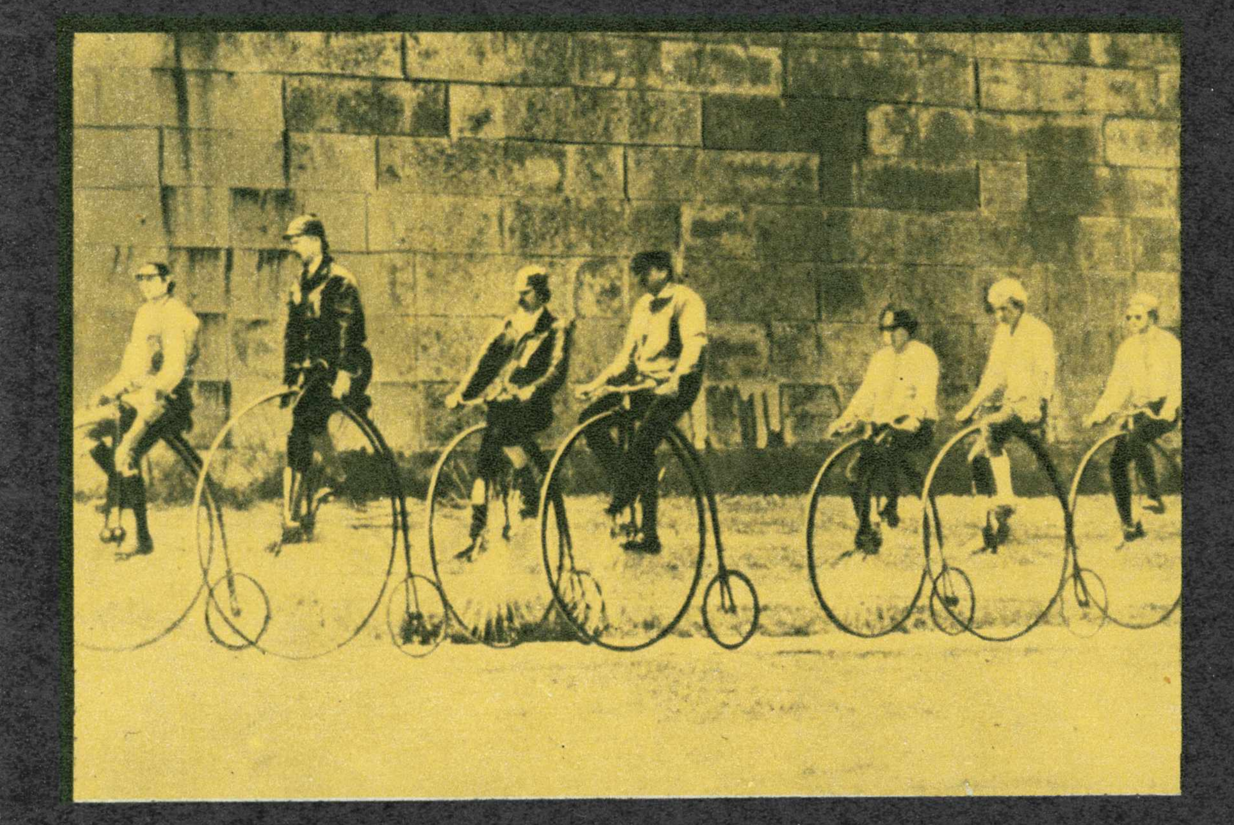
Старого инженера из Штутгарта Йозефа Мюллера дух изобретательства не покидает и в его восемьдесят лет. Он сконструировал велосипед, который считается особенно подходящим для лиц преклонного возраста.

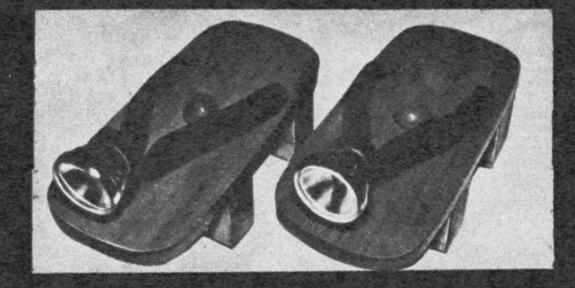
* * *

Если у вас нет катера, не огорчайтесь — покататься можно и на спине касатки, нужно только ее укротить, как это делает дрессировщик дельфинов в океанариуме Майами. Морской исполин, весящий более 5 тонн, развивает скорость до 30 километров в час.

* * *

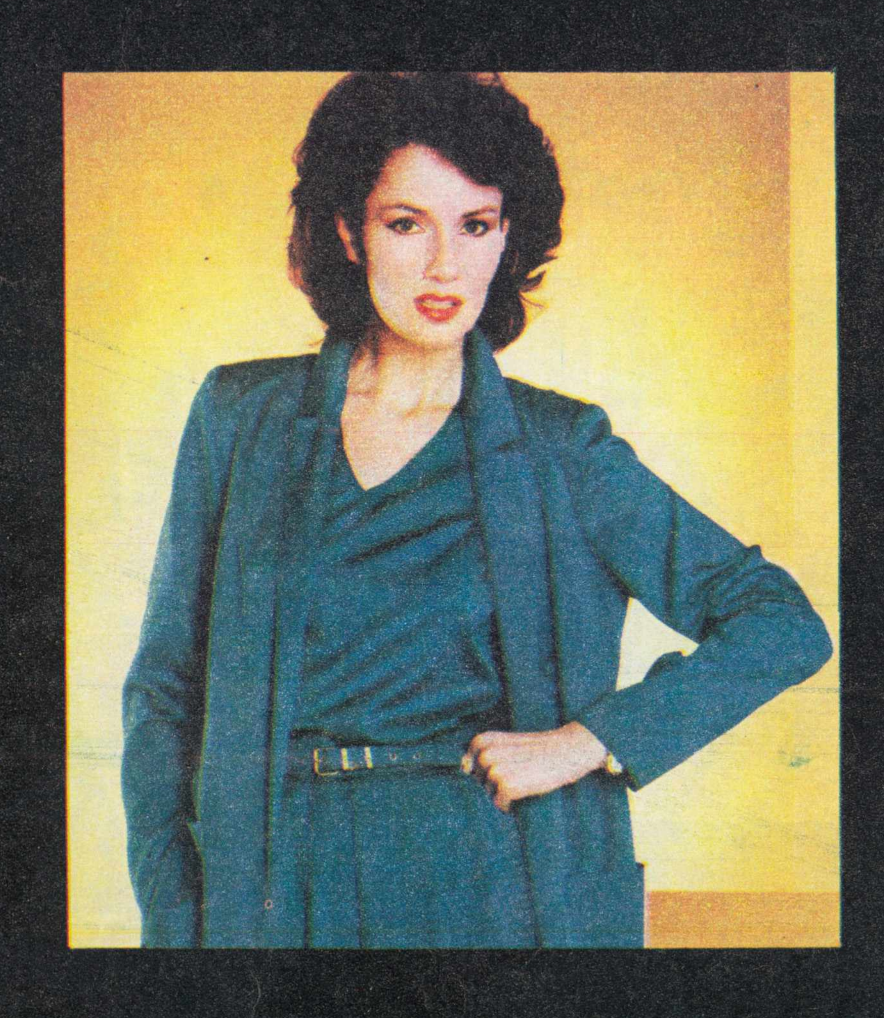
В настоящее время Америка переживает подлинный велосипедный бум. Высокие цены на бензин заставляют людей искать дешевые способы передвижения. Да это полезно и для здоровья. А разве не интересно прогуляться на таких допотопных велосипедах...





* * *

И все же самое надежное средство передвижения — это наши ноги. Однако ночью в темноте можно нечаянно и споткнуться. Что ж, в Японии электрические фонарики на традиционной обуви предохраняют пешехода на неосвещенных улочках.



ISSN 0131—0097
Цена номера 40 коп.
Индекс 70663